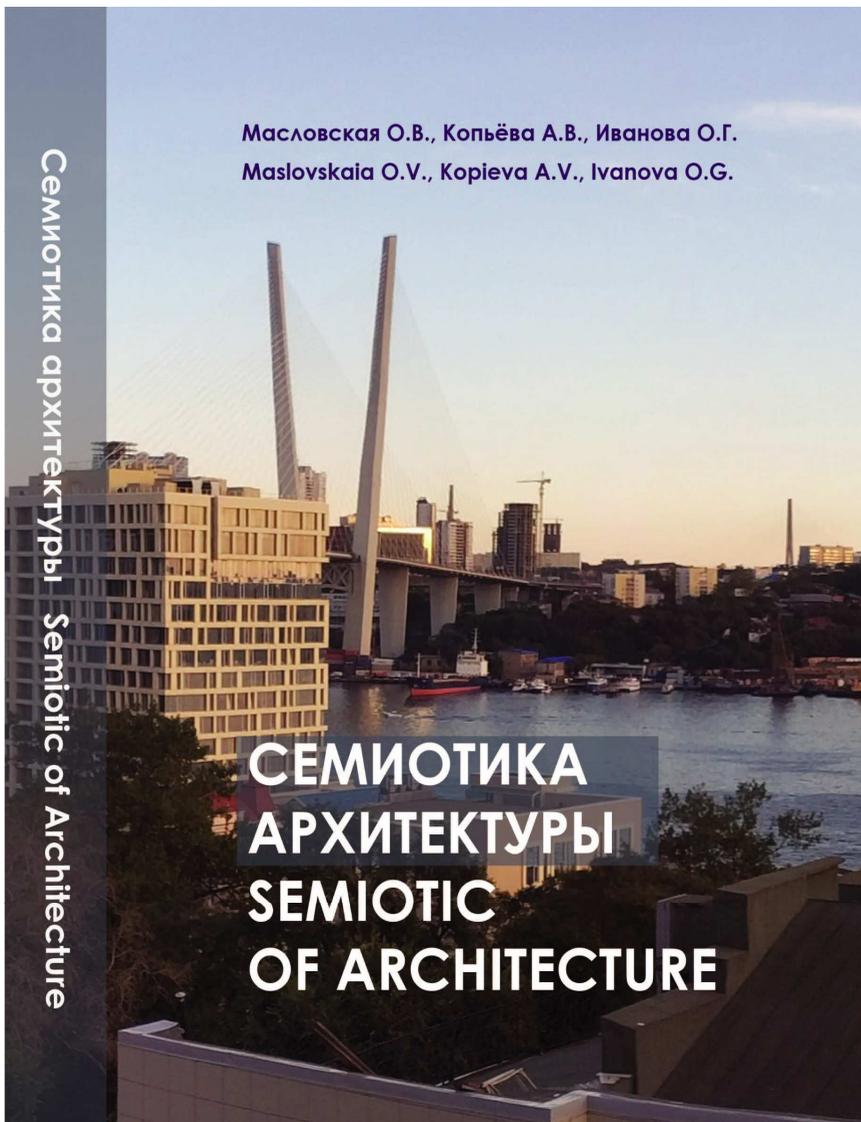

Семиотика архитектуры Semiotic of Architecture

Масловская О.В., Копьева А.В., Иванова О.Г.
Maslovskaja O.V., Kopyeva A.V., Ivanova O.G.

СЕМИОТИКА
АРХИТЕКТУРЫ
SEMIOTIC
OF ARCHITECTURE

Министерство науки и высшего образования РФ
Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»
Vladivostok State University

ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
Far Eastern Federal University

О.В. Масловская, А.В. Копьёва, О.Г. Иванова
O.V. Maslovskaja, A.V. Kopyeva, O.G. Ivanova

СЕМИОТИКА АРХИТЕКТУРЫ

SEMIOTIC OF ARCHITECTURE

Монография
Monograph

Владивосток
Vladivostok

Издательство ВВГУ
VVSU Publishing house
2024

УДК 72.01
ББК 85.118
М31

Рецензенты: *Т.Я. Вавилова*, канд. архитектуры, доцент, профессор кафедры архитектуры жилых и общественных зданий Самарского государственного технического университета (СамГТУ);
П.Ю. Грин, канд. архитектуры, доцент, доцент кафедры основ архитектуры и художественных коммуникаций Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ)

Масловская, Оксана Владимировна

Семиотика архитектуры : монография / О.В. Масловская, А.В. Копьёва, О.Г. Иванова ; пер. на англ. О.В. Масловской; Владивостокский государственный университет. – Владивосток : Изд-во ВВГУ, 2024. – 206 с.

ISBN 978-5-9736-0699-2

DOI: <https://doi.org/10.24866/0699-2>

В монографии рассматриваются четыре архитектурных арха типа: небоскрёбы, мосты, площади, лестницы – семиотически значимые архитектурные элементы, контрастирующие друг с другом и собирающие фрагменты образа-коллажа современного города. Анализируется их роль как элементов образа города в процессе личностной идентификации человека и места (формирование территориальной идентичности) и пространственной ориентации, потребности человека в понимании своего местонахождения для того, чтобы жить и действовать.

Для специалистов, преподавателей и обучающихся в области градостроительства, архитектуры и дизайна, а также всех, кто интересуется семиотикой архитектуры.

УДК 72.01
ББК 85.118

ISBN 978-5-9736-0699-2

- © ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», издание, 2024
- © О.В. Масловская, А.В. Копьёва, О.Г. Иванова, текст, 2024

UDK 72.01
BBK 85.118
M31

Reviewers: *T.Ya. Vavilova*, Ph.D. Architecture, Docent, Professor of the Department of Architecture of Residential and Public Buildings, Samara State Technical University (SamSTU);
I.Yu. Green, Ph.D. Architecture, Docent, Docent of the Department of Fundamentals of Architecture and Artistic Communications of the National Research Moscow State University of Civil Engineering (NRU MGSU), Corresponding Member of the Academy of Architectural Heritage, Member of the Union of Architects of Russia

Maslovskaja, Oksana Vladimirovna

Semiotic of architecture : monograph / O.V. Maslovskaja, A.V. Kopieva, O.G. Ivanova ; translated into English by O.V. Maslovskaja ; Vladivostok State University. – Vladivostok: Publishing House of VVSU, 2024. – 206 p.

ISBN 978-5-9736-0699-2

DOI: <https://doi.org/10.24866/0699-2>

The book examines four architectural archetypes: skyscrapers, bridges, squares, stairs – semiotically significant architectural elements that contrast with each other and collect fragments of the image-collage of a modern city. The role of the elements of the image of the city in the process of personal identification of a person and a place (formation of territorial identity) and spatial orientation, a person's need to understand his location in order to live and acts is analyzed.

For specialists, teachers and students in the field of urban planning, architecture and design, as well as anyone interested in the semiotics of architecture in the broad sense of the word.

UDK 72.01
BBK 85.118

ISBN 978-5-9736-0699-2

© Vladivostok State University,
edition, 2024
© O.V. Maslovskaja,
A.V. Kopieva, O.G. Ivanova,
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

5	Введение
11	1. Небоскрёбы
49	2. Площади
91	3. Мосты
145	4. Лестницы
189	Заключение
197	Библиографический список
202	Указатель имён
204	Указатель мест

CONTENTS

5	Introduction
11	1. Skyscrapers
49	2. Squares
91	3. Bridges
145	4. Stairs
189	Conclusion
197	Bibliography
202	Index of names
204	Index of places

ВВЕДЕНИЕ INTRODUCTION

Москва-Сити и мост «Багратион».
Фото: О.В. Масловская

Moscow-City and Bagration Bridge.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

В монографии предпринята попытка применения феноменологического подхода в архитектуре, основанного Кристианом Норбергом-Шульцем [48–51] и развиваемого Юхани Палласмаа [53], а также метода исследования пространственного восприятия, созданного Кевинном Линчем [5, 6].

По определению Юхани Палласмаа, «Феноменология стремится изобразить явления, обращаясь непосредственно к сознанию в его собственном измерении ... Феноменология архитектуры – это ... «взгляд на» архитектуру изнутри переживающего её сознания, через архитектурное чувство в отличие от анализа физических пропорций и свойств здания или его стилистической принадлежности. Феноменология архитектуры ищет внутренний язык строительства» [53, с. 450].

Согласно теории К. Норберга-Шульца, центральное понятие феноменологического подхода – «экзистенциальное место» – разделяется на «пространство» и «характер». При этом «пространство» соотносится с психической функцией «ориентации» в окружающей среде, а «характер» играет главную роль в «идентификации» [49, с. 5]. Под «идентификацией» понимается переживание естественной и искусственной среды как освоенного и осмысленного пространства.

The monograph attempts to apply the phenomenological approach to architecture, founded by Christian Norberg-Schulz [48–51] and developed by Juhani Pallasmaa [53], as well as the method of studying spatial perception, created by Kevin Lynch [42, 43].

According to Juhani Pallasmaa's definition, "Phenomenology strives to depict phenomena appealing directly to the consciousness in its own dimension of consciousness... The phenomenology of architecture is ... "looking at" architecture from within the consciousness experiencing it, through architectural feeling in contrast to analysis of physical proportions and properties of the building or stylistic frame of reference. The phenomenology of architecture seeks the inner language of building" [53, с. 450].

According to the theory of K. Norberg-Schulz, the central concept of the phenomenological approach – "existential place" – is divided into "space" and "character". At the same time, "space" correlates with the psychologic function of "orientation" in the environment, and "character" plays a major role in "identification" [49, p. 5]. By "identification" is meant the experience of the natural and artificial environment as a habitable and meaningful space.

В книге анализируются четыре архитектурных архетипа: небоскрёбы, мосты, площади, лестницы. Первая пара объектов – бинарная оппозиция «небоскрёба» и «площади» – ассоциативно отсылает к историческому труду А.Э. Бринкмана «Площадь и монумент как проблема художественной формы» [2].

Материал книги Бринкмана в основном относится к итальянскому и северному Возрождению, к эпохе французского классицизма и к градостроительству Германии XVII и XVIII вв. Автор анализирует пространственное строение города как взаимодействие противоположащихся тектонических феноменов площади и монумента, не ограничиваясь ими, но включая и другие элементы городского организма: горизонтально-линейные улицы, набережные, речные протоки и противопоставленные им вертикальные акценты триумфальных арок, обелисков, колонн, колодцев, фонтанов и др.

Вслед за Бринкманом мы рассматриваем несколько контрастных друг другу архитектурных архетипов, масштаб и характер которых существенно изменились из-за появления высотных зданий и сооружений, большепролетных мостов, многополосных автомобильных развязок, но всё ещё осуществляющих ориентационные и идентификационные функции и создающих в своей взаимосвязи отличительные и значимые места современных городов.

The book analyzes four architectural archetypes: skyscrapers, bridges, squares, stairs. The first pair of objects, the binary opposition of “skyscraper” and “square”, associatively refers to the historical work of the German art critic A.E. Brinkman “Square and monument as a problem of artistic form” [2].

The material in Brinkmann's book relates mainly to the Italian and Northern Renaissance, to the era of French classicism and to the urban planning of Germany in the 17th and 18th centuries. The author analyzes the spatial structure of the city as the interaction of opposing tectonic phenomena of the square and the monument, not limited to them, but including other elements of the urban organism: horizontal linear streets, embankments, river channels and contrasting vertical accents of triumphal arches, obelisks, columns, wells, fountains and etc.

Following Brinkman, we consider several architectural archetypes contrasting with each other, the scale and character of which have changed significantly due to the emergence of high-rise buildings and structures, long-span bridges, multi-lane road junctions, but still performing orientation and identification functions and creating in their interconnection distinctive and significant places of modern cities.

Третий архетип – мост – один из самых ярких объектов городских и сельских ландшафтов, контрастный по своему значению высотному зданию и площади. Противопоставленность различных форм ориентиров видна в пропорциях посвящённых им книг: для своих монографий про небоскрёбы Дж. Дюпре выбирает подчёркнуто вертикальный формат [30], а для мостов – горизонтальный (рис. 1) [29].

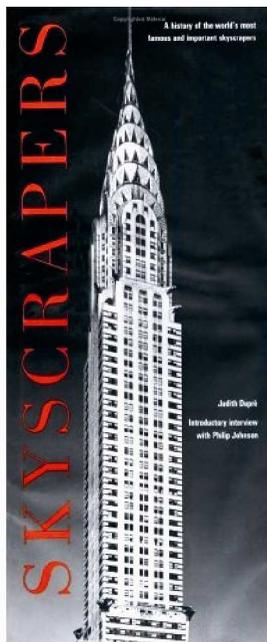
Четвёртый архетип – лестница – «примиряет» все три предыдущие архетипа. Лестница связывает разные уровни пространства между собой не только функционально, но и своей сущностной диагональностью, контрастирующей с вертикальностью башен и пилонов мостов, горизонтальностью мостовых пролётов и плоскостностью площадей.

В сочетании друг с другом небоскрёбы, мосты, площади и лестницы представляют собой набор семиотически значимых архитектурных элементов, противопоставленных друг другу и собирающих фрагменты образа-коллажа современного города.

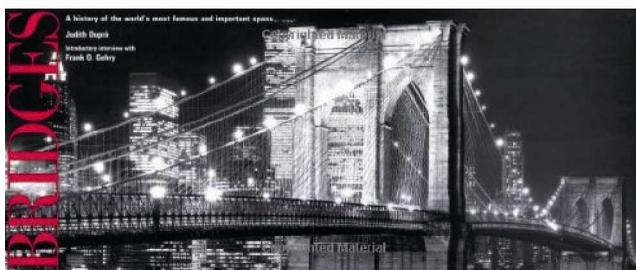
The third archetype, the bridge, is one of the most outstanding objects in urban and rural landscapes, contrasting in its meaning with both the high-rise building and the square. The opposition of various forms of landmarks is visible in the proportions of the books devoted to them: for his monographs about skyscrapers, J. Dupre chooses an emphatically vertical format [30], and for bridges – a horizontal one (fig. 1) [29].

The fourth archetype, the staircase, “reconciles” all three previous ones: it connects different levels of space with each other not only functionally, but also by its essential diagonality, which contrasts with the verticality of towers and pylons of bridges, the horizontality of bridge spans, and the flatness of squares.

In combination with each other, skyscrapers, bridges, squares and stairs are a set of semiotically significant architectural elements that are opposed to each other and collect fragments of the image-collage of the modern city.

а (a)

б (b)

Рис. 1. Обложки книг Дж. Дюпре:
а – «Небоскрёбы»; б – «Мосты»

Fig. 1. Covers of Judith Dupre books:
a – “Skyscrapers”; b – “Bridges”

1. НЕБОСКРЁБЫ
1. SKYSCRAPERS

Небоскрёб «Высоцкий» в Екатеринбурге.
Фото: А.Г. Гаврилов

Skyscraper "Vysotsky" in Yekaterinburg,
Photo: Alexey G. Gavrilov

1.1. Концепции высоты и вертикальности в архитектуре

Я вижу ваши здания, они растут ввысь, над тропами, где когда-то бродил человек. Поскольку небоскрёбы закрывают небеса, они могут упасть.

*Rita Джо** [38, с. 4]

Формирование образа города всегда было одной из главных задач архитектурного мышления, поскольку города, так же как и люди, стремятся быть значимыми и узнаваемыми. Если в исторических городах для этого использовались церковные шпили, колокольни, часовые и пожарные башни, то современные мегаполисы строят свой образ на основе высотных зданий и небоскрёбов, напоминающих устремлённые в небо готические соборы. Небоскрёбы стали неотъемлемой частью образа города, их высота и форма создают уникальный облик и делают город узнаваемым в мире.

* Рита Джо (1932–2007 г., урождённая Рита Бернард), канадская поэтесса, представитель коренной народности микмаков.

1.1. The concepts of height and verticality in architecture

I see your buildings rising skyward, over the trails where once men walked. While skyscrapers hide the heavens, they can fal.

*Rita Joe** [38, p. 4]

Creating a city image has always been one of the main tasks of architectural thinking, since cities, just like people, strive to be meaningful and recognizable. If in historical cities church spiers, bell towers, clock and fire towers were used for this, then modern mega-cities build their image on the basis of high-rise buildings and skyscrapers, reminiscent of Gothic cathedrals directed to the sky. Skyscrapers have become an integral part of the image of the city, their height and shape create a unique look and make the city recognizable in the world.

* Rita Joe (1932–2007, born Rita Bernard), Canadian poet, indigenous Mi'kmaq.

Целью данной главы является прослеживание концепций высоты и вертикальности в истории высотного строительства.

В задачи входит:

1) проследить этимологию архитектурно-градостроительных понятий, связанных с высотным строительством;

2) выявить феноменологические и культурологические смыслы небоскрёба и скайлайна города;

3) раскрыть сходства и различия понятий, служащих для описания различных типов городских панорам.

Основным смыслом небоскрёба является понятие высоты и вертикальности. Коннотативное значение высотности делает современный небоскрёб наследником Вавилонской башни. Возвышающаяся форма небоскрёба символизирует утверждающий жест, созидательную активность и силу. Архаико-тектонические смыслы башенного строительства зафиксированы в космогонической символике древнейших культур, где они получили мифопоэтическую интерпретацию в виде доминирующей позиции вертикального элемента – центра упорядоченного и значимого пространства.

The main goal of this paragraph is to reveal the significance of height and verticality history of skyscrapers and skylines.

The objectives are as follows:

1) to trace the etymology of architectural and urban concepts related to skyscraper;

2) discuss the perceived experience of the cultural aspects of skyscrapers and sky-lines;

3) describe the differences and similarities between types of the distant views of the cities.

The main meaning of the skyscraper is the concept of height and verticality. The connotative value of height makes the modern skyscraper the heir to the Tower of Babel. The towering form of the skyscraper symbolizes an affirmative gesture, creative activity and strength. The archaic-tectonic meanings of tower construction are fixed in the cosmogonic symbolism of the most ancient cultures, where they received a mythopoetic interpretation in the form of a dominant position of a vertical element – the center of an ordered and meaningful space.

Пирамида Трансамерика
в Сан-Франциско.
Фото: О.В. Масловская

Transamerica Pyramid
in San Francisco.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

1.2. Семантизация понятий для описания высотных зданий и сооружений

Для описания высотных зданий и сооружений существует множество терминов: в английском языке это «turret», «tower», «tall building», «skyscraper», в русском – «вышка», «башня», «высотное здание» и буквально переведённый с английского «небоскрёб». Найти сходства и различия между различными понятиями, обозначающими модификации вертикальных форм в архитектуре, – значит уточнить свойства характеризуемых ими образов.

В соответствии с выдвинутым О.М. Фрейденберг большим законом семантизации «...понятие рождается до факта, который впоследствии передает и к которому прикрепляется, ...оно рождается из метафоры» [13, с. 36]. Представляется целесообразным рассмотреть действие этого закона по отношению к рассматриваемым терминам.

В настоящее время с идеей высоты и концепцией вертикальности в архитектуре ассоциируются термины «скайлайн» и «небоскрёб».

1.2. Semantization of tall buildings and structures notions

There are many terms for describing high-rise buildings: in English they are “turret”, “tower”, “tall building”, “skyscraper”, in Russian “vyshka”, “bashnia”, “vysotnoe zdanie” and literally translated from English “neboskreb”. The search for similarities and differences between various concepts that reveal modifications of vertical forms in architecture means the exact properties of the images characteristic.

According to Russian researcher Olga Freidenberg in her book *Myth and Literature of Antiquity* [13, p. 36], in beginning was the Word, a sign-symbol without pragmatic content. Then it becomes a conventional notion or an operational concept, and only after this transformation is possible to reach a prosaic non-symbolic reality. Let us consider this rule concerning several notions linked with the conception of verticality.

Terms most commonly associated with the idea of height and conception of verticality in architecture are skyline and skyscraper.

«Скайлайн в основном относится к XX веку» [22, с. 11]. Однако раньше это слово использовалось для обозначения не архитектурного, а природного явления. Первоначально в английском языке слово «скайлайн» значило «горизонт» или «очертание на фоне неба». Впервые использование этого слова в его ещё не архитектурном значении установлено в 1824 г., когда оно появилось как синоним «горизонта», т.е. видимой линии, разделяющей небо и землю [24, с. 1014]. В записках путешественников, новеллах и поэмах, посвященных живописным ландшафтам, «скайлайн» служил для обозначения поэтической коллизии неба и земли [22, с. 11].

В конце XIX в. «скайлайн» приобрел новый архитектурный смысл: «очертание небоскрёбов на фоне неба». Впервые использование этого слова в значении «очертания или силуэта нескольких зданий или других искусственных объектов, воспринимаемых на фоне неба» появилось в сочинениях Джорджа Бернарда Шоу в конце XIX в. [56]. «Скайлайн» приобретает вторичное архитектурно-поэтическое значение.

“Skylines are largely a 20th-century concern” [22, p. 11]. However, this word was used earlier to describe not architectural, but the natural phenomenon. Originally, in the English language skyline meant “horizon” or “outline on the background of the sky”. The first general use of the word skyline is recorded in 1824 when it appeared as a synonym for the horizon, the line where earth and sky meet [24, p. 1014]. “In travel literature – journals, diaries, and guidebooks – and in novels about travel and exotic places, ‘skyline’ was employed in reference to the meeting of sky and land” [22, p. 11].

At the end of the 19th century, the word skyline has gained a new and more specific architectural meaning: “outline of skyscrapers on the background of the sky”. The use of the word skyline as “the outline or silhouette of a building or number of buildings or other subject seen against the sky” for the first time appeared in writings of George Bernard Shaw at the end of the 19th century [56]. Skyline has gotten a new underlying sense, a secondary architecture-poetical meaning.

Одной из метафор «скай-лайна» является сопоставление динамичности природных ландшафтов и непредсказуемости человеческой судьбы – Линии Жизни. В этом смысле, как Линия Жизни, понятие используется в исторических исследованиях, религиозной и художественной литературе.

Оно применяется также в различных дисциплинах: служит в географии для обозначения горного ландшафта, встречается в романтических новеллах и поэмах при описании природного ландшафта. «Скайлайн» служит названием архитектурного журнала «Skyline: Architecture and design review», симпозиумов по метеорологии и т.д.

В 2000–2022 гг. немецкая компания «Emporis» [32], занимающаяся интеллектуальным анализом данных недвижимости, привела списки городов, ранжированных по визуальному влиянию их скайлайнов, основанных на статистических расчётах. В соответствии со списком «Emporis» в первую пятёрку наиболее впечатляющих скайлайнов входят Гонконг, Нью-Йорк (рис. 1.1), Сингапур, Чикаго и Дубай (рис. 1.2).

One of the metaphors of the “skyline” is a comparison of the dynamism of natural landscapes and the unpredictability of human fate – the Line of Life. In this sense, as the Line of Life, the concept is used in historical research, religious and fiction.

It is also used in various disciplines: it serves in geography to designate a mountain landscape, it is found in romantic novels and poems when describing a natural landscape. “Skyline” serves as the name of the architectural journal “Skyline: Architecture and design review”, symposiums on meteorology, etc.

In 2000–2022, the German company Emporis [32], engaged in intellectual analysis of real estate data, provided lists of cities ranked by the visual impact of their skylines, based on statistical calculations. According to the Emporis list, the top five most impressive skylines are Hong Kong, New York (fig. 1.1), Singapore, Chicago and Dubai (fig. 1.2).

а (а)

б (b)

Рис. 1.1. а – Гонконг. Источник: <https://www.architecturaldigest.com/story/finland-safest-travel-destination>. Фото: luxizeng; б – Нью-Йорк. Источник: <https://www.architecturaldigest.com/story/nyc-public-schools-wellness-design-for-healthier-environments>. Фото: Getty Images

Fig. 1.1. а – Hong Kong. Source: <https://www.architecturaldigest.com/story/finland-safest-travel-destination>. Photo: luxizeng; б – New York. Source: <https://www.architecturaldigest.com/story/nyc-public-schools-wellness-design-for-healthier-environments>. Photo: Getty Images

а (a)

б (b)

в (c)

Рис. 1.2. а – Сингапур.
Источник: istockphoto-976763270-612x612; б – Чикаго. Источник: istockphoto-936148306-612x612; в – Дубай. Источник: iStock. Фото: Aleksandra Tokarz

Fig. 1.2. a – Singapore. Source: istockphoto-976763270-612x612; b – Chicago. Source: istockphoto-936148306-612x612; c – Dubai. Source: iStock. Photo: Aleksandra Tokarz

Понятие «скайлайн» развивается параллельно с другим специфическим архитектурным термином — «небоскрёб». До конца XIX в. это слово использовалось в различных отмеченных человеческой активностью, но еще не архитектурных смыслах: «лошадь, вскочившая на дыбы» (впервые зафиксировано в 1788 г.); «треугольный парусник» (1794); «высокая шляпа или капор» (1800); «возвышенное или «высокое» повествование» (1841); «очень высокий человек» (1857); «высоко запущенный в воздух мяч в бейсболе»; «горнолыжник» (1866); «высокий орнамент на вершине здания» (1883); «катающийся на высоком велосипеде» (около 1892 г.) [56].

Все исторические и современные смыслы «небоскрёба» («skyscraper») объединяет образ высокого и вертикального.

Термин «облако-скрёб» как альтернативное понятие для описания высотного здания был введён архитектором из Миннеаполиса Лероем Баффингтоном в 1880-х гг. На уровне эскизов и инженерных расчётов 30-, 50- и даже 100-этажных башен он изучал идею применения стального каркаса для возведения высотных зданий [41]. В 1887 г. изобретатель запатентовал свой «облако-скрёб» (рис. 1.3). Баффингтон «довёл до сведения национальных архитектурно-строительных сообществ потенциал железного скелетного каркаса» [41], но неологизм «облако-скрёб» не прижился.

The concept of skyline is developing in parallel with another specific architectural term sky-scraper. The word skyscraper was used in 18–19th centuries to describe notions linked with human activity, but not yet in the architectural sense.

Skyscraper was originally used in various senses: high-standing horse (1788); a triangular sky sail (1794); a tall hat or bonnet (1800); an exaggerated or “tall” story (1841); a very tall man (1857); in baseball a ball pro-pelled high into the air, a towering hit, a skier (1866); a tall ornament on top of a building (1883); a rider on one of the high cycles formerly in use around 1892 [56].

Old and contemporary senses of the word skyscraper have in common the idea of height and verticality.

The term cloud scraper as an alternative notion for tall building description was introduced by Minneapolis architect LeRoy Buffington in 1880-s. He studied the idea of steel skeleton application for construction of high-altitude buildings at a level of sketches and engineering calculations of 30, 50 and even 100-storeyed towers [41]. In 1887, the inventor has patented his cloud scrapers (fig. 1.3). Buffington “brought the potential of the iron skeletal frame to the attention of the national architectural and building communities” [41], but the neologism cloud-scraper has not got accustomed.

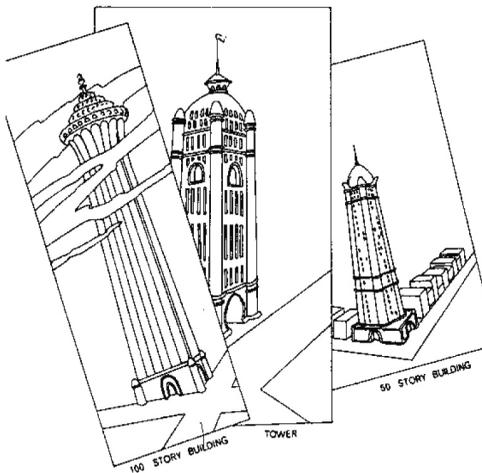

Рис. 1.3. 28-этажный
облако-скрëб Лероя
Баффингтона, 1888 г.
Источник:
<https://thearchitectureprofessor.com/2021/03/30/3-13-buffingtons-cloudscraper>

Fig. 1.3. LeRoy Buffington,
28-story Cloudscraper, Min-
neapolis, 1888. Source:
<https://thearchitectureprofessor.com/2021/03/30/3-13-buffingtons-cloudscraper>

Чарльз Дженкс в своей книге «Skyscrapers-Skyprickers-Skycities» (рис. 1.4) [37] ввёл ещё несколько понятий для различных типов высотных зданий и комплексов. Skypricker расшифровывается как «небоскрëб с остроконечным шпилем» [57]. Например, здание Эмпайр Стейт – это классический skypricker. Собственно небоскрëбы, согласно Чарльзу Дженксу, – это высотные здания прямоугольной формы. Однако термин skypricker, как и облако-скрëб Баффингтона, не получил общепотребительного распространения. Этот термин также не прижился. Skycity определяется Дженксом как «составное высотное здание» [37, с. 13].

Charles Jencks in his book *Sky-scrappers-Skyprickers-Skycities* (fig. 1.4) [37] introduced some more notions for different types of high-rise buildings and complexes. Skypricker stands for a “skyscraper with a pointed spire” [57]. For example, the Empire State building is a classic skypricker. Skyscrapers themselves, according to Charles Jencks, are high-rise rectangular buildings. However, the term skypricker, like Buffington's cloudscraper, has not received common usage. This term has not got accustomed. Skycity is determined by Jencks as a “the compound tall building” [37, p. 13].

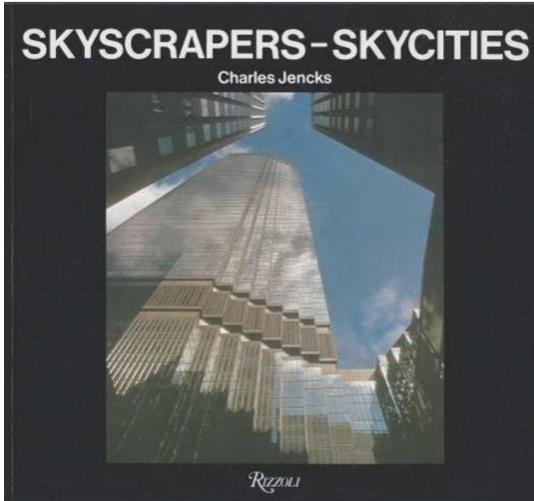

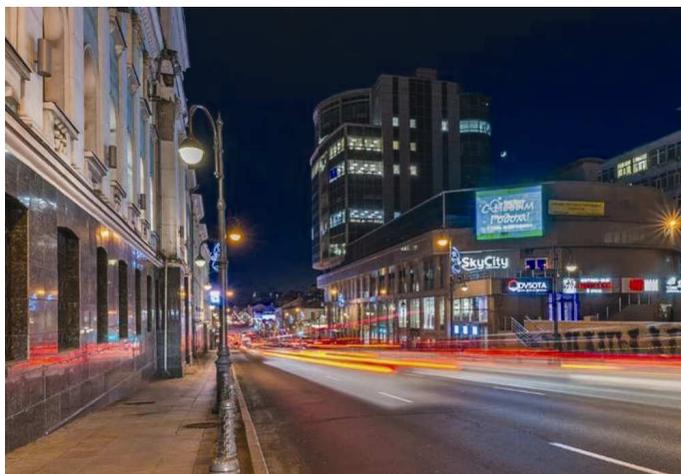
Рис. 1.4. Обложка книги Ч. Дженкса «Небоскрёбы-города»

Fig. 1.4. Book cover "Skyscrapers-skycities" by Ch. Jencks

Современное употребление слова *skycity*¹ включает в себя названия игр (одна из настольных научно-фантастических игр – «Война небесных городов»), фильмов, фирм, ресторанов, казино, небоскрёбов, аэропортов и т.д. Во Владивостоке собственным именем СкайСити назван один из административно-торговых комплексов, построенных в центре города (рис. 1.5).

Contemporary using the word *skycity* includes names of games (one of the science fiction tabletop games has name “War of the Sky Cities”), films, firms, restaurants, casinos, big skyscrapers, airports etc. In Vladivostok, one of the business center built in the city core was named after SkyCity (fig. 1.5).

¹ Скайсити – небесный город.

а (а)

б (b)

Рис. 1.5. Здание СкайСити
в г. Владивостоке: а – вид
по ул. Алеутской.
Источник:
<https://yandex.ru/maps/-/CCUvrPrZdC>. Фото: Vlad B.;
б – вид с ул. Фонтанной.
Источник:
<https://yandex.ru/maps/-/CCUvrPrZdC>. Фото: Vlad B.

Fig. 1.5. SkyCity Building
in Vladivostok:
а – view from Aleutskaia Str.
Source:
<https://yandex.ru/maps/-/CCUvrPrZdC>. Photo: Vlad B.;
б – view from Fontannaia Str.
Source:
<https://yandex.ru/maps/-/CCUvrPrZdC>. Photo: Vlad B.

Другой вариант употребления термина «СкайСити» – это обозначение города, включающего кластеры небоскрёбов как противопоставление одиночному зданию (даже если это большой и составной вертикальный город, как Абэно Харукас в г. Осака, Япония [45]).

Некоторые современные исследователи используют термин «Город-небоскрёб» в аналогичном значении. Например, профессор Терри Боак пишет: «Увеличение плотности нашей городской среды по мере того, как мы создаем «небоскрёбные города», неизбежно и желательно как средство ограничения разрастания городов и сохранения ценных сельскохозяйственных угодий» [27, с. 494] (рис. 1.6).

Another use of the term skyscity is to refer to a city that includes clusters of skyscrapers, as opposed to a single building (even if it is a large and composite vertical city, like Abeno Harukas in Osaka, Japan [45]).

Some contemporary researchers use the term Skyscraper City in similar meaning. For example, Prof. Terri Boake writes, “The increase in density of our urban environment as we create “skyscraper cities” is inevitable and desired as a means to limit urban sprawl and preserve valuable agricultural land” [27, p. 494]. (fig. 1.6).

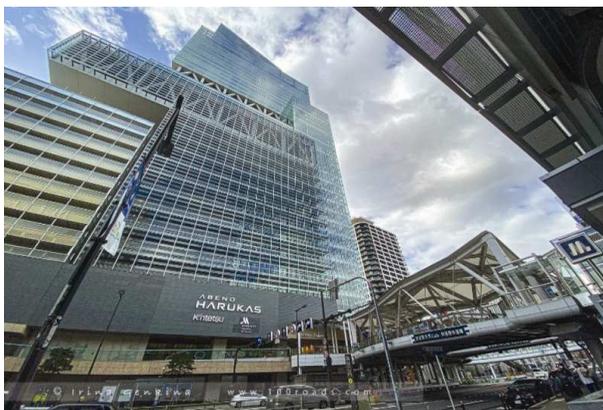

Рис. 1.6. Небоскрёбный город «Абэно Харукас» в г. Осака, Япония.

Источник:

https://www.100roads.com/2021/10/28/osaka_abeno_harukas.

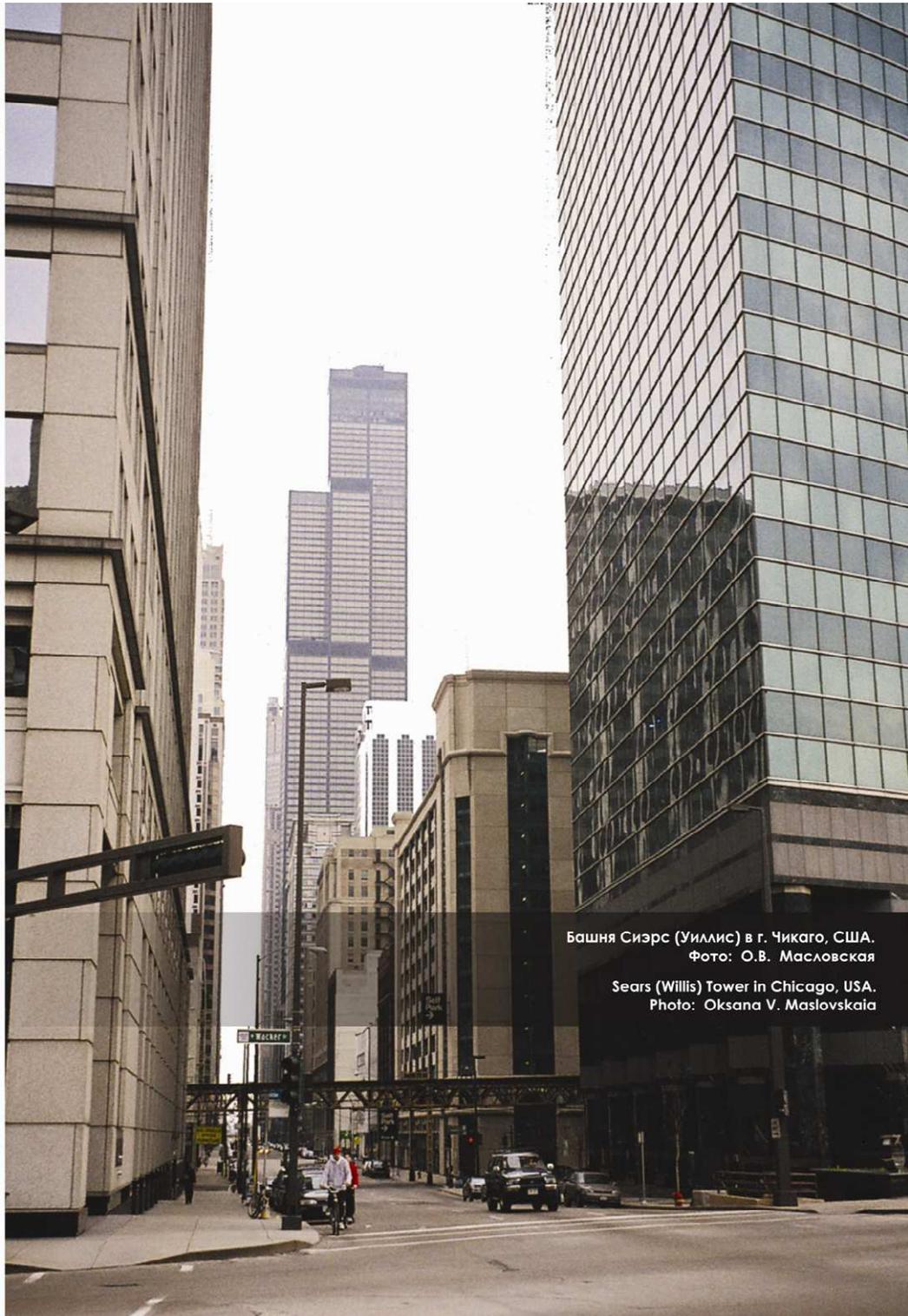
Фото: Ирина Генкина

Fig. 1.6. Skyscity “Abeno Harukas” in Osaka, Japan.

Source:

https://www.100roads.com/2021/10/28/osaka_abeno_harukas.

Photo: Irina Genkina

Башня Сизэрс (Уиллис) в г. Чикаго, США.
Фото: О.В. Масловская

Sears (Willis) Tower in Chicago, USA.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

1.3. Идея высоты

Современные небоскрёбы и их кластеры возникли на рубеже XIX и XX вв. в США. В это время в США наблюдается стремительный рост промышленности, торговли, строительства; идея высоты зданий приобретает чрезвычайную актуальность. При поиске стиля небоскрёба основное внимание уделялось его высоте.

В 1896 г. Луис Салливан писал: «Какова главная характеристика высотного офисного здания? Его высота. Высотность является главным аспектом его художественной природы. Есть ясный глубинный характер в его призыве. Он должен быть доминирующим аккордом выражения, истинным возбудителем воображения. Он должен быть высоким в каждом своём дюйме. В нём должны быть сила и могущество высоты, слава и гордость возвышения. Каждый дюйм должен быть гордым и парящим, возвышающимся в чистом ликовании от того, что снизу доверху это единое целое без единой расходящейся линии, что это новое, неожиданное, красноречивое изречение самых наглых, самых зловещих, самых неблагоприятных условий» [58, с. 108].

1.3. Idea of height

Modern skyscrapers and their clusters had emerged at the turn of the 19th and the 20th century in America. At this time in the United States, there was a rapid growth in industry, trade, construction, the idea of the height of buildings is becoming extremely relevant. In the search of skyscraper's style, the central attention was given to its height.

In 1896 Louis Sullivan wrote, “What is the chief characteristic of the tall office building? And at once we answer, it is lofty. This loftiness is to the artist-nature its thrilling aspect. It is the very open organ-tone in its appeal. It must be in turn the dominant chord in his expression of it, the true excitant of his imagination. It must be tall, every inch of it tall. The force and power of altitude must be in it, the glory and pride of exaltation must be in it. It must be every inch a proud and soaring thing, rising in sheer exaltation that from bottom to top it is a unit without a single dissenting line, – that it is the new, the unexpected, the eloquent peroration of most bald, most sinister, most forbidding conditions” [58, p. 108].

Голландский исследователь Томас А.П. ван Леувен в своей книге «Небесное направление мысли: метафизика американского небоскрёба» рассматривает небоскрёб не только как новаторское сооружение, но и «как поздний, но своевременный пример парадигматической архитектуры; настоящей башни космогонии» [40, с. 11]. Он считает, что небоскрёб – это современный преемник Вавилонской башни: «Небоскрёбы были исполнением вавилонского обещания; реализация его технической загадки и его утопически космополитической цели» (рис. 1.7) [40, с. 39].

Примером ступенчатой формы и стремления ввысь могут служить образы фантастической картины Эрастуса Солсбери Филда 1876 г. под названием «Исторический монумент Американской республики». Одним из современных примеров является Le Royal [20], седьмое по высоте здание в Аммане, Иордания, построенное в 2003 г.

Как отмечает Томас А.П. ван Леувен: «Неосознанное знание или интуиция, вероятно, – это то, что было общего у старых строителей башен и создателей первых американских небоскрёбов: восторженное, иррациональное желание строить высоко в честь чего-то непознаваемого» [40, с. 51].

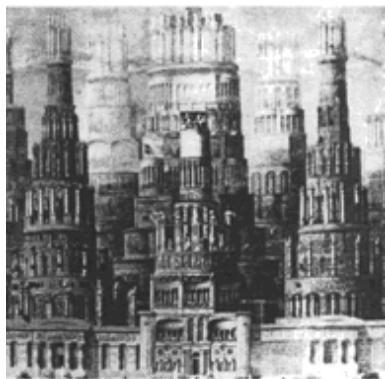
Dutch researcher Thomas A.P. van Leeuwen in his book *The Skyward Trend of Thought: Metaphysics of the American Skyscraper* considers skyscraper not only as innovative structure, but as well “as a late, but rightly timed, example of paradigmatic architecture; indeed, as the tower of cosmogony” [40, p. 11]. He believes that skyscraper is a modern successor of Tower of Babel: “Skyscrapers were the fulfillment of the Babylonian promise; the realization of both its technical enigma and its utopian-cosmopolitan objective” (fig. 1.7) [40, p. 39].

An example of a stepped form and skyrocket striving is the fantastic images of Erastus Salisbury Field’s painting of 1876 named “The Historical Monument of the American Republic”. One contemporary example is the Le Royal [20], the 7th tallest building in Amman, Jordan, completed in 2003.

As Thomas A.P. van Leeuwen notes, “The non-conscious knowledge or intuition is probably what the old tower builders and originators of the first American skyscrapers had in common: an enthusiastic, non-rational, desire to build high in celebration of something that probably they were not aware of” [40, p. 51].

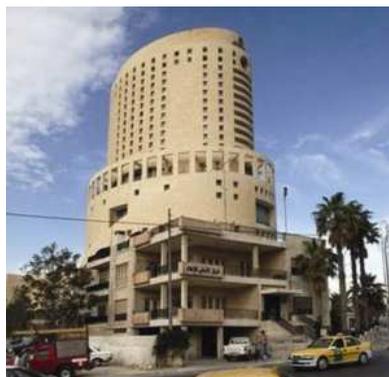
а (a)

б (b)

в (c)

г (d)

Рис. 1.7. а – Питер Брейгель Старший. «Вавилонская башня» (нид. De bouw van de toren van Babel), 1563 г.; б – Эрастус Солсбери Филд «Исторический монумент Американской республики» (фрагмент), 1876 г. [40, с. 50]; в – здание Европейского парламента в Страсбурге, Франция. Фото: Christoph Schmidt; г – отель Ле Рояль в г. Амман, Иордания

Fig. 1.7. а – Pieter Bruegel the Elder: The Tower of Babel, 1563; б – Erastus Salisbury Field, Historic Monument of the American Republic (fragment), 1876 г. [40, p. 50]; в – The European Parliament in Strasbourg, France. Photo: Christoph Schmidt; г – Le Royal Hotel, Amman, Jordan

Понятие высоты становится основным смыслом небоскрёба. Дж.Дж. Кором отмечает: «Мы празднуем стремление вверх, чтобы быть ближе к облакам, мы празднуем нашу битву с природой, удовлетворяясь тем, что это даёт нам представление о превосходстве. Теперь мы можем строить выше, чем когда-либо прежде, и осознавать, что празднование высоты первично и постоянно» [39, с. 15].

Понятие высоты обобщает сущность всех возможных видов высоты. Точнее, оно воплощает в себе идею высоты. Сама по себе форма небоскрёба не включает глубину духа; она введена в тот или иной прагматический контекст, направленный на реализацию определенной практической функции. Взаимосвязанная с ней идея быть «№ 1» воплощается в архитектуре в постоянно обновляемых списках самых высоких зданий мира – реперов максимальных достижений [44].

Идея высоты исключена из любого контекста; она органична, присуща человеческому, глубокому архитектурному смыслу как таковому [44]. Основное понятие высоты используется не только в архитектуре, но и в других искусствах.

Идея высоты как «означаемое» присутствует в самых различных культурах, как древних, так и современных, хотя конкретные «означающие формы» сильно разнятся по своим размерам, конфигурации и деталям.

The concept of height becomes the basic sense of skyscraper. As J.J. Korom shows, “We *celebrate* the push upward to be nearer the clouds and we *celebrate* our tussle with nature, gratified it allows us the notion of supremacy. We can now build higher than ever before and realize the *celebration of height* is primal and constant” [39, p. 15].

The concept of height summarizes the essence of all possible kinds of height. More precisely, it embodies the idea of height. The form of skyscraper itself does not make any deep spirit, it is included in one or other pragmatic context directed on the realization of certain practical function. It is possible to say that *height* is concept in the absolute. The interconnected idea of being “No. 1” is embodied in architecture in the constantly updated lists of the word tallest buildings – symbols of maximum achievements [44].

The idea of height is excluded from any context; it is organic, immanent to the human, deep architectonic sense as such [44]. The basic concept of *height* is used not only in architecture, it is performed in other arts.

The idea of height as a “signified” is present in a wide variety of cultures, both ancient and modern, although the specific “signifying forms” vary greatly in their size, configuration and detail.

Как писал Ролан Барт, «общей областью означаемых коннотаций является область идеологии, всегда единая независимо от того, к каким «означающим формам» она прибегает» [25, с. 49]. Таким образом, понятие высоты принадлежит идеологии, распространяющейся на все проявления культуры, поскольку область идеологии является общей для всех означаемых смыслов.

Более того, как пишет Томас А.П. ван Леувен, «американцы XIX века, как и вавилоняне, разделяли общее царство платонических идей, из которых они вывели свои амбиции, а также свою концепцию вертикальности» [40, с. 51].

Здания, выдающиеся своей высотой относительно окружающей застройки и ландшафта, строились во все времена, начиная с возведения человеком менгира – продолговатого камня, поставленного вертикально.

Стремление строить ввысь может быть вызвано как духовными и религиозными соображениями, так и необходимостью укрытия и защиты от врагов, а также это подтверждение высокого статуса, властного доминирования или материального превосходства. Маяки, мельницы, водонапорные башни, мачты связи, пилоны мостов и другие утилитарные сооружения – более прагматичны по своей сути, но, кроме того, сообщают драматический эффект символической и эстетической городской силуэта (рис. 1.8).

As Roland Barthes wrote, “This common domain of the signifieds of connotation is that of *ideology*, which cannot but be single for a given society and history, no matter what signifiers of connotation it may use” [25, p. 49]. Thus, the concept of height belongs to the ideology extending on all manifestations of culture because the area of ideology is common for all signified senses.

Moreover, as Thomas A.P. van Leeuwen writes, “19th-century Americans, as well as Babylonians, had shared the common realm of platonic ideas, from which they had derived their ambitions as well as their concept of verticality” [40, p. 51].

Buildings, outstanding in their height relative to the surrounding structures and landscape, have been built at all times, beginning from the construction of a menhir – an oblong stone placed vertically.

The desire to build upward can be caused by both spiritual and religious considerations, and the need for shelter and protection from enemies, as well as confirmation of high status, power dominance or material superiority. Lighthouses, mills, water towers, communication masts, bridge pylons and other utilitarian structures are more pragmatic in nature, but also impart a dramatic effect to the symbolism and aesthetics of the city skyline (fig. 1.8).

а (a)

б (b)

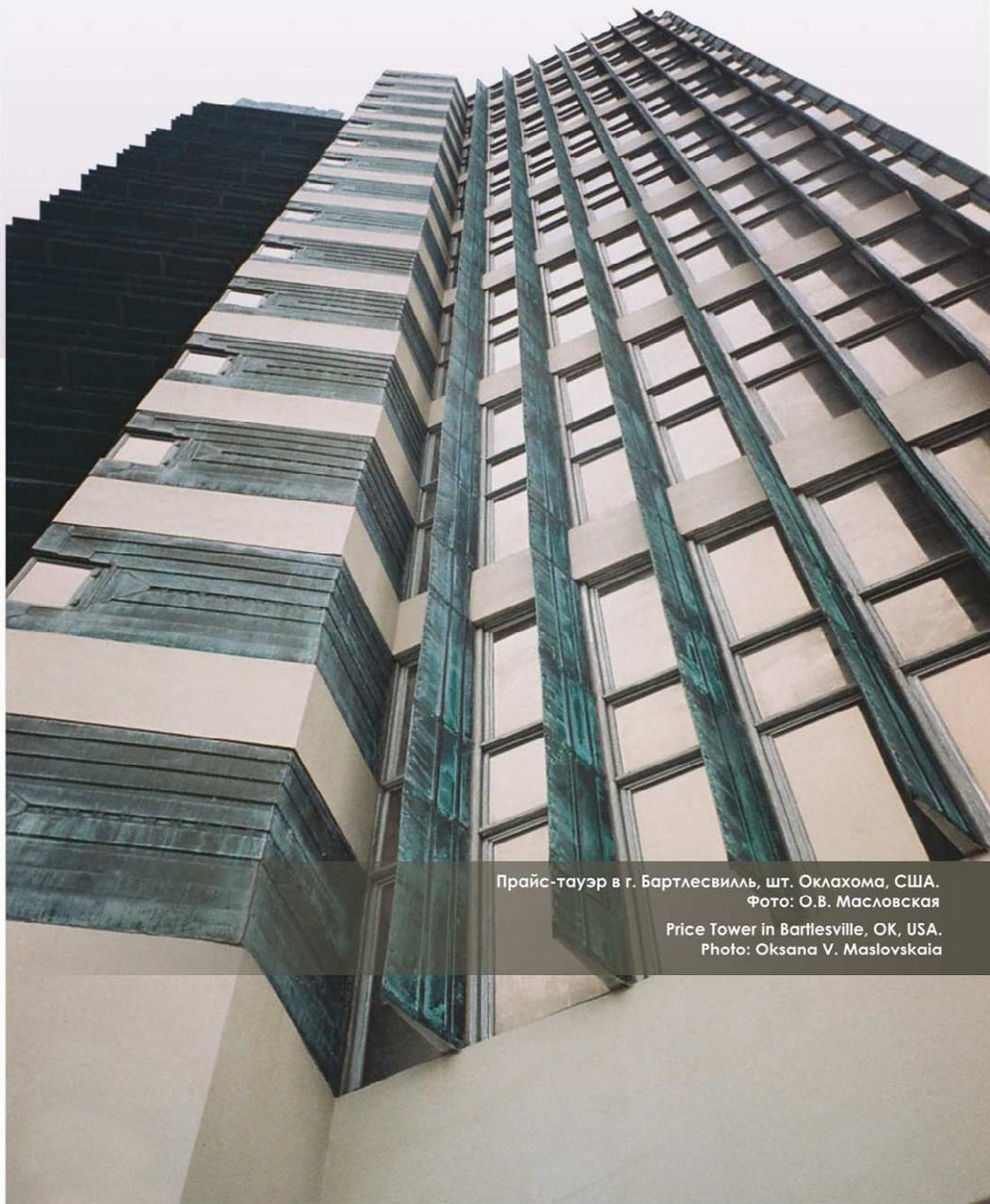
в (c)

г (d)

Рис. 1.8. Самые высокие сооружения Владивостока:
 а – пилон Русского моста, 324 м; б – пилоны Золотого моста, 226 м; в – телевышка на сопке Орлиное гнездо, 180 м; г – жилой комплекс «Аквамарин», 155 м.
 Фото: А.Г. Гаврилов, AdmiralHood, О.В. Масловская

Fig. 1.8. The tallest buildings in Vladivostok: a – pylon of the Russian Bridge, 324 m; b – pylons of the Golden Bridge, 226 m; c – TV tower on the Eagle's Nest hill, 180 m; d – residential complex “Aquamarine”, 155 m.
 Photo: Alexey G. Gavrillov, AdmiralHood, Oksana V. Maslovskaja

Прайс-тауэр в г. Бартлесвилль, шт. Оклахома, США.
Фото: О.В. Масловская

Price Tower in Bartlesville, OK, USA.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

1.4. Вертикальность как утверждающий жест

Вертикальность небоскрёбов многие теоретики связывают с глубокими изначальными, первобытными смыслами архитектуры. Как отмечает Филипп Нобель, «есть что-то, что движет высотной гонкой. Что-то первобытное, соперничающее, романтическое, вечное: некое следствие человеческого разума, запрограммированного на любовь к перспективам, горам, нуждающегося в высоте, чтобы чувствовать себя в безопасности от угрозы, врождённого стремления оставить знак на земле – чем выше, тем лучше, а еще лучше, если она может быть самой высокой из всех» [47, с. 8, 9].

Ада Луиза Хакстейбл утверждает: «Начиная с Вавилонской башни фантазии строителей были вертикальными, а не горизонтальными» [36, с. 7]. Сами по себе башня и небоскрёб за счёт возвышающейся формы раскрывают феноменологический смысл вертикали, поскольку она представляет созидательный утверждающий жест. Он выполняет требование определённых усилий для поддержания устойчивости вертикального состояния, которое означает активность и силу по сравнению с менее «энергоёмким» горизонтальным положением, символизирующим спокойствие и расслабление [44].

1.4. Verticality as an assertive gesture

Many theorists connect vertical character of skyscrapers with the deep initial, primitive senses of architecture. As Philip Nobel notes, “there’s something driving the height race. Something primal, competitive, romantic, eternal: some consequence of human minds, hard-wired to love a prospect, a mountain, needing to be high to feel safe from threat, congenitally driven to manufacture a marker on the land – the higher the better, and better still if it can be the highest of them all” [47, p. 8, 9].

Ada Louise Huxtable asserts, “From the Tower of Babel onward, the fantasies of builders have been vertical rather than horizontal” [36, p. 7]. By themselves, the tower and skyscraper due to the rising form, reveal the phenomenological meaning of verticality since it represents a creative assertive gesture. It fulfills the requirement of certain efforts to maintain the stability of a vertical position, which means activity and strength in comparison with the less “energy-consuming” horizontal position symbolizing calm and relaxation [44].

Этот феноменологический смысл современных городов-небоскрёбов и средневековых башенных городов выражается и в таких тектонических играх, как возведение башни из игральных карт, башенных нагромождений из детских кубиков или замков из песка [44] (рис. 1.9, 1.10 [40, с. 36]). Как утверждает Томас А.П. ван Леувен: «С тех дней и по сей день, когда люди преуспевают в архитектуре, у них появляется желание строить высоко; не из-за религиозного чувства, а от приподнятости духа и избытка силы – как когда они танцуют или поют – с некоторой примесью тщеславия – как когда ребенок строит карточную башню» [40, с. 51].

Строительство небоскрёбов следует древней культурной символике: высотные здания являются доминирующими вертикальными элементами и знаками упорядоченного пространства.

Природные вертикальные объекты издавна привлекали внимание людей. В древних культурах высокие деревья и горы, как и высотные сооружения в настоящее время (рис. 1.11), символизировали мощь и силу, устойчивость и рост, торжество покорения и возможность обзора дальних перспектив.

This phenomenological meaning of skyscraper's and medieval tower's cities is expressed also, for example, in such tectonic games as the erection of a tower from playing cards, tower piles of children's cubes or sand castles [44] (fig. 1.9, 1.10 [40, p. 36]). As Thomas A.P. van Leeuwen asserts, "From that days to this, whenever men have become skillful architect at all, there has been a tendency in them to build high; not it any religious feeling, but in mere exuberance of spirit and power – as they dance or sing – with a certain mingling of vanity – like a child builds a tower of cards" [40, p. 51].

The construction of skyscrapers follows ancient cultural symbolism: high-rise buildings are the dominant vertical elements and signs of an orderly space.

Natural vertical objects have long attracted people's attention. In ancient cultures, tall trees and mountains, like high-rise buildings today (fig. 1.11), symbolized power and strength, stability and growth, the triumph of conquest and the ability to view long prospects.

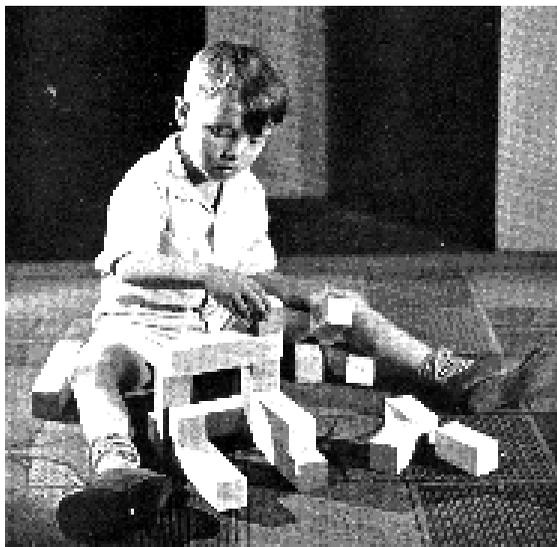

Рис. 1.9. Созидательный утверждающий жест: построение башни из кубиков

Fig. 1.9. Creative affirmative gesture: building a tower of cubes

Рис. 1.10. Представление о «Городе башен», 1682 г.

Fig. 1.10. Representation of the "City of Towers", 1682

Рис. 1.11. Вертикальность городского ландшафта Владивостока: рельеф, сосны и жилой комплекс «Магнум». Фото: О.В. Масловская

Fig. 1.11. Verticality of the urban landscape of Vladivostok: relief, pine trees and the Magnum residential complex. Photo: Oksana V. Maslovskaja

Здание АТТ в Нью-Йорке, США.
Фото: О.В. Масловская

AT&T Building in New York, USA.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

1.5. Сравнительный анализ понятий «скайлайн», «силуэт», «горизонт» и «панорама»

При описании градостроительной формы применяется широкий спектр терминов для обозначения её вертикальных проекций. Преобладанием художественного начала и многозначностью характеризуются такие термины, как: «пейзаж города», «фасад города», «вид города» или «ведута» (итал. veduta), «виста» (исп. vista).

Специфически архитектурно-градостроительными понятиями являются «архитектурная перспектива» и «вертикальный профиль городского ландшафта».

Широко распространены в архитектурно-градостроительной теории такие термины, как: «очертание», «силуэт» и «скайлайн» (англ. skyline) города, «вид с птичьего полёта», «городской интерьер», «ситискейп» (англ. cityscape), «архитектурная панорама» и другие.

Цель данного подраздела состоит в том, чтобы установить различия и сходства некоторых этих понятий.

В отличие от панорамы скайлайн характеризуется большей высотой, компактностью и динамичностью отображаемой городской архитектоники. Панораму же отличает больший простор, пространственность, широкоформатный охват территорий и статичность городской формы (табл. 1.1).

1.5. Comparative analysis of skyline, silhouette, horizon, and panorama notions

When describing the urban form, a wide range of terms is used to designate its vertical projections. The predominance of the artistic principle and ambiguity characterize such terms as: *city scenery*, *facade of the city*, *view of the city* or *veduta* (Italian *veduta*), “*vista*” (Spanish *vista*).

Specific architectural and urban planning concepts are *architectural perspective* and *vertical profile of the urban landscape*.

Widespread in the architectural and urban theory are such terms as: *outline*, *silhouette* and *skyline of the city*, *bird's eye view*, *urban interior*, *cityscape* (English *cityscape*), *architectural panorama* and others.

The purpose of this paragraph is to establish the differences and similarities of some of these concepts.

Beside *panorama skyline* is characterized by larger height, compactness, and dynamism of depicted urban architectonic. At the same time *panorama* has large spaciousness, the wide-format scope of territories and static character of depicted urban form (table 1.1).

**Сравнительный анализ понятий горизонта, силуэта,
горизонта и панорамы**

Характер образа	Скайлайн	Силуэт	Горизонт	Панорама
Высота (В) – Ширина (Ш)	В	В	Ш	Ш
Динамика (Д) – Статика (С)	Д	Д	С	С
Вертикальность (В) – Горизонтальность (Г)	В	В	Г	Г
Многослойность (М) – Плоскостность (П)	М	П	П	П
Включение сцен городской жизни	–	–	–	+
Описание не только пейзажей	–	–	+	–

Table 1.1

**Comparative analysis of *skyline*, *silhouette*, *horizon*,
and *panorama* notions**

Image character	Skyline	Silhouette	Horizon	Panorama
High (H) vs. Wideness (W)	H	H	W	W
Dynamism (D) vs. Statics (S)	D	D	S	S
Verticality (V) vs. Horizontality (Z)	V	V	Z	Z
Multi-Layered (L) vs. Flat (F)	L	F	F	L
Includes City Scenes	–	–	–	+
Involves Only Sceneries	+	–	+	+

Скайлайн в своём современном значении и горизонт противопоставляются друг другу как характерные проекции вертикального и горизонтального, объёмного и линейного, динамичного и статичного объекта градообразования.

Skyline in its contemporary meaning and horizon are the characteristic projections of the vertical and horizontal, volumetric and linear, dynamic and static city's views.

Skyline наиболее близок к силуэту из-за своей динамичности и других качеств описываемых форм. Тем не менее силуэт – это нерасчлененная масса, сплошной контур, а скайлайн включает многослойность, мозаичный коллаж форм, орнаментов, фактур, стилей. Силуэт может применяться к любому, даже не архитектурному объекту, будь то ваза или человек, а скайлайн уже несёт в себе принадлежность архитектурно-градостроительной тематике, поскольку означает «очертание групп небоскрёбов на фоне неба».

Панорама может интерпретироваться как панорама городской жизни, городская сцена или городская картина, где может быть изображена повседневная или праздничная жизнь города, включающая движение людей и автомобилей. Силуэт и скайлайн города передают общие очертания ландшафта и поэтому более близки в этом отношении к городскому пейзажу, ограниченному изображением архитектуры и ландшафта.

Skyline is closest to the silhouette because of its dynamism and other qualities of the described forms. Nevertheless the silhouette is the undifferentiated mass, filled outline, while skyline is multi-layered, the mosaic collage of forms, ornamentation, textures, styles. Silhouette can be applied to any, even not architectural object, for example, silhouette of vase or the silhouette of man, while skyline already implies architectural matter, since it means the “outline of the groups of skyscrapers against the background of sky”.

Panorama can be interpreted as panorama of urban life, city scene or urban picture, where the everyday or holiday life of city may be depicted, including the motion of people and automobiles. Skyline and silhouette of city convey the general outlines of the landscape and therefore are closer in this respect to the urban cityscape, limited by images of architecture and landscape.

Скайлайн описывает широкий спектр визуальных проекций города (относительно взаиморасположения наблюдателя и объекта восприятия), включая вид сверху, фронтальный вид и интерьер города, в том числе «плафонную» перспективу (рис. 1.12). Силуэт города – это частный случай скайлайна, он не может быть, например, видом сверху.

Наиболее важна для определения «скайлайна» его принадлежность неклассической системе эстетических ценностей, в основе полицентричного построения которой лежат новая символика и художественные приёмы «коллажа», «аккумуляции» и «ассамбляжа» (рис. 1.13).

Таким образом, отличительными качествами скайлайна, противопоставленного традиционным понятиям силуэта и панорамы, являются: более широкий спектр описываемых им визуальных проекций, принадлежность ландшафтно-градостроительной проблематике, выраженная в его этимологии, применимость к градостроительным формам, которые характеризуются высотностью, вертикальностью, динамичностью и компактностью и основываются на неклассических принципах сочетания разнообразных элементов.

Skyline comprises the wide range of the city's views (regarding the relative position of the observer and the object of perception): with upper, frontal, internal, even worm's eye points of observation (fig. 1.12). City's silhouette can be described only as a special mode of skyline in this matter, because it cannot be, for example, the upper view.

The most important for the definition of skyline is its belonging to a non-classical system of aesthetic values, based on the polycentric construction of which are new symbolism and artistic techniques of collage, accumulation and assemblage (fig. 1.13).

Thus, the distinctive qualities of the skyline, as opposed to the traditional concepts of silhouette and panorama, are: a wider range of visual projections described by it, belonging to the landscape and urban planning issues, expressed in its etymology, applicability to urban planning forms that are characterized by height, verticality, dynamism and compactness and are based on non-classical principles of combining various elements.

Рис. 1.12. Небоскрёб «Carpe Diem» и другие здания парижского района Дефанс в плафонной перспективе.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 1.12. Skyscraper "Carpe Diem" and other buildings of the Parisian district of Defense in the worm's eye perspective.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

а (a)

б (b)

Рис. 1.13. Ансамбль и ассамбляж: а – ансамбль площади им. Ж. Д'Арк в Париже; б – ассамбляж высотной застройки в парижском районе Дефанс

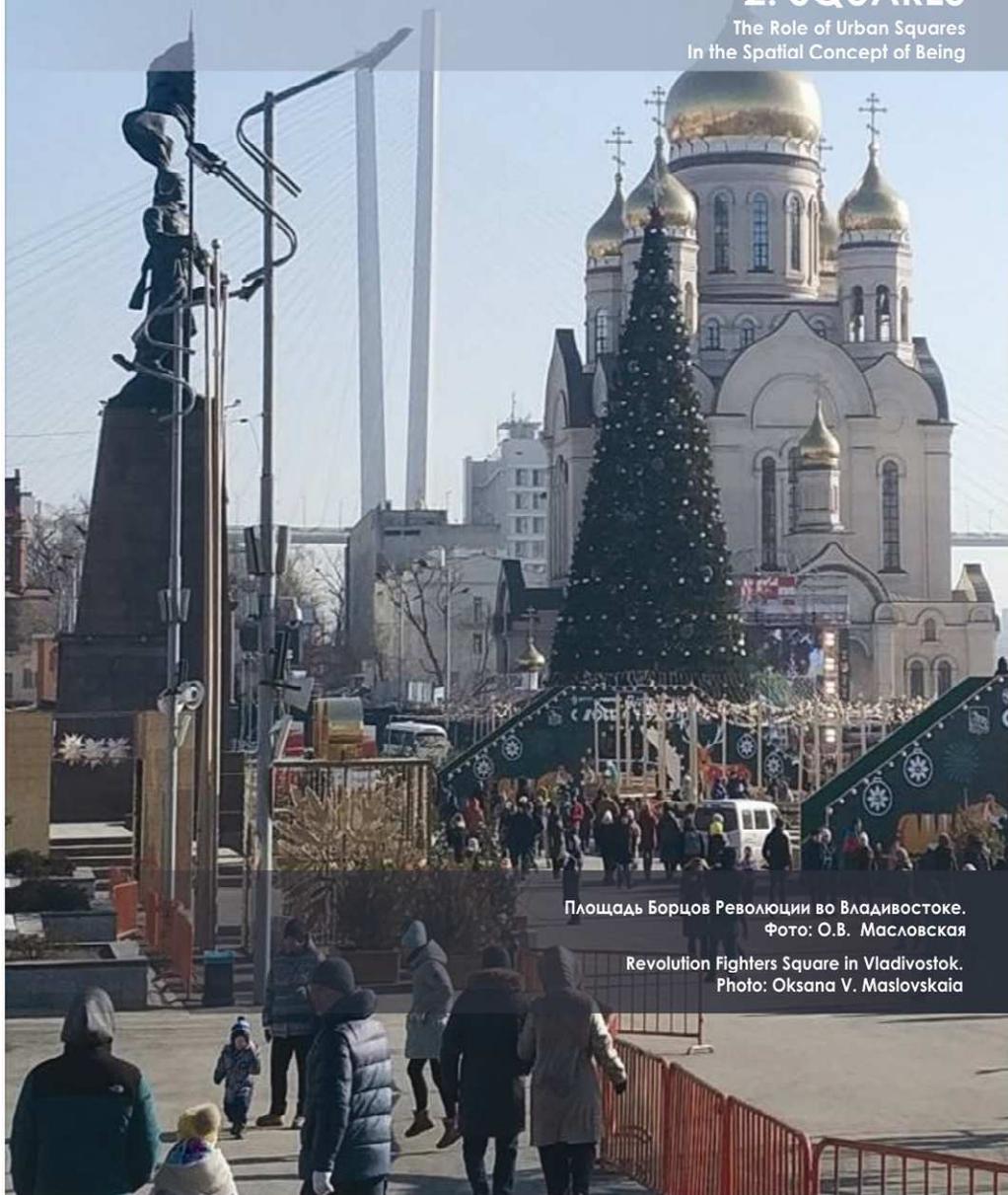
Fig. 1.13. Ensemble and assemblage: a – the ensemble of the square named after J. D'Arc in Paris; b – an assemblage of high-rise buildings in the Parisian district of Defense

2. ПЛОЩАДИ

Роль городских площадей
в пространственной концепции бытия

2. SQUARES

The Role of Urban Squares
In the Spatial Concept of Being

Площадь Борцов Революции во Владивостоке.
Фото: О.В. Масловская

Revolution Fighters Square in Vladivostok.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

2.1. Актуальность, цель и методология исследования роли городских площадей в пространственной концепции бытия человека

Актуальность исследования содержательно-смысловых значений городских площадей определена изменяющейся структурой и возрастанием степени общественной активности населения, порождающей необходимость реконструкции существующих площадей и создания новых форм открытых пространств города. Научная актуальность проблемы объясняется необходимостью систематического осмысления этих изменений и обновления архитектурно-дизайнерской теории.

Цель данной главы – выявление содержательно-смысловых значений городских площадей как явления художественной культуры.

Задача главы – определение идентификационного и ориентационного значений городских площадей как структурной основы пространственной концепции бытия человека.

2.1. Relevance, purpose and methodology of studying the role of city squares in the spatial concept of human being

The relevance of the study of the content-semantic meanings of city squares is determined by the changing structure and the increasing in the degree of social activity of the population, which gives rise to the need for reconstruction of existing squares, the creation of new forms of open spaces of the city. The scientific relevance of the problem is explained by the need to systematically comprehend these changes and update the architectural and design theory.

The purpose of this paragraph is to identify the content-semantic meanings of city squares as a phenomenon of artistic culture.

The objective of the chapter is to determine the identification and orientational characteristics of city squares as the structural basis of the spatial concept of man's being.

Методология данной части исследования основана на принципах феноменологического подхода в архитектуре, основанного Кристианом Норбергом-Шульцем [48–51] и развиваемого Юхани Палласмаа [53], а также на исследованиях пространственного восприятия Кевина Линча [5, 6].

Хр. Норберг-Шульц ввёл понятие экзистенциального места, заключающего в себе «основные отношения между человеком и окружающей его средой» [49, с. 5]. Он подчёркивает, что «место, очевидно, является составной частью существования» [51, с. 3], а архитектура «может удовлетворить потребность в жилище в экзистенциальном смысле слова» [48, с. 7]. «Жить – значит принадлежать данному месту и, кроме того, иметь дом, где сердце может расцветать, а ум размышлять» [48, с. 12].

Понятие экзистенциального места «разделяется на дополнительные термины «пространство» и «характер» в соответствии с основной психической функцией «ориентации» и «идентификации» [49, с. 5].

The methodology of the study is based on principles of the phenomenological approach in architecture founded by Christian Norberg-Schulz [48–51] and developed by Juhani Pallasmaa [53], and also on spatial perception studies made by Kevin Lynch [5, 6].

Chr. Norberg-Schulz introduced the concept of *existential place*, comprising ‘the basic relationship between man and his environment’ [49, p. 5]. He emphasizes that ‘place is evidently an integral part of existence’ [51, p. 3], and architecture “may satisfy the need for dwelling, in the existential sense of the word” [48, p. 7]. “To dwell means to belong to a given place, and furthermore to possess a house where the heart may blossom and the mind muse’ [48, p. 12].

The concept of *existential place* is ‘divided in the complementary terms “space” and “character”, in accordance with the basic psychic function “orientation” and “identification” [49, p. 5].

Термин «идентификация» означает переживание естественной и искусственной среды как понятного и осмысленного пространства. Ориентацию автор связывает с пространственным порядком, а идентификацию – с качествами вещей: «Бытие-в-мире человека включает в себя *как* и *где*. В то время как отождествление имеет в виду качества вещей, ориентация охватывает их пространственные взаимоотношения» [48, с. 15].

Выявление значения площадей в градостроительной культуре связано с одной из важных сторон человеческого бытия – необходимостью сопоставления и в известной степени отождествления человека и его пространственной среды, различия между своей и чужой территорией. «Мир нам непосредственно дан, но, чтобы стать обжитым, он должен быть интерпретирован. Хотя человек – часть мира, он должен обозначить ему принадлежащее, чтобы чувствовать себя дома» [48, с. 20].

Еще один принятый во внимание аспект – это ориентация. Чтобы жить и действовать, мы должны ориентироваться в пространстве.

The term *identification* means the experience of the natural and artificial environment as a comprehensible and meaningful space. Author links orientation with the spatial order, and identification – with the qualities of things: ‘Man’s being-in-the-world comprises a *how* as well as a *where*. While identification intends the qualities of things, orientation grasps their spatial interrelationship’ [48, p. 15].

Identifying the significance of squares in urban planning culture is associated with one of the important aspects of human existence – the need to compare and, to a certain extent, even the identification of person and his spatial environment, the differences between one's own and another's territories. ‘Although the world is immediately given, it has to be interpreted to be understood, and although the man is part of the world, he has to concretize his belonging to feel at home’ [48, p. 20].

Another aspect taken into account is orientation. In order to live and act, we must orient ourselves in space.

При всём разнообразии частных функций, присущих отдельным городским пространствам, им всем свойственна одна общая, которую условно можно назвать ориентационной. Обобщённо её можно представить как потребность человека в понимании своего места в данном пространстве и в городе в целом. Н.А. Ладовский отмечал, что результаты архитектурного труда «должны быть рациональны и служить высшей технической потребности человека ориентироваться в пространстве» [16, с. 145].

Чем понятнее для человека окружающая среда, тем легче ему в ней не заблудиться: «ясность образа окружения позволяет легко и быстро перемещаться» [5, с. 17]. Кевин Линч в своих исследованиях акцентирует внимание на визуальном качестве «ясности», или «читаемости» городского пейзажа. Под этим мы подразумеваем лёгкость, с которой части города распознаются и складываются в упорядоченную картину» [5, с. 16]. Исследователь предлагает классифицировать содержание образов города, соотнося их с такими предметными формами, как: пути, границы, районы, узлы, ориентиры.

With all the diversity of private functions inherent to individual urban spaces, they all share one common function, which can be called orientation. Generally, it can be represented as a person's need for understanding their place in this space and in the city as a whole. N.A. Ladovskiy noted that the results of architectural work, in final, “should be rational and serve the highest technical need of man to navigate in space” [16, p. 145].

The more understandable for a person is the environment, the easier it will not get lost in it: ‘a clear image enables one to move about easily and quickly’ [5, p. 17]. Kevin Lynch in his studies focuses on the visual quality of ‘clarity, or “Legibility” of the cityscape. By this we mean the ease with which its parts can be recognized and can be organized into a coherent pattern’ [5, p. 16]. The researcher proposes to classify the contents of the images of the city, correlating them with subject forms, such as paths, edges, districts, nodes, landmarks.

Помимо очевидных житейских преимуществ, ориентация может доставлять человеку чувство особого удовлетворения, наполненности повседневного опыта дополнительными значениями. Вместо беспокойства, вызываемого утерей ориентации (рис. 2.1), «добротный образ окружения даёт важное чувство эмоционального комфорта и помогает установить гармоничные отношения между личностью и внешним миром» [5, с. 18]. Более того, с философской точки зрения «бытие-в-мире человека структурировано, и структура поддерживается и визуализируется средствами архитектуры» [48, с. 29].

In addition to the obvious worldly advantages, orientation can give a person special satisfaction, add additional meanings to everyday experience. Instead of the fear that comes with disorientation (fig. 2.1), 'a good environmental image gives its possessor an important sense of emotional security. He can establish a harmonious relationship between himself and the outside world' [5, p. 18]. Moreover, from philosophic point of view, 'Man's being-in-the-world is structured, and the structure is kept and visualized by means of architecture' [48, p. 29].

Рис. 2.1. Площадь, сложная для ориентации, – перекрёсток шести улиц в районе Инструментального завода в г. Владивостоке

Fig. 2.1. An area difficult to navigate – the intersection of five streets in the area of the Tool Plant in Vladivostok

Характеристики идентификации и ориентации являются основными элементами пространственной картины мира. Они взаимосвязаны и образуют структурную основу, помогающую нам ориентироваться в окружающей среде и воспринимать её как свою или чужую. Глаголы «потеряться» или «сбиться с пути» могут означать одновременно и потерю ориентации, и утрату личностной идентификации.

В языке глаголы потерять себя (отсутствие идентификации) и потеряться (отсутствие ориентации) – однокоренные.

Таким образом, взаимосвязь человека и места в пространственной концепции бытия осуществляется в двух направлениях: человеческой идентификации (отождествления с местом) и пространственной ориентации, способной доставить чувство удовлетворённости, наполненности повседневного опыта экзистенциальными значениями.

Characteristics of identification and orientation are the main elements of the spatial concept of the world. They are interconnected and form a structural basis that helps us navigate the environment and perceive it as our own or someone else's. The verbs “to get lost” or “to go astray” can mean both a loss of orientation and a loss of personal identification.

In the language, the verbs lose themselves (lack of identification) and get lost (lack of orientation) are of the same root.

Thus, the relationship between man and place in the spatial concept of being is realized in two directions: human identification (identification with the place) and spatial orientation, capable of delivering a sense of contentment, fullness of everyday experience with existential meanings.

Соборная площадь и Пизанская башня в Пизе, Италия.
Фото: О.В. Масловская

Cathedral Square and Leaning Tower of Pisa in Pisa, Italy.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

2.2. Идентификационная роль городской площади

Открытое пространство площади организует город как таковой, собирает его как целое. Как пишет М. Хайдеггер: «Посреди непрерывности сущего возникает открытое пространство. Это просека, просвет. ... Этот открытый центр не окружен тем, что есть; скорее, он высвечивает круг сущего, как Ничто, которое мы едва познаем» [35, с. 51].

По мнению Хайдеггера, Бытие является «просекой», «которая открывает тайну сущего, делает его понятным» [3, с. 138]. Подобно этому площадь выступает упорядочивающей дорожкой в непроходимом и заброшенном хаосе городского пейзажа, выявляет качество места в пространстве, структурирует и упорядочивает его.

История главной площади Владивостока (рис. 2.2) началась одновременно с историей города. В 1860 г. недалеко от неё высадился экипаж транспорта «Маньчжур», повалено несколько деревьев и расчищен небольшой участок земли, построен флапшток и поднят флаг – был основан военный пост, который впоследствии был переименован во Владивосток. Однако до середины 1960-х гг. это место не имело значения центральной площади.

2.2. The identification role of the city square

The open space of square organizes environment, arranges its meanings as the center. As M. Heidegger writes: 'In the midst of beings as a whole an open place occurs. There is a clearing, a lighting. ... This open center is therefore not surrounded by what is; rather, the lighting center itself encircles all that is, like the Nothing which we scarcely know' [35, p. 51].

According to Heidegger, Existence is a "clearing", "which reveals the mystery of being, makes it understandable" [3, p. 138]. Like this, the square acts as an ordering track in the impenetrable and abandoned chaos of the urban landscape. It reveals the quality of place in space, structures and arranges it.

The history of Vladivostok central square (fig. 2.2) began simultaneously with the history of the city. In 1860 not far from there the transport "Manchzhur" was landed, some trees were felled and small piece of ground was cleared, flagpole was built and flag was raised – was founded a military post, which was later renamed Vladivostok. However, until the middle of 1960s this place did not get the significance of central square.

Только сооружение в 1964 г. Памятника Борцам за власть Советов и сопутствующие мероприятия по благоустройству территории сделали это пространство центральным местом города. Памятник сделал площадь подлинным местом, потому что, как мы можем сказать согласно Хайдеггеру: «вещи сами суть места, а не просто принадлежат определенному месту» [34, с. 6].

Центральная площадь и её элементы несут значение городского символа. Основными элементами центральной площади Владивостока являются здание Администрации Приморского края и памятник Борцам за власть Советов. Оба они символизируют идею власти. Однако еще важнее идея борьбы. Она отождествляется не только и не столько с событиями Октябрьской революции 1917–1922 гг. и Гражданской войны, сколько с идеей борьбы вообще.

На площади собираются демонстранты, здесь проходят митинги против непопулярных решений городских и районных властей. Таким образом, название площади и памятник подчеркивают традиционно присущую площади тему гражданской активности.

Only the construction of the Monument to Fighters for the Soviet Power in 1964 and accompanying measures for territory improvement made this space the central city's place. Monument made square the genuine place, because, as we can say in according with Heidegger: 'things themselves are places and do not merely belong to a place' [34, p. 6].

The central square and its elements carry the significance of the city symbol. The main elements of Vladivostok central square are 18-storey Administration Building and Monument to Fighters for the Soviet Power. Both of them label the idea of power. However, idea of fight is even more important.

It is identified not only and not so much with the events of 1917–1922 October Revolution and Civil War, as with the idea of fight in general.

The square gathers demonstrators, here rallies against unpopular decisions of city and region authorities are held. Thus, the name of the square and the monument emphasize the theme of civic activity traditionally inherent for the square.

а (a)

б (b)

Рис. 2.2. Площадь Борцов
Революции во Владивостоке:
а – сезонная ярмарка;
б – марш Бессмертного
полка.
Фото: А.Г. Гаврилов

Fig. 2.2. Square of the Fighters of
the Revolution in Vladivostok:
a – seasonal fair;
b – march of the Immortal
Regiment.
Photo: Alexey G. Gavrilo

Как сильный организующий элемент в структуре ландшафта площадь сообщает упорядоченность окружающему пространству, превращая первобытный хаос разрозненных пространств и стихий в систематизированный космос. Красная площадь – не только главная площадь России, но и, в соответствии с утверждением российского историка Александра Можяева, – точка отсчёта мироздания, центр цивилизации, начало времени и самая исторически разнообразная территория Москвы.

В некоторых случаях элементы площади служат буквальными точками отсчёта в городской или более обширной системе координат: нулевой километр или нулевая миля (рис. 2.3, 2.4), берущие свое начало от *Milliarium Aureum* Древнего Рима (рис. 2.5). В 2012 г. во время подготовки к саммиту Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества схематическая карта мира была изображена в символическом центре главной площади Владивостока (рис. 2.6); в 2022 г. на этом месте сооружён фонтан, в зимнее время здесь устанавливается новогодняя ёлка (рис. 2.7).

As a strong living element in the landscape structure the square imparts the order to the environment, transforming the chaos of disparate spaces and elements into a systematized space. The Red Square is not only the main square of Russia, but, in accordance with the statement of Russian historian Alexander Mozhaev, – the starting point of the universe, the center of civilization, the beginning of time and the most historically diverse territory of Moscow.

In some cases, square's elements serve as literal starting points in the country coordinate system: Kilometer Zero or Mile Zero Markers (fig. 2.3, 2.4), taking their origins from *Milliarium Aureum* of Ancient Rome (fig. 2.5). In 2012 during preparing to the Asia-Pacific Economic Cooperation Summit the schematic world's map was depicted in the middle of the Vladivostok central square (fig. 2.6), a fountain was built on this place in 2022, in winter here there is a Christmas tree (fig. 2.7).

а (a)

б (b)

Рис. 2.3. Знаки нулевых километров в зарубежных городах:

а – монумент в парке Святого Георгия в Бухаресте, Румыния.

Источник: <https://dynamic-media-cdn.tripadvisor.com/media/photo-o/07/ca/d5/cd/kilometre-zero-monument.jpg?w=1200&h=-1&s=1>;
 б – колонна Мира в Монтевидео, Уругвай. Фото: Бонаба Каролина

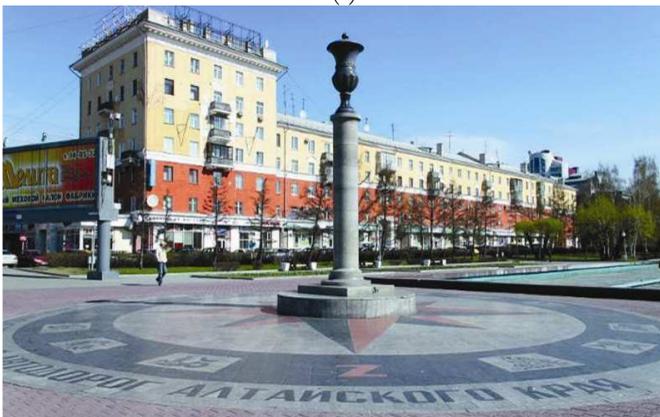
Fig. 2.3. Examples of marking zero kilometers in foreign cities:

а – a monument in St. George's Park in Bucharest, Romania. Source:

<https://dynamic-media-cdn.tripadvisor.com/media/photo-o/07/ca/d5/cd/kilometre-zero-monument.jpg?w=1200&h=-1&s=1>;
 b – the Peace Column in Kagancha Square in Montevideo, Uruguay. Photo: Carolina Bonaba

а (а)

б (b)

Рис. 2.4. Обозначение географических точек отсчёта в России:

а – нулевой километр в Москве.

Источник:

<https://avatars.dzeninfra.ru>;

б – начало автодорог Алтайского края в Барнауле. Источник:

https://visitaltai.info/upload/webp/920/resize_cache/iblock/aff/920_554_2/aff7e3f8bfb4874fed6e5d5e5ad0a810.webp

Fig. 2.4. Designation of geographical reference points in Russia:

a – zero kilometer in Moscow.

Source: <https://avatars.dzeninfra.ru>;

b – the beginning of the motorways of the Altai Territory in Barnaul.

Source:

https://visitaltai.info/upload/webp/920/resize_cache/iblock/aff/920_554_2/aff7e3f8bfb4874fed6e5d5e5ad0a810.webp

Рис. 2.5. «Золотая миля» в Риме – центр всех римских дорог. Источник: <https://magisteria.ru/data/2020/05/id-10-Miliariy-1589968204878-768x576.jpg>

Fig. 2.5. The Golden Mile in Rome is the center of all Roman roads. Source: <https://magisteria.ru/data/2020/05/id-10-Miliariy-1589968204878-768x576.jpg>

Рис. 2.6. Площадь Борцов Революции во Владивостоке в 2012 г. Фото: Gelio / Слава Степанов

Fig. 2.6. Revolution Fighters Square in Vladivostok in 2012. Photo: Gelio / Slava Stepanov

а (a)

б (b)

Рис. 2.7. Центральная точка
главной площади
Владивостока:

а – новогодняя ёлка;

б – фонтан в тёплое время
года.

Источник:

[https://www.newsvl.ru/vlad/
2023/07/28/218568/](https://www.newsvl.ru/vlad/2023/07/28/218568/). Фото:

Сергей Баланов

Fig. 2.7. The central point of
the main square of Vladivostok:
a – Christmas tree during the
New Year holidays;

б – a fountain in the warm season.

Source:

[https://www.newsvl.ru/vlad/2
023/07/28/218568/](https://www.newsvl.ru/vlad/2023/07/28/218568/). Photo:

Sergey Balanov

Пiazza-дель-Кампо и башня Сет Сегинель в Сиене, Италия.
Фото: О.В. Масловская

Piazza del Campo and Torre delle Sette Seghinelle in Siena, Italy.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

2.3. Ориентационная роль городской площади

Опираясь на принципы Кевина Линча, рассмотрим площадь как структурный элемент образа города, соотнеся её с такими составляющими предметными формами, как пути, границы, районы, узлы, ориентиры.

Площадь как путь. Согласно определению Линча, «пути – это коммуникации, вдоль которых наблюдатель может перемещаться постоянно, периодически или только потенциально» [5, с. 51]. Площадь по своей сути является коммуникацией; она объединяет как в пространственном отношении, так и в смысловом.

В русском языке слово площадь имеет этимологию «широкий путь» (рис. 2.8–2.11). Открытое общественное пространство по-французски – это *плейс*, по-итальянски – *пьяцца*, по-испански – *плаза*, по-немецки – *плац*. Все эти термины имеют общее латинское (*placea* и *platea*) и греческое происхождение (*plateia*), что означает «открытое пространство» или прилагательное «широкий».

2.3. The orientation role of the city square

Based on the principles of Kevin Lynch, we will consider the square as a structural element of the image of the city, correlating it with such constituent subject forms as paths, borders, districts, nodes, landmarks.

Square as a path. According to Lynch's definition, “paths are the channels along which the observer customarily, occasionally, or potentially moves” [43, p. 47]. While the essence of square is the connection, it gathers spatially and semantically.

Square in Russian is площадь (Romanised: *plóshchad'*) it has the etymology of “broad way” (fig. 2.8–2.11). The open public space in French is *la place*, in Italian – *piazza*, in Spanish – *plaza*, in German – *platz*. All of these terms have the common Latin (*placea* and *platea*) and Greek origin (*plateia*) that means “open space” or adjective “broad”, “wide”.

Рис. 2.8. Елисейские поля
и площадь Шарля де Голля,
Париж, Франция.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 2.8. Champs Elysees and
Place Charles de Gaulle,
Paris, France.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

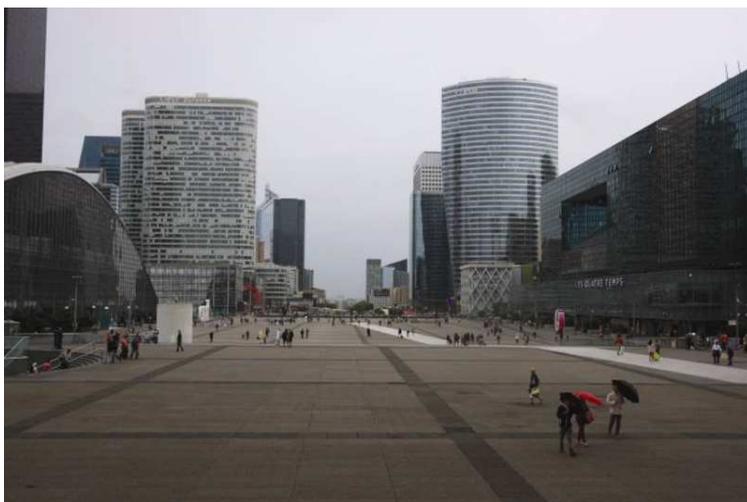

Рис. 2.9. Эспланада Дефанс,
Париж, Франция.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 2.9. Esplanade Défense,
Paris, France.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Рис. 2.10. Площадь перед Татарским государственным академическим театром им. Галиасгара Камала в Казани. Фото: А.Г. Гаврилов

Fig. 2.10. Square in front of the Tatar State Academic Theatre named after Galiyasgar Kamal in Kazan. Photo: Alexey G. Gavrilov

Рис. 2.11. Набережная Цесаревича во Владивостоке. Фото: А.Г. Гаврилов

Fig. 2.11. Embankment of the Tsesarevich in Vladivostok. Photo: Alexey G. Gavrilov

Таким образом, в самом первоначальном смысле площадь — это широкий путь. В некоторых ритуалах площадь концентрирует в себе всю сущность жизненного пути. Например, переход через майдан обозначает окончание военной деятельности казака и его уход в монашество.

Центральная площадь Владивостока является местом проезда многих видов транспорта. Хотя внутренняя часть площади является пешеходной, под площадью проходит железнодорожное полотно, вдоль южной границы площади проходит напряженная автомагистраль с интенсивным движением транспорта и автобусными остановками, и, наконец, по нескольким виадукам можно добраться до вокзала и переправы. Благодаря пересечению этих путей площадь становится транспортным узлом.

Площадь как узел. Кевин Линч определяет узлы как «стратегические точки (фокусы), внутри которых можно войти; как правило, это перекрестки путей или места концентрации каких-то особых свойств... Перекрёсток или другой тип разрыва транспортной коммуникации имеет для горожанина особую значимость. Поскольку в таких местах нужно принять решение о направлении дальнейшего движения, внимание обостряется и элементы окружения воспринимаются с особой остротой» [5, с. 72].

Thus, in the most original sense, square is a wide path. In some rituals, square concentrates the essence of the whole life path. For example, crossing the Maidan marks the end of the military activities of Cossack and his departure to monasticism.

Vladivostok central square is the place of passage of many transport types. Although the inner part of the square is pedestrian, under the square there is railroad track, along southern border of square there is a strained highway with heavy traffic and bus stops, and, finally, you can get to the railway station and ferry by several viaducts. Due to the intersection of these routes square become a node.

Square is a node. Kevin Lynch defines the nodes as ‘the strategic foci into which the observer can enter, typically either junctions of paths, or concentrations of some characteristic... The junction, or place of a break in transportation, has compelling importance for the city observer. Because decisions must be made at junctions, people heighten their attention at such places and perceive nearby elements with more than normal clarity’ [43, p. 72, 73].

Узел является основным значением площади, поскольку площадь является ключевой и узловой точкой в транспортно-пешеходной сети района или города в целом. Центральная площадь Владивостока – это ядро центра Владивостока, это сам центр.

Площадь как пространственный ориентир. При положении наблюдателя не внутри, а вне пространства площади мы можем говорить о её функции как ориентира. Кевин Линч определяет ориентиры как точечные элементы, в пределы которых не вступает наблюдатель: «материальные элементы, широко варьирующие по размерности. Те, кто знаком с городом хорошо, явно предпочитают опираться на систему ориентиров, то есть воспринимать скорее уникальное и специфическое, чем протяжённое и обобщающее» [5, с. 76].

Рассматривая площади как ориентиры, мы искусственно абстрагируемся от их значения узлов: площадь становится ориентиром не в момент прохождения по ней, а тогда, когда наблюдатель находится во внешней по отношению к площади позиции. К ориентирам можно отнести не саму площадь целиком, а её отдельные части – доминантные здания и сооружения, обозреваемые с различных удалённых точек местности.

The node is the main meaning of square because square is a key and a focal point in the transport and pedestrian network of the district or the city as a whole. Vladivostok central square is the core of Vladivostok city center, it is the center itself.

Square as a spatial landmark. When the position of the observer is not inside, but outside the square, we can speak of its function as a reference point. Kevin Lynch defines landmarks as ‘the point references considered to be external to the observer, simple physical elements which may vary widely in scale. There seemed to be a tendency for those more familiar with a city to rely increasingly on systems of landmarks for their guides – to enjoy uniqueness and specialization’ [43, p. 76].

Considering squares as landmarks, we artificially abstract from their meaning of nodes: the square becomes a reference point not at the moment of passing through it, but when the observer is in an external position to the square. As well we can attribute the landmarks meanings not to the whole square, but to its individual parts – the dominant buildings and structures, viewed from various points.

«Ориентиры легче опознаются, быстрее осознаются как значимые, если у них ясная форма, если они остро контрастны фону и если пространственная локализация дает им чем-то выделяющееся положение. Основным фактором является контрастность фигуры и фона» [5, с. 76, 77].

Если доминанты на площади видны с множества направлений, то в пространственном отношении она становится одним из ключевых ориентиров. Значение площади как ориентира может быть еще более сильным, если ансамбль площади расположить на холме, возвышающемся над городом (рис. 2.12).

Административное здание на главной площади Владивостока выше памятника «Борцам за власть Советов на Дальнем Востоке», но последний более «мощный» по своему смысловому, эстетическому значению и, наконец, расположению по оси проспекта и на фоне моря.

Стела «Город воинской славы» значительно проигрывает из-за своей новизны, малой высоты и слабой контрастности с фоном, а также расположением ниже уровня улицы и отступом от «красной линии» (рис. 2.13, 2.14).

‘Landmarks become more easily identifiable, more likely to be chosen as significant, if they have a clear form; if they contrast with their background; and if there is some prominence of spatial location. Figure-background contrast seems to be the principal factor’ [43, p. 78, 79].

If the dominant buildings and structures on the square are visible from various points, the square itself may become one of the key landmarks. The meanings of square as landmark may be even more powerful if the square’s ensemble is placed on the hill soaring above the city (fig. 2.12).

The Administration building at the Vladivostok central square is higher than monument “Fighters for the Power of the Soviets in the Far East”, but the latter is more “powerful” in its semantic, aesthetic value and, finally, location along the axis of the avenue and on sea background.

The “City of Military Glory” stele is significantly losing because of its novelty, low height and poor contrast to the background, the location below the street level and indentation from facade’s line (fig. 2.13, 2.14).

а (a)

б (b)

Рис. 2.12. Видовая площадка на сопке Бурачка во Владивостоке:
 а – на террасе склона;
 б – на вершине.
 Фото: О.В. Масловская

Fig. 2.12. Viewpoint on the Burachka Hill in Vladivostok:
 а – on the terrace of the slope;
 б – on the top.
 Photo: Oksana V. Maslovskaja

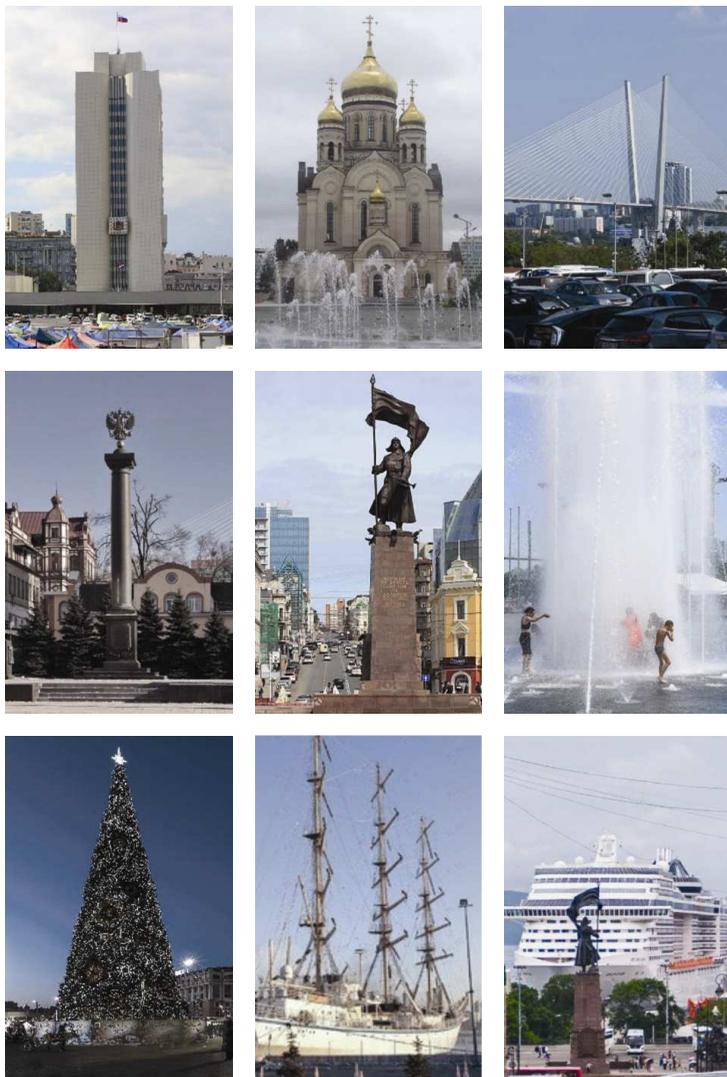

Рис. 2.13. Постоянные и временные элементы образа площади Борцам за власть Советов на Дальнем Востоке во Владивостоке

Fig. 2.13. Permanent and temporary elements of the image of the Square to Fighters for Soviet Power in the Far East in Vladivostok

Площадь и район. Поскольку крупные районы – это «относительно крупные участки города, обладающие некоторым объединяющим характером, в которые можно мысленно войти» [5, с. 66], площадь в этой связи часто становится центром притяжения, узлом какого-либо района, простирающегося за её границами (рис. 2.15–2.20).

К. Александер предлагает размещать локальные центры, состоящие из площади и объектов обслуживания, не в геометрическом центре районов, а на их периферии, чтобы они служили ещё и пограничными элементами: «центр активности, связанной с предоставлением услуг, должен размещаться на границе между субкультурами и, следовательно, располагаться не внутри района, а на границе между двумя районами» [1, с. 187].

Причём локальные узлы активности как центральные точки районов-полукружий, с точки зрения К. Александера, должны располагаться ближе к центру города как рыбы чешуйки, имеющие прикрепление в направлении головы.

Чтобы снять противоречие с расположения локальных центров не посередине района, К. Александер предлагает слегка заглубить их: «С точки зрения человеческой психологии фактический центр района хотя бы отчасти должен направляться в сторону геометрического центра» [1, с. 189].

Square and district. As the districts are ‘the relatively large city areas which the observer can mentally go inside of, and which have some common character’ [43, p. 6], the square in this connection often becomes the center of attraction, a core of a district that extends beyond its borders but has something in common (fig. 2.15–2.20).

K. Alexander suggests placing local centers, consisting of an area and service facilities, not in the geometric center of the districts, but on their periphery, so that they also serve as boundary elements: “this center of activity since it is a service, should occur in the boundary between subcultures, and should therefore be located in the area of the boundary – not inside the community, but between communities” [21, p. 151].

Moreover, local activity nodes as the central points of semicircle districts according to K. Alexander should be located closer to the city center, just like fish scales are attached in the direction of the head.

To remove the contradiction from the location of local centers not in the middle of the region, K. Alexander suggests slightly deepening them: “people do have some need for the psychological center of their community to be at least somewhere toward the geometric center of gravity” [21, p. 153].

Рис. 2.14. Восточная часть
площади Борцов Революции
во Владивостоке. Источник:
<https://primamedia.ru/news/1303690/>

Fig. 2.14. Eastern part of the
Revolution Fighters Square in
Vladivostok. Source:
<https://primamedia.ru/news/1303690/>

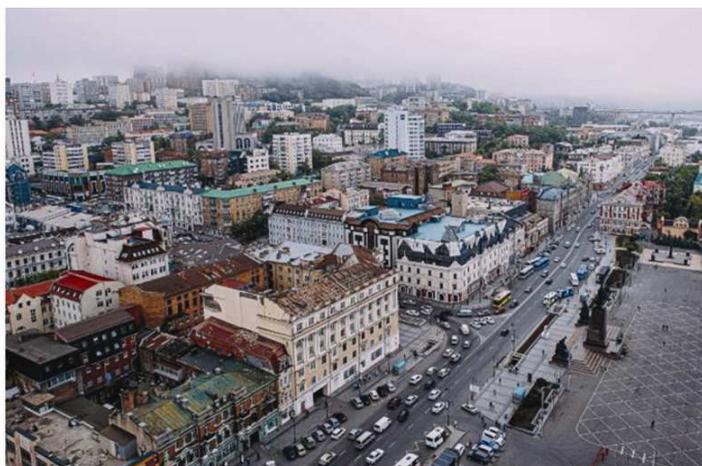

Рис. 2.15. Площадь Борцов
Революции и центральная часть
Владивостока. Источник:
<https://primamedia.ru/news/1303690/>

Fig. 2.15. Revolution Fighters
Square and the center
of Vladivostok. Source:
<https://primamedia.ru/news/1303690/>

Рис. 2.16. Площадь Контрэскарп,
Париж, Франция.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 2.16. Contrescarpe Square,
Paris, France.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Рис. 2.17. Площадь Вогезов,
Париж, Франция.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 2.17. Place des Vosges,
Paris, France.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Рис. 2.18. Площадь
Св. Стефана в Венеции,
Италия.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 2.18. Campo Santo
Stefano in Venice, Italy.
Photo:
Oksana V. Maslovskaja

Рис. 2.19. Сквер В.К. Арсеньева
во Владивостоке.
Фото: Официальный сайт
администрации Владивостока

Fig. 2.19. V.K. Arseniev square in
Vladivostok.
Photo: Official website of the
administration of Vladivostok

Границы площади.

К. Линч определяет границы как «линейные элементы, не воспринимаемые как пути, как правило, это рубеж между площадями двух типов, действующий как соотношение по горизонтали» [5, с. 63].

Площадь сама по себе не является границей, так как её суть – в собирании, а не в разъединении пространств. Однако иногда, когда площади расположены, например, на окраине города, они обозначают границу и символизируют переход между городом и пригородом. Кроме того, символический смысл площади в некоторых случаях прослеживается в её значении границы-перехода, как в упомянутом выше примере пересечения казаком линии майдана, знаменующем окончание его воинской деятельности и уход в монашество.

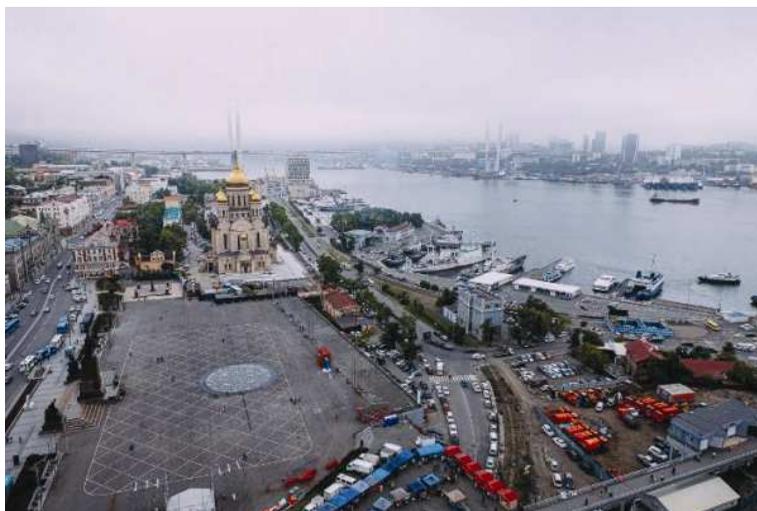
Центральная площадь Владивостока находится на самом краю России, однако, наоборот, символизирует самое начало – место, где восходит солнце и начинается день. Южная сторона площади не застроена, отсюда открывается вид на море, и эта открытость подчеркивает значение города как морского порта (рис. 2.20).

Edges of the square.

K. Lynch defines the edges as ‘the linear elements not considered as paths: they are usually, but not quite always, the boundaries between two kinds of areas’ [43, p. 62].

The square itself is not a boundary, since its essence is in gathering, not in separation of spaces. However, sometimes, when squares are situated on the edge of the city, they mark the boundaries and symbolize transition between city and suburbs. In addition, the symbolic meaning of the square in some cases can be traced in its meaning of the transition boundary as in mentioned above example, crossing the line of Maidan by Cossack marks the end of his military activities and departure in monasticism.

The central square of Vladivostok City is located at the very end of Russia, however, vice versa, symbolize the very beginning – place, where the sun rises and day begins. The southern side of the square doesn’t have buildings, vista is opened to the sea, and this openness emphasize the meanings of the city as a seaport (fig. 2.20).

а (a)

б (b)

Рис. 2.20. Площадь Борцов
Революции во Владивостоке
(вид с воздуха): а – площадь в целом;
б – фрагмент площади.
Источник:
<https://primamedia.ru/news/1303690/>

Fig. 2.20. Aerial view of the
Revolution Fighters Square in Vladivostok: a – the square as a whole; b – fragment. Source:
<https://primamedia.ru/news/1303690/>

Памятник Козимо I Медичи на пл. Синьории во Флоренции, Италия.
Фото: О.В. Масловская

Monument to Cosimo I Medici on the Piazza della Signoria in Florence, Italy.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

2.4. Значение площадей в пространственной концепции бытия человека

С одной стороны, городские площади, наряду с системой высотных доминант, мостами и другими значимыми элементами, всегда играют ведущие роли в пространственной концепции бытия человека. Площадь концентрирует в себе значение «узла»; она обычно появляется на перекрестке, а её изначальная суть – соединение путей и пространств.

Ещё одним аспектом значения площади является человеческая коммуникация: площадь традиционно является местом встреч, свиданий, собраний, митингов. Крупные современные площади являются сложными градостроительными объектами, в буквальном смысле служащими транспортными узлами, но лишенными человеческого масштаба и мест для общения людей.

С другой стороны, площади являются одним из наиболее выдающихся и особо важных элементов, в терминологии гештальтпсихологии – фигур на менее структурированном фоне. Благодаря этим характеристикам площади способны служить объектами идентификации.

2.4. The significance of squares in the spatial concept of man's being

On the one hand, city squares, along with a system of vertical dominants, bridges and other significant elements of orientation, always play leading roles in the spatial concept of man's being. The main meaning of the square is *node*, square usually appears at crossroads, and its original essence is the connection of routes and spaces.

Another aspect of square's meaning is the communication of individuals: square traditionally is a place of gatherings, demonstrations, meetings, dates. Large contemporary squares are complex town-planning objects, literally serving as transport *nodes*, and often they are lack of human scale and place for people communication.

On the other hand, the squares are one of the most outstanding and especially important elements, in the terminology of Gestalt psychology – *figures* on a less structured *background* and, due to these characteristics, they are able to serve as identification objects.

Мы можем рассматривать площади как произведения искусства, выражение триумфа человеческих возможностей, воплощение самой сущности места. В религиозных, мифопоэтических и других иррациональных представлениях о мире площади значат гораздо больше, чем просто свободные от застройки территории. Например, с эзотерической точки зрения площадь – это ступок разнонаправленных энергетических потоков.

Площади играют исключительную роль в формировании ландшафта, раскрывая качество места в пространстве, собирая и структурируя его. Центральная площадь и её элементы часто несут значение символа города. Во Владивостоке одними из ключевых элементов-символов являются 18-этажное здание Администрации Приморского края и памятник Борцам за власть Советов, расположенный на центральной площади (официально она называется площадью Борцов Революции).

Как сильный организующий элемент в структуре ландшафта площадь сообщает упорядоченность окружающему пространству: является точкой отсчёта в городской системе координат, а в особых случаях получает звание центра мира.

We can regard the square as a work of art, an expression of the triumph of human possibilities, the embodiment of the very essence of the place. In the religious, mythopoetic and other irrational representations of the world *square* means much more than merely empty place. For example, from the esoteric point of view, the square is a bunch of multidirectional energy flows.

Squares play an exceptional role in shaping the landscape, opening the quality of place in space, collecting and structuring it. The central square and its elements often carry the significance of the city's symbol. At Vladivostok City some of the key symbolic elements are 18-storey Administration building and Monument to Fighters for the Soviet Power, located at the central square (officially it is called Revolution Fighters square).

As a strong organizing element in the landscape structure the square imparts the order to the surrounding space, serves as literal starting points in the city or country coordinate system, sometimes getting the status of the center of the world.

Центральная площадь Владивостока расположена на том месте, где началась история города, и символически указывает на самый конец территории России. С точки зрения жителей Владивостока, это самое начало России, место, где восходит солнце и начинается день.

Городские площади и вертикальные элементы, в том числе высотные, работают в тесной взаимосвязи: узловые точки площадей акцентируются монументами и фонтанами, перед входами в общественные здания организуются площадки для сбора людей и возможности обзора фасада, тем самым подчёркивается их значительность.

Другой вид взаимосвязи высотных зданий и площадей – это создание на различных уровнях и крышах зданий видовых террас для обзора города с высоты (рис. 2.21–2.24).

Городские площади приобретают также дополнительные функциональные денотации и символические коннотации, сочетаясь с другими элементами среды, например террасами, лестницами, пандусами, садами и игровыми площадками на крышах (рис. 2.25, 2.26).

Vladivostok central square is located at place, where the city's history began, and symbolically it indicates the very end of Russia territory. From the Vladivostok residents' point of view, it is the very beginning of Russia, the place, where the sun rises and day begins.

City squares and vertical elements, including high-rise ones, work in close relationship: the nodal points of the squares are accentuated by monuments and fountains, in front of the entrances to public buildings, platforms are organized for gathering people and the opportunity to view the facade, emphasizing their significance.

Another type of relationship between high-rise buildings and squares is the creation of view terraces at various levels and roofs of buildings to view the city from a height (fig. 2.21–2.24).

City squares also take on additional functional denotations and symbolic connotations when combined with other environmental elements, such as terraces, stairs, ramps, gardens, and rooftop playgrounds (fig. 2.25, 2.26).

Рис. 2.21. Смотровая площадка «Эдж» в Нью-Йорке, США. Источник: <https://untappedcities.com/wp-content/uploads/2022/02/Hudson-Yards-Edge-Observation-Deck-Highest-in-Western-Hemisphere-Opening-Day-NYC-768x576.jpeg>

Fig. 2.21. “Edge” sky deck in New York, USA. Source: <https://untappedcities.com/wp-content/uploads/2022/02/Hudson-Yards-Edge-Observation-Deck-Highest-in-Western-Hemisphere-Opening-Day-NYC-768x576.jpeg>

Рис. 2.22. Смотровая башня в Девинской Кобыле, Словакия. Источник: <https://www.archdaily.com>. Фото: Манина Томас

Fig. 2.22. Lookout Tower on Devínska Kobyla, Slovakia. Source: <https://www.archdaily.com>. Photo: Manina Tomas

Рис. 2.23. Смотровая площадка «Саммит ван Вандербильда» в Нью-Йорке, США. Источник: <https://untappedcities.com/wp-content/uploads/2021/09/SUMMIT-One-Vanderbilt-Observation-Deck-Air-Levitation-Ascent-16-1-768x576.jpg>

Fig. 2.23. Summit One Vanderbilt sky deck in New York, USA. Source: <https://untappedcities.com/wp-content/uploads/2021/09/SUMMIT-One-Vanderbilt-Observation-Deck-Air-Levitation-Ascent-16-1-768x576.jpg>

Рис. 2.24. Площадь Жоржа Помпиду, Париж, Франция. Фото: О.В. Масловская

Fig. 2.24. Place Georges Pompidou, Paris, France. Photo: Oksana V. Maslovskaja

Рис. 2.25. Лестница на крышу
Критерий в Роттердаме,
Нидерланды.
Фото: Лауриан Гинитиу

Fig. 2.25. The staircase
to Criterion rooftop
in Rotterdam, Netherlands.
Photo: Laurian Ghinitoiu

Рис. 2.26. Комплекс «Парк,
парковка, сообщество»
в Копенгагене, Дания.
Фото: Расмус Хьортсхей

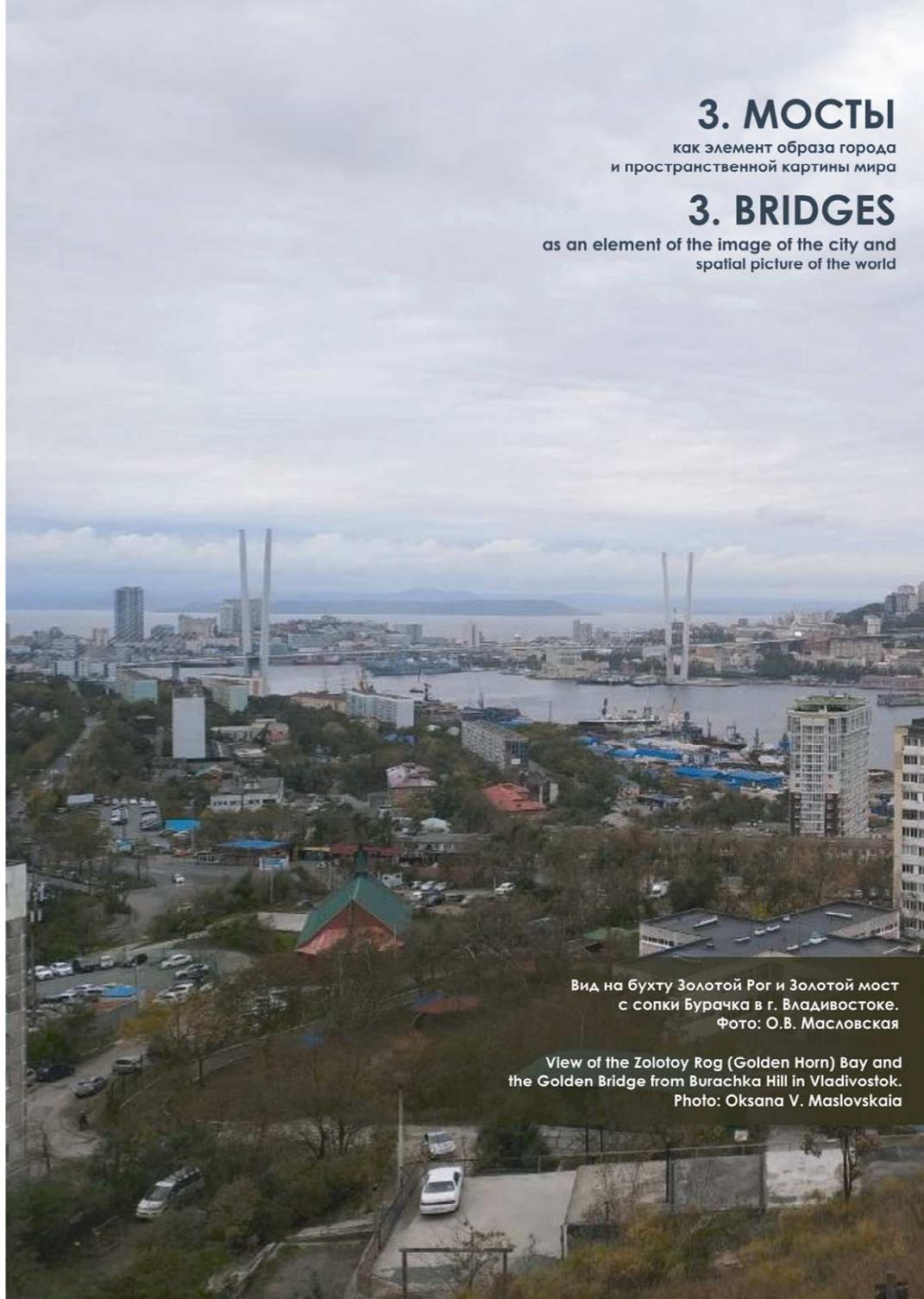
Fig. 2.26. “Park, parking,
community” building
in Copenhagen, Denmark.
Photo: Rasmus Hjørtshøj

3. МОСТЫ

как элемент образа города
и пространственной картины мира

3. BRIDGES

as an element of the image of the city and
spatial picture of the world

Вид на бухту Золотой Рог и Золотой мост
с сопки Бурачка в г. Владивостоке.
Фото: О.В. Масловская

View of the Zolotoy Rog (Golden Horn) Bay and
the Golden Bridge from Burachka Hill in Vladivostok.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

3.1. Объект, предмет и методология изучения пространственного архетипа моста

Объектом данной части исследования является пространственный архетип моста, предметом – процессы человеческой идентификации (отождествления с местом) и пространственной ориентации, характеризующие роль мостов в построении образа города и взаимосвязи человека и места в пространственной концепции бытия.

Авторы рассматривают мосты как одни из наиболее выдающихся архитектурных элементов – «фигур» – на менее структурированном «фоне», по терминологии гештальтпсихологии, которые служат объектами психологической идентификации.

Другой аспект раскрываемой темы – роль мостов в пространственной ориентации, функционально необходимой и способной доставить чувство удовлетворённости, наполненности повседневного опыта экзистенциальными значениями.

Мосты различаются по характеру пересекаемой местности; служат различным утилитарным целям: бывают транспортные, технические, торговые, прогулочные, выставочные мосты; распространены также сочетания этих функций в одном сооружении.

3.1. Object, subject and methodology of studying the spatial archetype of the bridge

The object of this part of the study is the spatial archetype of the bridge, the subject is the processes of human identification (identification with the place) and spatial orientation, characterizing the role of bridges in building the image of the city and the relationship between man and place in the spatial concept of being.

The authors consider bridges as one of the most prominent architectural elements – “figures” on a less structured “background”, in the terminology of Gestalt psychology – serving as objects of psychological identification.

Another aspect of the topic covered is the role of bridges in spatial orientation, which is functionally necessary and capable of delivering a sense of satisfaction, the filling of everyday experience with existential meanings.

Bridges differ in the nature of the crossed terrain and serve various utilitarian purposes: they are transport, technical, commercial, walking, exhibition bridges, as well as combinations of functions in one structure.

На протяжении истории функции мостов могут изменяться, а сами они как физические объекты оставаться неизменными. Вследствие этого типология мостов по их утилитарному назначению мало что даёт для понимания того, каким образом складывается индивидуальный облик той или иной территории, формируется ее узнаваемый и запоминающийся образ, сохраняется неповторимый дух места, проявляется роль мостов в построении пространственной картины мира.

Норвежский исследователь архитектурной феноменологии К. Норберг-Шульц определяет архитектуру как «создание места для жизни» [8]. Пространственная концепция бытия определяется учёным как «бытие-в-мире», которое представляет собой взаимосвязь человека и места, обитателя и его обители. С одной стороны, эта связь осуществляется с помощью пространственной ориентации, с другой – посредством психологической идентификации (отождествления) с местом [48, с. 7, 13].

Понятие ориентации К. Норберг-Шульц связывает с пространственным порядком, а понятие идентификации – с вещной формой: «Человеческое «бытие-в-мире» включает в себя наряду с вопросом *как* вопрос *где*. В то время как идентификация подразумевает качества вещей, ориентация охватывает их пространственные взаимосвязи» [48, с. 15].

Over the course of history, the functions of bridges can change, while they themselves, as physical objects, remain unchanged. As a result, the typology of bridges according to their utilitarian purpose does little to understand how the individual appearance of a particular territory is formed, its recognizable and memorable image is formed, and the unique spirit of the place is preserved, the role of bridges in the construction of a spatial image of the world is manifested.

The Norwegian researcher of architectural phenomenology K. Norberg-Schulz defines architecture as “creating a place for life” [50]. The spatial concept of being is defined by the scientist as “being-in-the-world”, which is the relationship between a person and a place, an inhabitant and his abode. On the one hand, this connection is carried out with the help of spatial orientation, on the other hand, through psychological identification with the place [48, p. 7, 13].

K. Norberg-Schulz connects the concept of orientation with the spatial order, and the concept of identification with the material form: “Human “being-in-the-world” comprises a *how* as well as a *where*. While identification intends the qualities of things, orientation grasps their spatial interrelationships” [48, p. 15].

Прародитель современного небоскрёба – это менгир, т.е. продолговатый камень, поставленный вертикально. Первой площадью можно назвать широкую просеку или поляну в лесу, используемую в качестве общественного пространства. Первым мостом, вероятно, послужил ствол толстого дерева, упавший через ручей и использовавшийся древними людьми в качестве переправы на противоположный берег. Магические свойства, до сих пор ассоциирующиеся с мостами, происходят из самой идеи связывания того, что было не связано ранее, преодоления границы, формирования нового качества места, драматического преобразования ландшафта.

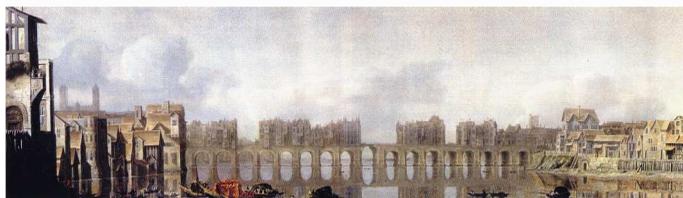
На протяжении истории человечества мосты строятся по военным, экономическим, религиозным соображениям, но могут быть и просто прогулочными, развлекательными. Выдающиеся мостовые сооружения представляют собой образцы инженерного искусства своего времени. Они драматично влияют на эстетику города и поэтому сами часто оказываются объектами вдохновения для поэтов, художников, музыкантов и кинематографистов, становясь не только архитектурным фоном, создающим настроение, но и полноправными героями художественных произведений (рис. 3.1).

The ancestor of the modern skyscraper is the menhir, that is, an oblong stone placed vertically. The first square can be called a wide clearing or glade in the forest, used as a public space. The first bridge was probably the trunk of a thick tree that fell across the stream and was used by ancient people as a crossing to the opposite bank. The magical properties still associated with bridges come from the very idea of linking what was not previously connected, crossing a boundary, forming a new quality of place, dramatically transforming the landscape.

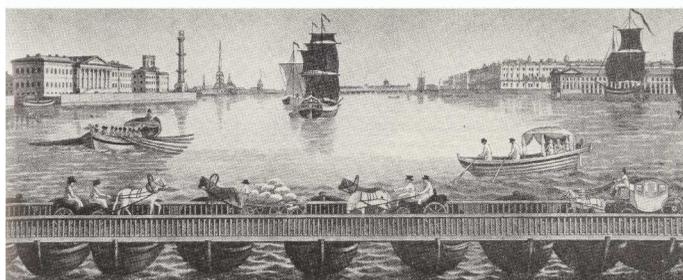
Throughout human history, bridges have been built for military, economic, and religious reasons, but they can also be simply for beauty and pleasure. Outstanding bridge structures are examples of the engineering art of their time. They dramatically influence the aesthetics of the city and therefore often become objects of inspiration for poets, artists, musicians and filmmakers, becoming not only an architectural background that creates a mood, but also full-fledged heroes of works of art (fig. 3.1).

а (a)

б (b)

в (c)

Рис. 3.1. Мосты в живописи и графике: а – Карл Павлович Брюллов «Замок и мост Святого Ангела», 1826 г.; б – неизвестный художник «Старый Лондонский мост (вид до пожара 1666 г.)», XVII в.; в – вид на Исаакиевский наплавной мост и набережные. Гравюра по рисунку М.-Ф. Дамам-Демартре, 1810-е гг.

Fig. 3.1. Bridges in painting and graphics: а – Karl Pavlovich Bryullov “Castle and Bridge of the Holy Angel”, 1826; б – unknown artist “Old London Bridge (view before the fire of 1666)”, 17th century; в – View of the St. Isaac’s floating bridge and embankments. Engraving based on a drawing by M.-F. Damame-Demartre, 1810s

Троицкий мост в Санкт-Петербурге.
Фото: А.Г. Гаврилов

Trinity bridge in St. Petersburg.
Photo: Alexey G. Gavrilov

3.2. Идентифицирующее значение мостов

Идентифицирующее значение мостов в градостроительной культуре связано с одной из важных сторон существования человека – необходимостью сопоставления и, в определённой степени, даже отождествления человека со своим пространственным окружением, различия «своей и чужой» территории.

«Хотя мир нам непосредственно дан, он должен быть интерпретирован, чтобы стать понятным, и, хотя человек – часть мира, он должен конкретизировать свою принадлежность, чтобы чувствовать себя дома» [48, с. 20]. Даже когда человек воспринимает незнакомую среду как мигрант или путешественник, мы имеем дело если не с отождествлением, то с освоением мира.

Так, например, после завершения строительства моста через бухту Золотой рог во Владивостоке в 2012 году множество людей стремилось посетить Золотой мост, полюбоваться открывающимися с него видами, запечатлеть себя на его фоне. В социальных сетях появилось большое количество таких фотографий, был проведён конкурс «Владивосток. Мосты и люди» (рис. 3.2).

3.2. Identification value of bridges

The identifying value of bridges in the urban culture is associated with one of the important aspects of human existence – the need to compare and, to a certain extent, even identify a person with his spatial environment, the difference between “own and alien” territory.

“Although the world is immediately given, it has to be interpreted to be understood, and although man is part of the world, he has concretize his belonging to feel at home” [48, p. 20]. Even when a person perceives an unfamiliar environment as a migrant or traveler, we are dealing, if not with identification, then with the development of the world.

So, for example, after the completion of the construction of a bridge across the Golden Horn Bay in Vladivostok in 2012, many people sought to visit the Golden Bridge, admire the views from it, and capture themselves against its background. A large number of such photographs appeared on social networks, and a contest “Vladivostok. Bridges and people” was held (fig. 3.2).

а (a)

б (b)

Рис. 3.2. Фотографии, присланные на конкурс «Владивосток. Мосты и люди», «Человек на мосту»: а – первое место. Фото: Андрей Савин; б – второе место. Фото: Ян Востриков

Fig. 3.2. Photos submitted to the competition “Vladivostok. Bridges and People”, “Man on the Bridge”: a – first place. Photo: Andrey Savin; b – second place. Photo: Yan Vostrikov

Мост, вторгаясь в пространство природного ландшафта, преобразуя его для человеческих нужд, создаёт место как таковое, собирает его как целое.

В работе М. Хайдеггера «Poetry, Language, Thought» мост позиционируется как метафора и архетип места: мост «не просто соединяет берега, которые уже находятся здесь. Берега возникают в качестве берегов только тогда, когда мост намеренно заставляет их лежать друг напротив друга. Одна сторона отделена от другой мостом. Берега уже больше не тянутся вдоль потока как безразличные пограничные полосы суши. Берегами мост притягивает к потоку оба простора ландшафта, лежащего за ними. Он приводит и поток, и берег, и землю в соседство друг с другом. Мост собирает территорию как ландшафт вокруг потока» [35, с. 152].

По уже упоминавшейся хайдеггеровской концепции Бытия как «просеки», «которая открывает тайну сущего, делает его понятным» [3, с. 138], мост, как и площадь или улица, выступает упорядочивающей дорожкой в хаос городского пейзажа, выявляет качество места в пространстве, структурирует и упорядочивает его.

The bridge, invading the space of the natural landscape, transforming it for human needs, creates a place as such, collects it as a whole.

In the work of M. Heidegger “Poetry, Language, Thought” the bridge is positioned as a metaphor and archetype of the place: the bridge “does not just connect banks that are already there, the banks emerge as banks only as the bridge designedly causes them to lie across to each other. One side is set off against the other by a bridge. Nor do the banks stretch along the stream as indifferent border strips of the dry land. With the banks, the bridge brings to the stream the one and the other expanse of the landscape lying behind them. It brings stream and bank and land into each other’s neighborhood. The bridge gathers the earth as landscape around the stream” [35, p. 152].

According to the already mentioned Heideggerian concept of Being as a “clearing”, “which reveals the mystery of being, makes it understandable” [3, p. 138], bridge, like a square or a street, acts as an ordering track in the chaos of the urban landscape. It reveals the quality of place in space, structures and arranges it.

К. Норберг-Шульц, развивая идеи «экзистенциального пространства», подчёркивает, что «рукотворные места связаны с природой тремя основными способами. ... Визуализация, символизация и собирание являются аспектами общих процессов заселения; и жилище в экзистенциальном смысле слова зависит от этих функций». Хайдеггер иллюстрирует проблему с помощью моста, «здания», которое «визуализирует, символизирует, собирает и делает окружающую среду единым целым» [51, с. 421].

Мост в этой связи по своей сути и является собственно местом, поскольку «вещи сами суть места, а не просто принадлежат определенному месту» [14, с. 315].

Так, например, постройка римскими войсками первого временного (понтонного) Лондонского моста предшествовала основанию Лондона [54, с. 103] (рис. 3.3).

Исключительно важная роль мостов в собирании места и возникновении городов закреплена в топонимике. «О связи начального поселения с мостом, переездом, бродом говорят многочисленные названия на «бридж», «брюк», «понт», «фурт» и т.д.: Кембридж, Понтауз, Франкфурт, Оксфорд, Инсбрук, Брюгге, Саарбрюкен и т. п.» [11, с. 99].

K. Norberg-Schulz, developing the ideas of “existential space”, emphasizes that “man-made places are related to nature in tree basic ways. ... Visualization, symbolization and gathering are aspects of the general processes of settling; and dwelling, in the existential sense of the word, depends on these functions”. Heidegger illustrates the problem by means of the *bridge*, a “building” which” visualizes, symbolizes, and gathers, and makes the environment a unified whole” [51, p. 421].

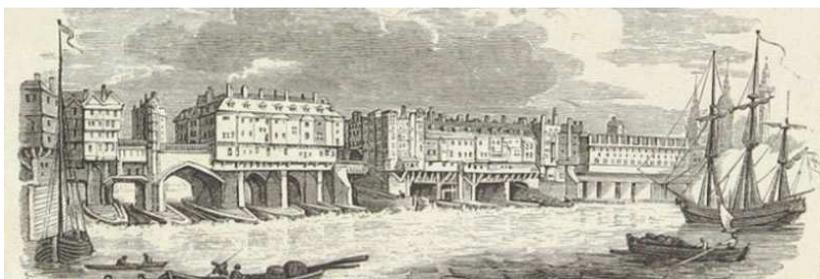
In this regard, the bridge in its essence is actually a place, since “things themselves are places, and not just belong to a certain place” [34, p. 6].

For example, the construction of the first temporary (pontoon) London Bridge by Roman troops preceded the founding of London [54, p. 103] (fig. 3.3).

The exceptionally important role of bridges in the collection of places and the emergence of cities is enshrined in toponymy. “The connection between the initial settlement and the bridge, crossing, ford is indicated by numerous names for “bridge”, “bruck”, “pont”, “furt”, etc.: Cambridge, Pontouz, Frankfurt, Oxford, Innsbruck, Bruges, Saarbrücken and etc.” [11, p. 99].

а (a)

б (b)

в (c)

Рис. 3.3. Лондонский мост:
 а – модель моста, построенного римлянами в 85–90 гг. н.э.;
 б – гравюра нач. XVIII века;
 в – мост в наше время. Источники:
 Лондонский музей; Британская библиотека на Flickr; Викимапия.
 Фото: Астардж (Иван Аст)

Fig. 3.3. London Bridge:
 а – model of a bridge built by the Romans in 85–90 AD;
 б – engraving of the early 18th century;
 в – the bridge in our time. Sources:
 Museum of London; British Library on Flickr; Wikimapia. Photo: Astarдж (Ivan Ast)

Мост создан для связи между берегами и людьми, их населяющими, поэтому часто служит метафорой в описаниях человеческих отношений. Укоренённость феномена моста в культуре подтверждается наличием в языке таких образно-переносных выражений, как: наводить/возводить/строить мосты, сжигать мосты. Широко известна фраза польского поэта Станислава Ежи Леца: «Люди одиноки, потому что вместо мостов они строят стены».

Метафорический смысл мостов в некоторых примерах получает двойное кодирование: Джесвальд В. Салакьюз из Флетчерской школы права и дипломатии метафоры в переговорах называет мостами, способными «перевести вас на другую сторону или разрушиться у вас под ногами» [4].

Основываясь на определении языка как «дома бытия» М. Хайдеггера [35, с. 189], К. Норберг-Шульц так объясняет сущность именования вещей: «Имена принадлежат вещам, и таким образом обозначают содержание нашего повседневного жизненного мира. Мир, по сути, дан не только как мир вещей, но и как универсум имён... Поэтому язык не только служит средством общения, но и раскрывает основные экзистенциальные структуры» [48, с. 29].

The bridge was created to connect the shores and the people who inhabit them, therefore it often serves as a metaphor in descriptions of human relationships. The rootedness of the bridge phenomenon in culture is confirmed by the presence in the language of such figurative expressions as: to build bridges, to burn bridges. The phrase of the Polish poet Stanislaw Jerzy Lec (1880–1950) is widely known: “People are lonely because instead of bridges they build walls”.

The metaphorical meaning of bridges is double-coded in some examples: Jeswald W. Salacuse of the Fletcher School of Law and Diplomacy calls metaphors in negotiation bridges capable of “transferring you to the other side or collapsing under your feet” [4].

Based on the definition of language as the “house of being” by M. Heidegger [35, p. 189], K. Norberg-Schulz explains the essence of naming things in this way: “Names belong to things, and thus designate the content of our everyday life-world. The world, in fact, is not only given as a world of things, but also as a universe of names... Language therefore does not only serve as communication but discloses the basic existential structures” [48, p. 29].

В русском языке слово «мостить» значит «покрывать камнем, брусчаткой»; «сооружать настил из досок или бревен»; «укладывать (на дорогу или площадь), создавая покрытие, пригодное для ходьбы или езды». Кроме того, «мостить» в более обобщённом смысле значит «делать, устраивать». Таким образом, в метафоре «делания и устройства» обнаруживается сущность понятия моста, обозначающего его глубинное содержание «устройства», то есть приспособления места, осознания его как «своего».

Мост часто несёт значение городского символа; иногда с постройкой моста город приобретает новый статус: «Непосредственно после завершения строительства Сиднейского моста о нём писали, его фотографировали, рисовали, отображали на почтовых карточках, воспроизводили в сувенирах. Внезапно мир узнал о Сиднее, а Сидней, теперь обладающий самым широким, если не самым длинным мостом в мире, стал осознавать себя в глобальном масштабе» [29, с. 75] (рис. 3.4).

Подобным образом с постройкой моста через бухту Золотой рог во Владивостоке в 2012 году (рис. 3.5) город приобрёл новый символ и сам стал более значимым на карте страны.

In Russian, bridge is “most”, and the word “mostit” means “to cover with stone, paving stones”; “to do flooring from do-sap or logs”; “to lay (on a road or square), creating a pavement suitable for walking or driving”. In addition to this, “mostit” in a more generalized sense means “do, arrange”. Thus, in the metaphor of “doing and arranging”, the essence of the concept of a bridge is revealed, denoting its deep content of “arrangement”, that is, adaptation of place, awareness of it as “one’s own”.

The bridge often carries the meaning of a city symbol, sometimes with the construction of the bridge, the city acquires a new status: “Immediately after its opening, the Sydney Harbor Bridge was written about, photographed, painted, reproduced on postcards, and miniaturized as souvenirs. Suddenly the world knew Sydney, and Sydney, now possessing the world’s widest if not its longest bridge, began to conceive of itself on a global scale” [29, p. 75] (fig. 3.4).

Similarly, with the construction of a bridge across the Golden Horn Bay in Vladivostok in 2012 (fig. 3.5), the city acquired a new symbol and became more significant on the map of the country itself.

Рис. 3.4. Почтовые марки с изображением Сиднейского моста

Fig. 3.4. Postage stamps depicting Sydney Harbor Bridge

Рис. 3.5. Золотой мост
через бухту Золотой Рог
во Владивостоке.
Фото: А.Г. Гаврилов

Fig. 3.5. Golden Bridge
across the Golden Horn Bay
in Vladivostok.
Photo: Alexey G. Gavrilov

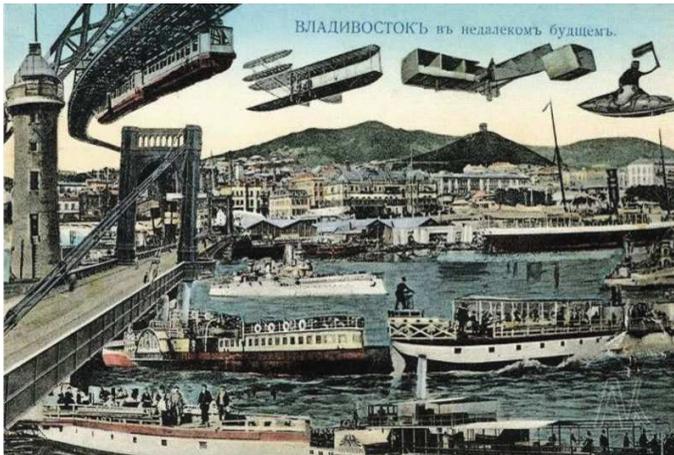

Рис. 3.6. Открытка 1915 г.
«Владивосток в недалёком
будущем». Источник: Музей
истории Дальнего Востока
имени В.К. Арсеньева

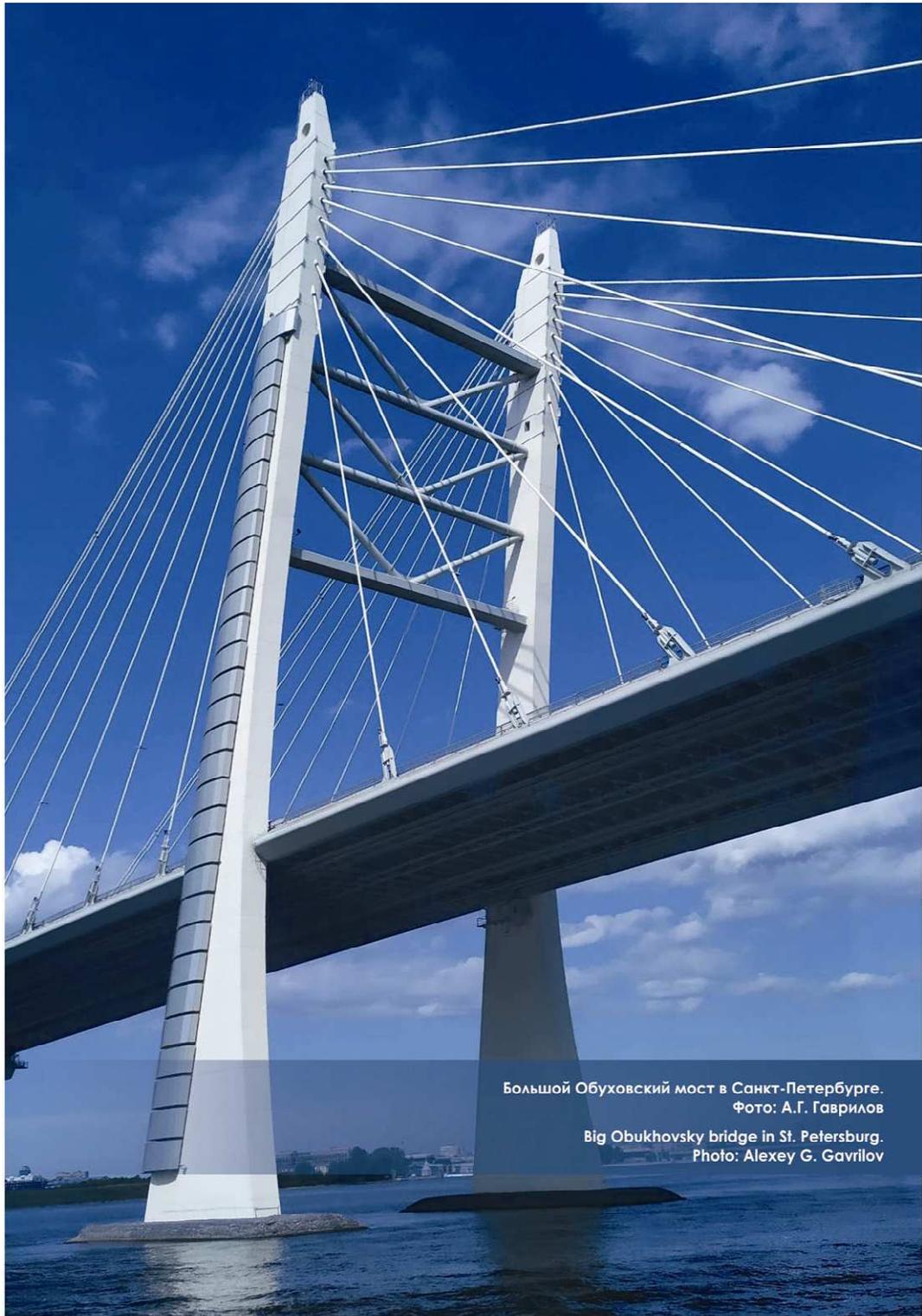
Fig. 3.6. 1915 postcard
“Vladivostok in the near future”.
Source: Museum of the History
of the Far East named after
V.K. Arseniev

Золотой мост очень быстро завоевал статус городской достопримечательности ещё и потому, что на протяжении всего существования города его жители и власти задумывались о постройке моста через бухту, разрезающую город на две части. На момент постройки моста в 2012 году мечте о его создании было уже около ста лет: на футуристических открытках 1915 года Владивосток изображен уже имеющим мост: таким его будущее виделось людям, жившим почти столетие назад (рис. 3.6). Мост был необходим и желанен; задолго до своего реального строительства он существовал в мечтах горожан и уже тогда формировал образ Владивостока.

Как сильный организующий элемент в структуре ландшафта мост сообщает упорядоченность окружающему пространству, превращая хаос разрозненных пространств и стихий в систематизированный космос. В некоторых случаях мост служит буквальной точкой отсчёта в городской системе координат. Так, «Мост определяет географию Сиднея. Северный Сидней лежит к северу от моста, Южный Сидней – к югу. Западный Сидней начинается сразу к западу от моста, а восточные пригороды – это район к востоку от него» [29, с. 75].

The Golden Bridge very quickly gained the status of a city landmark, also because throughout the existence of the city, its inhabitants and authorities thought about building a bridge across the bay that cuts the city into two parts. At the time of the construction of the bridge in 2012, the dream of its creation was already about a hundred years old: on futuristic postcards of 1915, Vladivostok is already depicted as having a bridge: this is how its future was seen by people who lived almost a century ago (fig. 3.6). The bridge was necessary and desirable, long before its real construction, it existed in the dreams of the townspeople and even then, formed the image of Vladivostok.

As a strong organizing element in the structure of the landscape the bridge imparts order to the surrounding space, turning the chaos of disparate spaces and elements into a systematized cosmos. In some cases, the bridge serves as a literal reference point in the city coordinate system. Thus, “The city’s geography is defined by the bridge. Northern Sydney is north of the bridge, southern Sydney is south. Western Sydney starts immediately west of the bridge, and the eastern suburbs are in the region to its east” [29, p. 75].

Большой Обуховский мост в Санкт-Петербурге.
Фото: А.Г. Гаврилов

Big Obukhovskiy bridge in St. Petersburg.
Photo: Alexey G. Gavrilov

3.3. Роль мостов в пространственной ориентации

Для того чтобы жить и действовать, мы должны ориентироваться в пространстве. Кроме очевидных житейских преимуществ ориентация способна дать человеку чувство особого удовлетворения, наполненности повседневного опыта дополнительными значениями: «В противовес беспокойству, вызываемому утратой ориентации, добротный образ окружения даёт важное чувство эмоционального комфорта и помогает установить гармоничные отношения между личностью и внешним миром» [5, с. 18]. Чем проще для восприятия окружающая среда, тем легче в ней не заблудиться: если окружающая среда понятна, то мы можем перемещаться быстро и легко [5, с. 17].

Введённое К. Линчем и упомянутое ранее понятие визуального качества ясности, или читаемости, городского ландшафта означает лёгкость, с которой мы можем распознавать части города и складывать их в упорядоченную картину [5, с. 16].

3.3. The role of bridges in spatial orientation

In order to live and act, we must be oriented in space. In addition to the obvious worldly benefits, orientation can give a person a feeling of special satisfaction, the fullness of everyday experience with additional meanings: “A good environment image gives its possessor an important sense of emotional security. He can establish a harmonious relationship between himself and the outside world. This is the obverse of the fear that comes with disorientation” [43, p. 4, 5]. The more understandable the environment is for a person, the easier it will be for him not to get lost in it: “a clear image enables one to move about easily and quickly: to find a friend’s house or a policeman or a button store” [43, p. 4].

K. Lynch in his research concentrates especially on one particular visual quality: “the apparent clarity or “legibility” of the cityscape. By this we mean the ease with which its parts can be recognized and can be organized into a coherent pattern” [43, p. 2, 3].

Рассматривая мост в качестве структурного элемента образа города, будем основываться на концепции К. Линча и его разделении предметных форм на пути, границы, районы, узлы, ориентиры. Значения моста как пути и во многих случаях как ориентира достаточно явно выражены, но может ли мост функционировать в качестве границы, узла или района?

Мост как путь. Исходя из определения К. Линча о путях как коммуникациях, «вдоль которых наблюдатель может перемещаться постоянно, периодически или только потенциально» [5, с. 51], мост по своей сути – это путь, и, более того, это его значение предельно полно воплощает смысл пути как элемента образа города.

Первоначальная суть моста заключается в соединении пространств, когда два «места», совершенно автономных, начинают «общаться» между собой. Объединение некогда разрозненных частей города между собой посредством прокладки между ними моста-пути способно радикально изменить образ города (рис. 3.7). Даже если в каком-либо случае мост не будет являться высотным ориентиром, он откроет новые пути и возможности, изменит синтаксические и семантические значения других элементов образа (напряжённость узлов, непрерывность границ, плотность районов, интенсивность путей), трансформирует общий смысл окружающего пространства.

The researcher proposes to classify the content of the images of the city, correlating them with subject forms, such as paths, boundaries, districts, nodes, landmarks. Based on the concept of K. Lynch, let's consider the bridge as a structural element of the image of the city. The meanings of a bridge as a path and in many cases as a landmark are clear enough, but can a bridge function as a border, junction, or square?

Bridge as a path. According to the definition of K. Lynch, “Paths are the channels along which the observer customarily, occasionally, or potentially moves” [43, p. 47]. The bridge is inherently a communication, and this meaning embodies the meaning of the path as an element of the image of the city as fully as possible.

The original essence of the bridge is to connect spaces, when two “places”, completely autonomous, begin to “communicate” with each other. The unification of the once disparate parts of the city with each other by laying a bridge-path between them can radically change the image of the city (fig. 3.7). Even if in any case the bridge will not be a high-altitude landmark, it will open up new ways and possibilities, change the syntactic and semantic meanings of other elements of the image (tension of nodes, continuity of boundaries, density the nature of the districts, the intensity of the paths), transforms the general meaning of the surrounding space.

Мост соединяет не только в пространственном отношении, но и в смысловом. Если остров прочно соединить с сушей, то его обособленность (сепаратизм) разрушается, теперь остров – это часть суши, его район. Конечно же, коммуникация может осуществляться и с помощью паромного сообщения, но это по-прежнему два автономных образования. Как только сушу и остров соединяет нечто более стабильное, например мост, то действительность становится иной. Возникает другое переосмысленное значение пространства; это как бы «перестановка». Мост в данном случае – это установление либо укрепление связей в пространстве (рис. 3.8, 3.9).

The bridge connects not only in terms of space, but also in terms of meaning. If the island is firmly connected to the land, then its isolation (separatism) is destroyed, now the island is part of the land, its region. Of course, communication can also be carried out using a ferry service, but these are still two autonomous formations. As soon as the land and the island are connected by something more stable, for example, a bridge, then the reality becomes different. Another rethought meaning of space arises, it is, as it were, a “permutation”. The bridge in this case is the establishment or strengthening of connections in space (fig. 3.8, 3.9).

Рис. 3.7. Золотой мост и новая высотная застройка на полуострове Черкавского во Владивостоке.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 3.7. Golden bridge and new high-rise development on the Cherkavsky Peninsula in Vladivostok.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Рис. 3.8. Даньян-Куньшаньский
виадук в Китае.
Источник:
<https://russian.cgtn.com/t/Bf1cA-DAA-EEA/CIBbcA/index.html>

Fig. 3.8. Danyang-Kunshan Grand
Bridge in China.
Source: <https://russian.cgtn.com/t/Bf1cA-DAA-EEA/CIBbcA/index.html>

Рис. 3.9. Пешеходный мост
Бритиш Петролеум в Чикаго, США.
Источник: <https://millenniumparkfoundation.org/art-architecture/bp-bridge/>

Fig. 3.9. British Petroleum
Pedestrian Bridge in Chicago, USA.
Source: <https://millenniumparkfoundation.org/art-architecture/bp-bridge/>

Мост концентрирует в себе всю сущность пути. Испытания, данные человеку, сравниваются с переходом по заполненному препятствиями мосту. Такой переход – это своего рода «посвящение», а «дальний берег» – это новая ступень развития.

Мост, наряду с переправой через водное препятствие, служит «орудийным воплощением самой опасности, кризиса, некоего провала в пути... В этом месте опасность сгущается настолько, что ставится под угрозу сама реальность пути и возможности его преодоления. В мифопоэтическом сознании в такой ситуации весь путь как бы сжимается в ничтожный по протяженности, но важнейший по значению участок – в мост.

Переправа через этот самый ответственный участок пути особенно сложна: она требует от героя-путника смелости, хитрости и изобретательности, особого покровительства. Отсюда обычай ставить в самом опасном месте пути крест, часовню, изображение божественного покровителя дорог («гермы» в Древней Греции или изображения Гекаты), другие символы безопасности и успеха» [12, с. 263, 264].

The bridge concentrates in itself the whole essence of the path. The tests given to a person are compared with crossing a bridge filled with obstacles. Such a transition is a kind of “initiation”, and the “far shore” is a new stage of development.

The bridge, along with the crossing of a water obstacle, serves as “a weapon embodiment of the danger itself, a crisis, a certain failure on the way ... In this place, the danger thickens so much that the very reality of the path and the possibility of overcoming it are threatened. In the mythopoetic consciousness, in such a situation, the entire path seems to be compressed into an insignificant in length, but the most important section in terms of value – into a bridge.

Crossing this most important section of the path is especially difficult: it requires courage, cunning and ingenuity from the herotraveler, special patronage. Hence the custom to put a cross, a chapel, an image of the divine patron of roads (“herms” in Ancient Greece or images of Hekate), other symbols of security and success” [12, p. 263, 264].

Мост как узел. По уже упоминавшемуся определению К. Линча, узлы представляют собой «места или стратегические точки города, в которые наблюдатель может свободно попасть, фокусирующие элементы, к которым и от которых он движется» [5, с. 52].

Автомобильные и железнодорожные мосты – транзитные; остановки на мостах не предусматриваются и в большинстве случаев запрещены. Интересен пример исторического моста Селати над рекой Сабии недалеко от г. Скукуза в ЮАР, где поезд на мосту переоборудован в гостиницу с прилегающей зоной отдыха в виде палубы с бассейном, но этот объект уже не функционирует как железнодорожный, хотя и сохраняет элементы первоначального образа.

Пешеходные мосты могут представлять собой узлы, если на них располагаются, например, площадки для отдыха и обзора панорам, торговые ряды, крытые пассажи и т.д.

Мост сам по себе линейен и имеет два конца (за исключением такого типа, как «tridge» с тремя пересекающимися в центральной точке пролётами [46] (рис. 3.10)). Линейность моста не позволяет говорить о нём как об узле в строгом геометрическом смысле слова, поскольку узел – это, скорее, развилка, перекрёсток путей, то есть, по выражению В.Н. Топорова, «орудийное выражение неопределённости на пути» [12, с. 263].

Bridge as a node. According to the already mentioned definition of K. Lynch, nodes are “points, the strategic spots in a city into which an observer can enter, and which are the intensive foci to and from which he is traveling” [43, p. 47].

Road and railway bridges are transit; stops on bridges are not provided and in most cases are prohibited. An interesting example is the historical Selati Bridge over the Sabie River near the city of Skukuza in South Africa, where the train on the bridge was converted into a hotel with an adjacent recreation area in the form of a deck with a swimming pool, but this facility no longer functions as a railway, although it retains elements of the original image.

Pedestrian bridges can be nodes if they contain, for example, areas for rest and panoramic views, shopping rows, covered arcades, etc.

The bridge itself is linear and has two ends (with the exception of such a special type as a “tridge” with three spans intersecting at the central point [46] (fig. 3.10)). The linearity of the bridge does not allow us to speak of it as about a node in the strict geometric sense of the word, since a node is rather a fork, a crossroads, that is, according to V.N. Toporov, “a tool expression of uncertainty on the way” [12, p. 263].

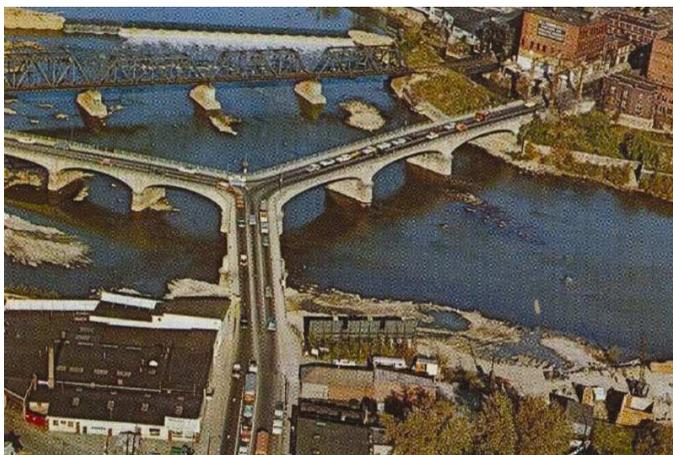

Рис. 3.10. Занесвилльский трёхлучевой мост в США.
Источник: Bridgehunter.com

Fig. 3.10. Zanesville Tridge in the USA.
Source: Bridgehunter.com

Тем не менее, даже в линейной интерпретации моста кроются две тонкости. Во-первых, для мифопоэтических толкований характерна кульминационная ситуация, когда на середине моста герой принимает решение, продолжать ли путь к цели или вернуться домой, в безопасное место. Таким образом, идея «узла» и идея «пути» оказываются тесно переплетены. Феномен преодоления моста как метафора принятия окончательного решения закреплён в языке крылатым выражением «перейти Рубикон», означающим прохождение некой критической точки, когда совершенное действие уже не позволяет отказаться от первоначального замысла.

However, even in the linear interpretation of the bridge, there are two subtleties. Firstly, mythopoetic interpretations are characterized by that culminating situation when, in the middle of the bridge, the hero decides whether to continue on his way to the goal or return home to a safe place. Thus, the idea of a “knot” and the idea of a “path” are closely intertwined. The phenomenon of crossing the bridge as a metaphor for making a final decision is enshrined in the language by the popular expression “cross the Ruby-con”, meaning the passage of a certain critical point, when the completed action no longer allows you to abandon the original plan.

Во-вторых, мост в современной топологии включает в себя не только линейный пролёт, но и прилегающие к нему подходы, остановки общественного транспорта, подъезды и многоуровневые развязки автомобильных дорог. В данной интерпретации он становится концентрацией и пунктом соединения путей, местом средоточия особых свойств – таким образом формируется узел. В этом расширенном смысле мост можно считать узлом, поскольку он является ключевой и фокусирующей точкой в транспортно-пешеходной сети района или города в целом.

В некоторых случаях символическое содержание моста как узловой точки находит своё буквальное выражение в формах переплетающихся или связывающихся линейных элементов (рис. 3.11, 3.12).

Питер Бишоп символически определяет «мосты как места, где пересекаются различные пути – транспортные, коммуникационные, культурные и социальные, экологические и эстетические» [26, с. 55]. Таким образом, всякий мост в городской структуре вмещает в себе функции узла и пути, и они определяют саму внутреннюю суть моста.

Secondly, the bridge in modern topology includes not only a linear span, but also approaches adjacent to it, public transport stops, entrances and multi-level road junctions. In this interpretation, it becomes a concentration and junction of paths, a place of concentration of special properties – thus a node is formed. In this extended sense, a bridge can be considered a node, since it is a key and focal point in the transport and pedestrian network of an area or city as a whole.

In some cases, the symbolic meaning of the bridge as a key point finds its literal expression in the form of intertwining or connecting linear elements (fig. 3.11, 3.12).

Peter Bishop symbolically defines “bridges are sites where disparate tracks cross – transportation, communication, cultural and social, environmental and aesthetic” [26, p. 55]. Thus, any bridge in an urban structure combines the functions of a node and a path, and they determine the very essence of the bridge.

Рис. 3.11. Мост Лаки Нот
(Счастливы́й узел) в г. Чаншя, Китай.
Источник:
<https://www.dezeen.com/2016/10/26/lucky-knot-bridge-red-next-architects-dragon-king-harbour-river-changsha-china/>

Fig. 3.11. Lucky Knot bridge
in Changsha, China.
Source: <https://www.dezeen.com/2016/10/26/lucky-knot-bridge-red-next-architects-dragon-king-harbour-river-changsha-china/>

Рис. 3.12. Мост Фестина Ленте
(«Спешите медленно») в г. Сараево,
Босния и Герцеговина. Источник:
<https://www.kudatotam.ru/pages/4566-most---petlya-v-saraevo--bosniya-i-gertsegovina.html>

Fig. 3.12. Festina Lente (“make
haste slowly”) bridge in Sarajevo,
Bosnia and Herzegovina. Source:
<https://www.kudatotam.ru/pages/4566-most---petlya-v-saraevo--bosniya-i-gertsegovina.html>

Мост как район. С точки зрения К. Линча, районы – это двухмерная протяженность, в которую наблюдатель мысленно входит «изнутри» и которая обладает общим, распознаваемым характером [5, с. 51]. Мост в этой связи чаще всего становится центром притяжения, узлом какого-либо района, простирающегося за его предместьями.

Со значением моста как центра района связана его градообразующая сущность, описанная ранее в подразд. 3.2. Одним из примеров может служить село Долгий мост в Красноярском крае: сначала в этом месте в тайге располагался переход через заболоченный ручей в виде бревенчатого настила длиной около 300 м, издавна использовавшийся сибирскими старожилами, а в начале XX в. переселенцами из центральной России и Украины на этом месте был основан населённый пункт.

Другой пример – город Мосты в Белоруссии, расположенный в 7 км от одноимённого старинного оседлого поселения, которое состояло из правобережной и левобережной частей реки Неман, объединённых мостом. Сегодня это деревни Правые Мосты и Левые Мосты. Сейчас в городе пять мостов, но, возможно, его название возникло от слова «мостить»: вдоль берегов Немана для загрузки барж возводились пристани в виде деревянных мостков.

В отдельных случаях мост как таковой может представлять собой целый квартал или даже район.

The bridge as a district.

According to K. Lynch, districts are two-dimensional extent, which the observer mentally enters “inside of”, and which are recognizable as having common, identifying character [5, p. 51]. In this regard, the bridge most often becomes a center of attraction, a node of any region extending beyond its outskirts.

The significance of the bridge as a central area concerns its city-forming essence, described earlier in paragraph 3.2. One example is the village of Dolgiy Most (Long Bridge) in the Krasnoyarsk Territory: at first, in this place in the taiga there was a crossing over a swampy stream in the form of a log deck about 300 m long, which had long been used by Siberian old-timers. The settlement on this place was founded at the beginning of the 20th century by settlers from central Russia and Ukraine.

Another example is the city of Mosty (Bridges) in Belarus, seven kilometers from the old settlement of the same name. It consisted of the right bank and left bank parts on river Neman, united by a bridge – today these are the villages of Pravye Mosty (Right Bridges) and Levye Mosty (Left Bridges). Now there are five bridges in the city, but perhaps its name comes from the word “to pave”: along the banks of the Neman, piers in the form of wooden walkways were built to load barges.

In some cases, the bridge as such can represent a whole block or even a district.

Идея возведения уникального объекта, не просто моста, а целого квартала над водой, всегда привлекала архитекторов. Своеобразный мост-район на месте старого моста Риа́льто в Венеции был запроектирован ещё в середине XVI в.

А. Палладио (рис. 3.13). Этот грандиозный мост должен был быть сооружён над Гранд-каналом, представляющим собой центральную транспортную артерию города на воде. В проект моста входили три улицы с двумя рядами торговых рядов по сторонам – по существу полноценный торговый район города.

А. Палладио так описывал проект моста Риа́льто для Венеции: «Принимая во внимание величину и значительность города и желая ещё увеличить его доходы, я прокладывал на мосту во всю его ширину три улицы...

С одной и с другой стороны этих улиц я располагал лавки так, чтобы их получалось шесть рядов.

Кроме того, на обоих концах моста, а также посередине, то есть над большой аркой, я помещал лоджии, в которых могли бы собираться купцы для заключения сделок друг с другом и которые придали бы мосту величайшую красоту и удобство» [9, кн. 3, с. 27].

The idea of building a unique object, not just a bridge, but a whole block above the water, has always attracted architects. A peculiar bridge-district on the site of the old Rialto Bridge in Venice was designed in the middle of the 16th century by A. Palladio (fig. 3.13). This grandiose bridge was to be built over the Grand Canal, which is the central transport artery of the city on the water. The bridge project included three streets with two rows of shopping arcades on the sides – essentially a full-fledged shopping area of the city.

A. Palladio described the project of the Rialto Bridge for Venice as follows: “to keep up to the grandeur and dignity of the said city, and also to add a very great income to it, I made upon the bridge, in its full breadth, three streets... On each side of this streets I ordered shops, so that there would have been six rows of them. Besides this, in the heads of the bridge, and in the middle, that is, upon the greatest arch, I made loggia’s, in which the merchants might have assembled to negotiate together; and it would have afforded conveniency, and very great beauty” [52, 3rd book, p. 70].

В современном мире идея моста-района также не оставляет умы архитекторов и мостостроителей. Дизайнерские фирмы ОМА и OLIN Studio создали уникальный проект под названием Анако́стия Кроссинг для г. Вашингтона в США. Предполагается, что мост будет включать в себя «площадки для выступлений на открытом воздухе; детские площадки; городские фермы; центр экологического образования с классами для обучения студентов экологии рек; паблик-арт, рассказывающий о богатой истории региона; спуск на байдарках и каное» [19].

«Это одновременно и перекрёсток, и место ... Это чёрточка, которая объединяет и прославляет физическую и культурную историю двух исторических и ярких общин береговой линии Анако́стии, выражая гражданское проявление демократии» [28] (рис. 3.14). Строительство моста запланировано на 2024–2026 гг.

Несмотря на множество своих положительных качеств, идея моста парадоксальным образом выявляет противоречия и становится разделяющим местные сообщества фактором. Афроамериканцы, проживающие на восточном берегу Анако́стии, опасаются повышения цен на аренду домов, которая вынудит их покинуть свои дома в поисках более дешёвого жилища.

In the modern world, the idea of a bridge-district also does not leave the minds of architects and bridge builders. Design firms OMA and OLIN Studio created a unique project called Anacostia Crossing for Washington DC in the USA. The bridge is expected to include «outdoor performance spaces; playgrounds; urban agriculture; an Environmental Education Center with classrooms to teach students about river systems; public art that tells the rich history of the region; and kayak and canoe launches» [19].

“It is at once both a crossing and place. ...It is a hyphen that connects and celebrates the physical and cultural histories of two historic and vibrant Anacostia shoreline communities, while establishing a civic expression of democracy” [28] (fig. 3.14). Construction of the bridge is planned for 2024–2026.

Despite the many forms of their views, the idea of a bridge paradoxically causes controversy and becomes dividing the local community. African Americans living on the Anacostia's Eastern Shore fear rising land rental prices would force them to abandon their homes in search of affordable housing.

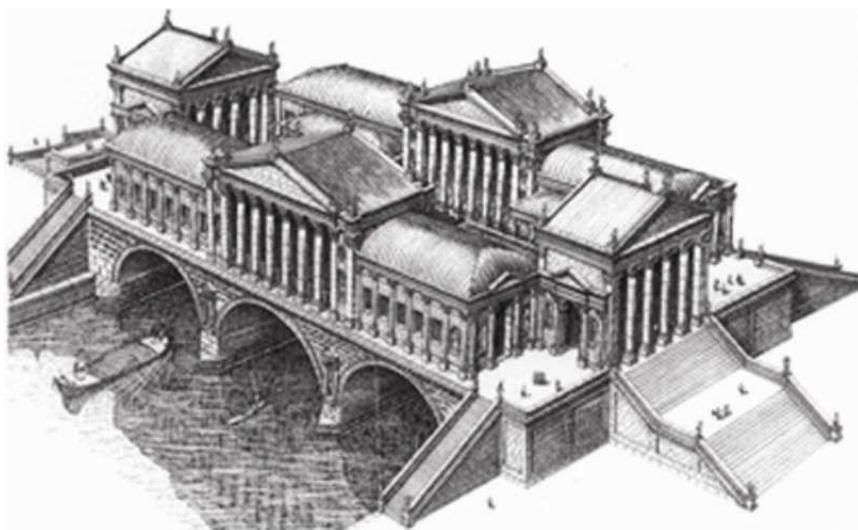

Рис. 3.13. Проект моста Риальто в Венеции XVI в., арх. А. Палладио. Источник: <https://hiddenarchitecture.net/rialto-bridge>

Fig. 3.13. 16th century project for the Rialto Bridge in Venice, arch. A. Palladio. Source: <https://hiddenarchitecture.net/rialto-bridge>

Рис. 3.14. Проект моста Анако́стия Кроссинг (пересекая Анако́стию) в г. Вашингтоне, США. Источник: High Line Network

Fig. 3.14. Anacostia Crossing Bridge in Washington DC, USA. Source: High Line Network

Мост как ориентир. При положении наблюдателя не внутри, а вне пространства моста мы можем говорить о его функции как ориентира. К. Линч определяет ориентиры как точечные элементы, в пределы которых не вступает наблюдатель, и поэтому «они остаются внешними по отношению к нему» [5, с. 52].

На систему ориентиров люди предпочитают опираться везде, будь то в лесу, в парке или в городе. Такая система выстраивает в голове человека целостный образ и своеобразный «план» местности, нанося ключевые точки, которые формируют понятную каждому схему.

Рассматривая мосты в качестве ориентиров, мы искусственно абстрагируемся от их значения путей: мост становится ориентиром не в момент прохождения по нему, а тогда, когда наблюдатель находится во внешней по отношению к мосту позиции. В этом смысле мосты, независимо от их размера и функциональности, всегда привлекали к себе внимание и автоматически становились ориентирами, «знаковыми» элементами территории. К ориентирам можно отнести как мост целиком, так и его отдельные части, например пилоны, обозреваемые с различных удалённых точек местности.

Bridge as a landmark.

When the position of the observer is not inside, but outside the space of the bridge, we can talk about its function as a landmark. K. Lynch defines landmarks as “point-reference, but in this case the observer does not enter within them, they external” [43, p. 48].

People prefer to rely on a system of landmarks everywhere, whether in the forest, in the park or in the city. Such a system builds a holistic image and a kind of “plan” of the area in a person’s head, inflicting key points that form a scheme understandable to everyone.

Considering bridges as landmarks, we artificially abstract from their meaning of paths: the bridge becomes a landmark not at the moment of passing through it, but when the observer is in a position external to the bridge. In this sense, bridges, regardless of their size and functionality, have always attracted attention and automatically become landmarks, “sign” elements of the territory. Landmarks include both the entire bridge and its individual parts, for example, pylons, viewed from various remote points of the terrain.

«Ориентиры легче опознаются, быстрее осознаются как значимые, если у них ясная форма, если они остроконтрастны фону и если пространственная локализация даёт им чем-то выделяющееся положение. Основным фактором является контрастность фигуры и фона» [5, с. 76, 77]. Если мост виден с множества направлений, то в пространственном отношении он становится одним из ключевых ориентиров. То же самое можно сказать, если мост за счёт размещения или за счёт высоты превалирует над элементами окружения. Такие ориентиры используют все: и люди, которые давно знакомы с данной местностью, и «новички», которые не совсем уверенно ориентируются в пространстве, например туристы.

Чем мост более уникален и специфичен, тем больше вероятность, что он станет выделяться на фоне других элементов пейзажа, запоминаться в общем контексте местности. К тому же выделяющееся положение большинства мостов (пересечение водного препятствия, возвышение над лощинами, над железнодорожными путями и др.) даёт им особое преимущество – они приподняты над горизонтом и поэтому заметнее. Мост может стать ориентиром всего лишь потому, что его возраст резко отличается от остального окружения: или он очень старый, или даже разваливается, или очень новый, только что построенный и разрекламированный.

“Landmarks become more easily identifiable, more likely to be chosen as significant, if they have a clear form: if they contrast with their background; and if there is some prominence of spatial location. Figure-background contrast seems to be the principal factor” [43, p. 78, 79]. If the bridge is visible from many directions, then spatially it becomes one of the key landmarks. The same can be said if the bridge, due to placement or due to height, prevails over the elements of the environment. Such landmarks are used by everyone: both people who have been familiar with the area for a long time, and “novices” who are not quite confident in orienting themselves in space, for example, tourists.

The more unique and specific the bridge is, the more likely it is to stand out against the background of other elements of the landscape, to be remembered in the general context of the area. In addition, the prominent position of most bridges (crossing a water obstacle, rising above hollows, above railway tracks, etc.) gives them a special advantage – they are elevated above the horizon, and therefore more noticeable. The bridge can become a landmark simply because its age differs sharply from the rest of the surroundings – either it is very old, or even falling apart, or very new, just built and advertised.

Так, например, во Владивостоке пилоны Золотого и Русского мостов ещё до завершения строительства приобрели роль главных городских ориентиров. Находясь на любой видовой площадке города и соотнеся своё положение в пространстве с местонахождением новых мостов, каждый горожанин или турист может легко «прочсть» городскую структуру, то есть сориентироваться, представить город в целом, испытать для себя экзистенциальное чувство «открытия» ландшафта (рис. 3.15–3.18).

Чем больше качественных критериев такого элемента, как ориентир, совпадают в одном и том же объекте, и соответственно, чем выше степень его распознаваемости, тем больше его «идейная и визуальная значимость» для данной территории. Поэтому мосты, которые стоят в «нужном» месте, которые активно используются, несут в себе уникальную эстетическую нагрузку и контрастны окружению, являются самыми значительными и важными ориентирами для города. Следовательно, мост может успешно играть роль ориентира как одного из главных и выразительных элементов образа города.

So, for example, in Vladivostok, the pylons of the Golden and Russian bridges, even before the completion of construction, acquired the role of the main city landmarks. Being on any viewing platform of the city and correlating its position in space with the location of new bridges, each citizen or tourist can easily “read” the urban structure, that is, orient himself, imagine the city as a whole, experience for the existential sense of “discovery” of the landscape (fig. 3.15–3.18).

The more qualitative criteria of such an element as a landmark coincide in one and the same object, and, accordingly, the higher the degree of its recognition, the greater its “ideological and visual significance” for a given territory. Therefore, bridges that stand in the “right” place, which are actively used, carry a unique aesthetic load and contrast with the environment, are the most significant and important landmarks for the city. Consequently, the bridge can successfully play the role of a landmark as one of the main and expressive elements of the city's image.

Рис. 3.15. Вид на Золотой и Русский мосты с сопки Орлиное гнездо во Владивостоке.
Фото: А.Г. Гаврилов

Fig. 3.15. View of the Golden and Russian bridges from the Eagle's Nest hill in Vladivostok.
Photo: Alexey G. Gavrilov

Рис. 3.16. Застройка полуострова Черкавского и опоры Золотого моста во Владивостоке.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 3.16. The development of the Cherkavsky peninsula and the Golden Bridge pillars in Vladivostok.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Рис. 3.17. Вид на Золотой мост со стороны набережной Цесаревича во Владивостоке.
Фото: А.Г. Гаврилов

Fig. 3.17. View of the Golden bridge from the Tsesarevich Embankment in Vladivostok.
Photo: Alexey G. Gavrilov

Рис. 3.18. Вид на Русский мост со стороны Русского острова во Владивостоке.
Фото: А.Г. Гаврилов

Fig. 3.18. View of the Russian bridge from the Russian Island in Vladivostok.
Photo: Alexey G. Gavrilov

Мост как граница. По мнению К. Линча, границы – это «линейные элементы окружения, которые наблюдатель не использует в качестве путей и не рассматривает их в этом качестве» [5, с. 51]. Если брать это определение границы за отправную точку, то мост сам по себе не является границей, поскольку его суть – в соединении, а не в разъединении пространств. Тем не менее символический смысл моста во многих случаях наиболее отчетливо прослеживается в его значении границы-перехода.

В дополнение к этому, даже если абстрагироваться от рассмотрения символических смыслов моста, в некоторых, хотя и нечастых, случаях можно найти примеры применения моста в качестве буквальной границы. Так, мосты могут отделять разные экосистемы (мостик, построенный над прудом, изолирует, например, семейство кувшинок от остальной части водоёма), то есть служить реальной границей для несовместимых сред или же просто нежелательных контактов.

Во всех остальных случаях мост является своеобразным порогом через границу, членищую различные подпространства: будь то символические места или реальные территории. Для целей анализа можно выделить два вида соединяемых мостом подпространств: примерно равнозначные по своей сути (например, районы города) и имеющие разнящийся статус (например, центр и периферия, город и пригород).

The bridge as a border.

K. Lynch defines boundaries as “the linear elements not used or considered as paths by the observer” [43, p. 47]. If we take this definition of a boundary as a starting point, then the bridge itself is not a boundary, since its essence is in the connection, and not in the separation of spaces. However, the symbolic meaning of the bridge in many cases is most clearly seen in its meaning of the boundary-transition.

In addition to this, even if we abstract from the consideration of the symbolic meanings of the bridge, then in some, albeit infrequent cases, one can find examples of the use of the bridge as a literal border. So, bridges can separate different ecosystems (a bridge built over a pond isolates, for example, a family of water lilies from the rest of the reservoir) – that is, serve as a real boundary for incompatible environments or simply undesirable contacts.

In all other cases, the bridge is a kind of threshold across the border, which divides various subspaces: be it symbolic places or real territories. For the purposes of analysis, two types of subspaces connected by a bridge can be distinguished: approximately equal in essence (for example, city districts) or having a different status (for example, center and periphery, city and suburb).

В тех случаях, когда соединяемые пространства различаются по своему значению, мост пересекает границу, становится особенным этапом пути. В.Н. Топоров указывает на особую важность кульминационного момента пути в мифопоэтическом пространстве. Этот момент приходится «на стык двух частей, указывающих на границу-переход между двумя по-разному устроенными «подпространствами» (отсюда особая выделенность всех вариантов «границы»: порог, дверь, лестница, окно, мост и т.п.)» [12, с. 263].

Наиболее отчётливо граница между своим и чужим пространствами обозначена в средневековой фортификации. Мосты, перебрасываемые через ограничивающие крепость рвы, были сначала съёмными или начиная с XIII–XIV вв. подъёмными [17, с. 493]. Они функционировали днём и в мирное время, но убирались ночью и во время осады. Данная мера обеспечивала контролируемость входа и выхода людей, транспорта и грузов из укрепленного города.

Достаточно часто посередине моста пролегает граница между различными территориями: смежными районами, соседними городами, сопредельными государствами (рис. 3.19–3.22). Одним из таких примеров служил, вплоть до конца XVII в., мост Риа́льто в Венеции (см. рис. 3.21), по которому проходила грань между кварталами, примыкающими к собору Св. Марка, и торговым районом Риа́льто.

In cases where the connected spaces differ in their meaning, the bridge crosses the border, becomes a special stage of the path. V.N. Toporov points to the special importance of the climax of the path in the mythopoetic space. This moment falls “at the junction of two parts, indicating the border-transition between two differently arranged “subspaces” (hence the special emphasis on all options for the “border”: threshold, door, staircase, window, bridge, etc.)” [12, p. 263].

The boundary between one's own and other's spaces is most clearly marked in the medieval fortification. The bridges thrown over the ditches limiting the fortress were at first removable or, starting from the 13th–14th centuries, lifting [17, p. 493]. They functioned during the day and in peacetime but were removed at night and during the siege. This measure ensured the controllability of the entry and exit of people, transport and cargo from the fortified city.

Quite often, in the middle of the bridge, there is a border between different territories: adjacent areas, neighboring cities, neighboring states (fig. 3.19–3.22). One such example was, until the end of the 17th century, the Rialto Bridge in Venice (see fig. 3.21), which marked the line between the quarters adjacent to the Cathedral of St. Mark and the commercial district of Rialto.

Рис. 3.19. Мост королевы Луизы на границе г. Советск, Россия, и г. Панямуне, Литва.
Фото: Сергей Афанасьев

Fig. 3.19. Queen Louise Bridge on the border of Sovetsk, Russia, and Panyamune, Lithuania. Photo: Sergey Afanasyev

Рис. 3.20. Пешеходный мост из Европы в Азию, г. Оренбург.
Источник: <https://travel.orb.ru>

Fig. 3.20. Pedestrian bridge from Europe to Asia, Orenburg.
Source: <https://travel.orb.ru>

Рис. 3.21. Мост Риальто в Венеции, Италия.
Источник: <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=15374420>.
Фото: Шафран Блэйз

Fig. 3.21. The Rialto Bridge in Venice, Italy.
Source: <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=15374420>.
Photo: Saffron Blaze

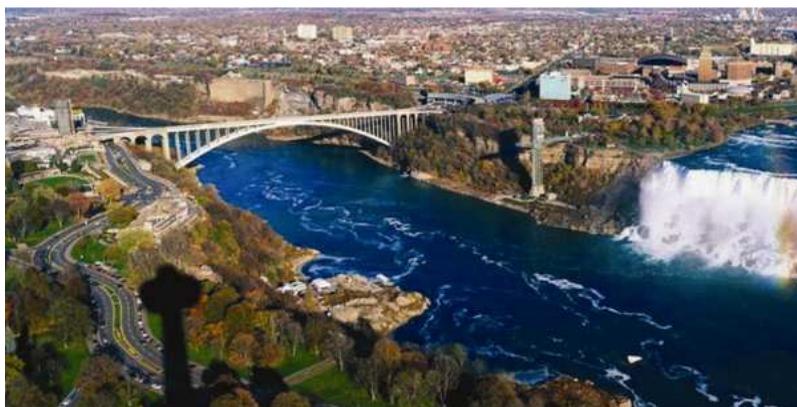

Рис. 3.22. Мост Рейнбоу (Радужный) на границе г. Ниагара-Фолс, США и г. Ниагара-Фолс, Канада. Источник: <https://www.vokrugsveta.ru/article/348523/>

Fig. 3.22. The Rainbow Bridge on the border of Niagara Falls, USA and Niagara Falls, Canada. Source: <https://www.vokrugsveta.ru/article/348523/>

Русский путешественник П.А. Толстой так описывал эту особенность главного венецианского моста: *«Венецкой народ разделяется надвое: костеляны и николиоты, которые «временем и враждоу тайную между собою имеют. ...и бывають между подлым народом у николиотов с каштелянами великие кулашные бои. На том помяненном великом мосту в тех кулашных боях бывает много и смертнаго убивства. Кулашные бои [бывають в Венеции] часто и по иным мостам, толко небольшие, а не на мостах в Венецы кулашных боев не бывает»* [10, с. 108].

Въезды и съезды с современных мостов также знаменуют собой переходы из одного пространства в другое. К. Линч отмечает, что «переход от одного канала транспортной коммуникации к другому воспринимается как перемещение из одного структурного элемента в другой» [5, с. 72]. Горожане ощущают, что покинули пределы района, города или страны, когда проезжают такую ключевую точку, как мост.

Мы можем рассматривать мосты как произведения искусства, выражение триумфа человеческих возможностей, воплощение самой сущности места, однако в религиозных, мифопоэтических и других иррациональных представлениях о мире мосты значат гораздо больше, чем просто соединение одной территории с другой.

Russian traveler P.A. Tolstoy described this feature of the main Venetian bridge as follows: *“The Venetian people are divided in two”: churchmen and nicoliots, which “for a time they have secret enmity among themselves. ...and there are great fistfights between the vile people of the Nicoliotos and the Kastelians. On that mentioned great bridge in those fistic fights there is a lot of mortal murder There are often box fights in Venice and on other bridges, only small ones, and there are no box fights not on the bridges in Venice”* [10, p. 108].

Entrances and exits from modern bridges also mark to another. K. Lynch notes that “the transition from one transportation channel to another seems to mark the transition between major structural units” [43, p. 73, 74]. Citizens feel that they have left the boundaries of the region, city or country, when they pass such a key point as a bridge.

We can consider bridges as works of art, an expression of the triumph of human possibilities, the embodiment of the very essence of a place, but in religious, mythopoetic and other irrational ideas about the world, bridges mean much more than just connecting one territory to another.

В символике древних народов мост – это не просто физический объект, это божье творение, ведущее в небеса. Образ моста символизирует вход в эдем – переход или движение в лучший мир, поиск утерянного рая и возвращение в него.

В мифологии многих народов мост является воплощением связи между мирами, символизируя взаимосвязанность неба и земли, объединение сакрального и мирского. «Мост – это пороговое пространство, переход, граница, промежуточное место. Мифологически эта промежуточность выражалась как нечто сверхъестественное и парадоксальное: радужный мост богов, Биврёст и золотой мост Гьялларбру в скандинавской мифологии; мост Шинват в иранской мифологии, по которому должны пройти умершие, – широкий в девять полос для добрых и праведников, но узкий, как лезвие бритвы, для нечестивых» [26, с. 56].

В других случаях, когда мост соединяет два равнозначных пространства, он нависает над границей, разделяющей эти пространства, и преодолевает разрыв между подпространствами. Здесь особое значение придаётся не горизонтальному перемещению по мосту, а вертикальному падению или прыжку с него вниз.

In the symbolism of the ancient peoples, the bridge is not just a physical object, it is God's creation leading to heaven. The image of the bridge symbolizes the entrance to Eden – the transition or movement to a better world, the search for the lost paradise and the return to it.

In the mythology of many peoples, the bridge is the embodiment of the connection between the worlds, symbolizing the interconnectedness of heaven and earth, the unification of the sacred and the mundane. “The bridge as a whole is a liminal space, a transition, a border, a place in-between. Mythologically, this in-between-ness was expressed as something numinous and paradoxical: the rainbow bridge of the gods, *Bifrost*, and the golden-paved bridge, *Gjallarbru*, in Nordic mythology; the *Chinvat* bridge in Iranian mythology over which the dead must pass – nine lengths wide for the good and just, but as narrow as the blade of a razor for the wicked” [26, p. 56].

In other cases, when a bridge connects two spaces of equal value, it hangs over the boundary separating these spaces and bridges the gap between these subspaces. Here, special importance is attached not to horizontal movement along the bridge, but to vertical falling or jumping down from it.

В голливудском кинофильме «Кейт и Лео» 2001 года главные герои прыгают с нью-йоркского Бруклинского моста, используя его как портал для передвижения из прошлого в будущее и обратно.

Таким образом, несмотря на то, что мост сам по себе является концентрированным выражением пути, его особенно яркий и богатый интерпретациями смысл заключается именно в пересечении границы, придает мосту значение порога. Разграничиваться могут как символические места, так и реальные территории, как равные по своей сути пространства, так и имеющие противоположный саральный статус.

Характеристики идентификации и ориентации существуют не изолированно; вместе они составляют структурную основу пространственной картины мира. В языке глаголы «потерять себя» (отсутствие идентификации) и «потеряться» (отсутствие ориентации) также звучат синонимически.

Взаимодействие идентификации и ориентации можно проследить на примере описания Кристианом Норбергом-Шульцем Карлова моста, перекинутого через реку Влтаву и соединяющего районы Старое Место и Малая Страна в Праге (рис. 3.23).

In the 2001 Hollywood movie Kate & Leo, the main characters jump from New York's Brooklyn Bridge, using it as a portal to travel from the past to the future and back.

Thus, despite the fact that the bridge itself is a concentrated expression of the path, its especially vivid and richly interpretive meaning lies precisely in crossing the border, giving the bridge the meaning of a threshold. Both symbolic places and real territories can be demarcated, both essentially equal spaces, and having the opposite sacred status.

The characteristics of identification and orientation do not exist in isolation, together they form the structural basis of the spatial picture of the world. In the language, the verbs “lose yourself” (lack of identification) and “get lost” (lack of orientation) also sound synonymous.

The interaction of identification and orientation can be traced in the example of Christian Norberg-Schulz's description of the Charles Bridge, thrown over the Vltava River and connecting the Stare Mesto and Mala Strana districts in Prague (fig. 3.23).

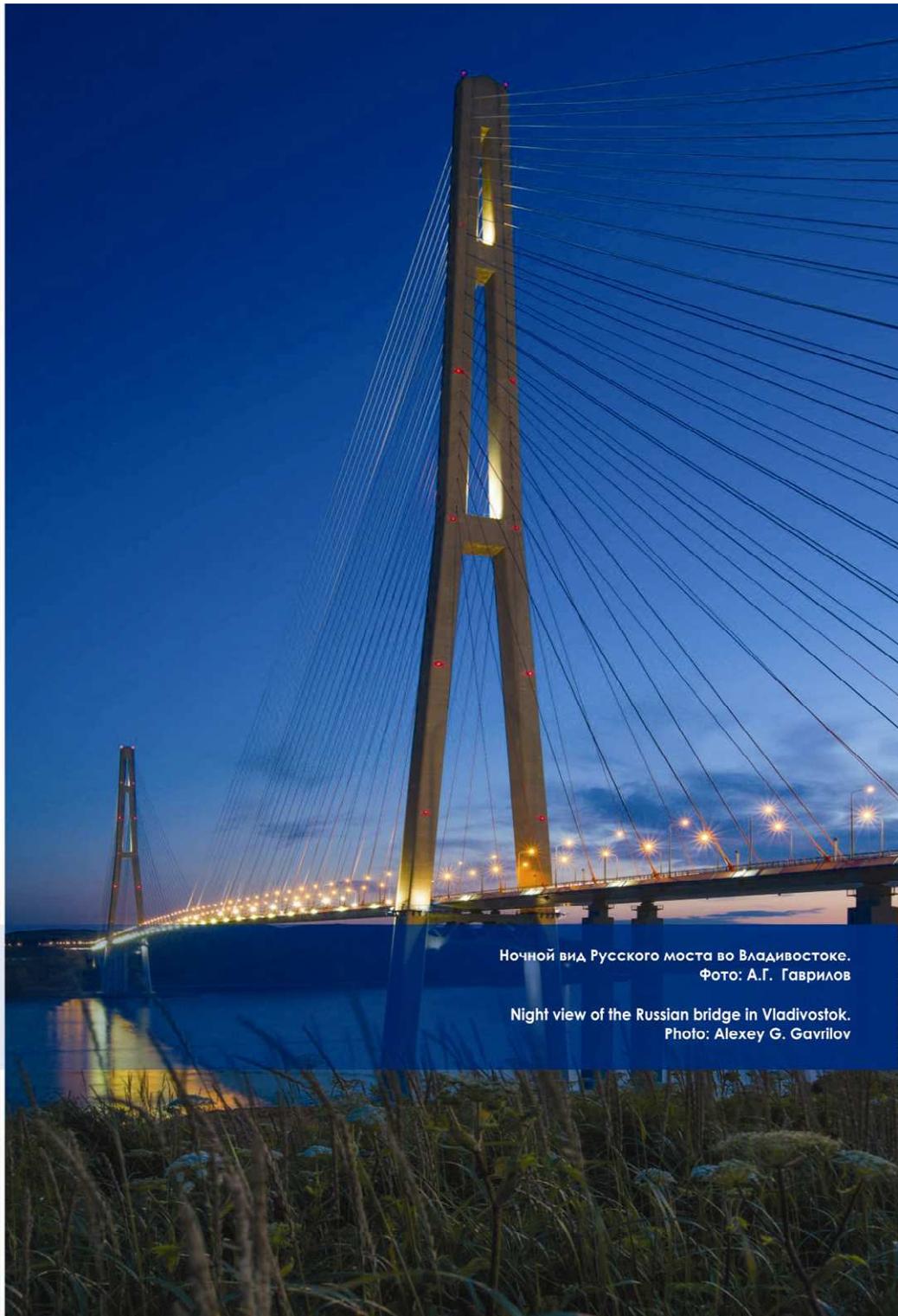
«Две основные части Праги – Старый город на равнине в излучине реки и Малый город с замком и горой на другой стороне – связаны Карловым мостом. В Праге действительно «мост собирает землю как ландшафт вокруг потока», но он также собирает и то, что человек внёс в это место: городской пейзаж уникального качества. Таким образом, ландшафт и городской пейзаж объединяются... С моста целое переживается как «среда» в полном смысле этого слова; мост составляет самый центр этого мира, который, очевидно, собирает в себе так много значений» [49, с. 82].

“The two main parts of Prague, the Old Town down on the flat land within the curve of the river, and Small Town and castle hill on the other side, are linked by the Charles Bridge. In Prague indeed ‘the bridge gathers the earth as landscape around the stream’, but it also gathers what man has contributed to the place, as a townscape of unique quality. Landscape and townscape are thus unified... From the bridge the whole is experienced as an ‘environment’ in the full sense of the word; the bridge constitutes the very centre of this world, which evidently gathers so many meanings” [49, p. 82].

Рис. 3.23. Карлов мост в Праге, Чехия.
Источник: <https://praga-life.info/478-karlov-most-v-prage-istoriya/>

Fig. 3.23. Charles Bridge in Prague, Czech Republic. Source: <https://praga-life.info/478-karlov-most-v-prage-istoriya/>

Ночной вид Русского моста во Владивостоке.
Фото: А.Г. Гаврилов

Night view of the Russian bridge in Vladivostok.
Photo: Alexey G. Gavrilov

3.4. Результаты изучения пространственного архетипа моста

Взаимосвязь человека и места в пространственной концепции бытия осуществляется в двух направлениях: человеческой идентификации (отождествления с местом) и пространственной ориентации, способной доставить чувство удовлетворённости, наполненности повседневного опыта экзистенциальными значениями.

Наряду с системой высотных доминант и городскими площадями, мосты играют ведущие роли в пространственной ориентации, являющейся функцией отчётливости образа города, элементами которого, по терминологии К. Линча, являются пути, границы, узлы, ориентиры, районы.

Мост концентрирует в себе значение «пути»; он соединяет не только в территориальном отношении, но и в смысловом. Не являясь «границей» как таковой, в понимании К. Линча, мост обнаряживает свою сущность в качестве порогового пространства, значимой точки на границе, как между реальными территориями, так и между символическими пространствами. Одно из определяющих значений моста – роль «узла», перекрёстка дорог, как в буквальном, так и в символическом смысле.

3.4. Results of the study of the spatial archetype of the bridge

The relationship between a person and a place in the spatial concept of being is carried out in two directions: human identification (identification with a place) and spatial orientation, capable of delivering a sense of satisfaction, the filling of everyday experience with existential meanings.

Along with the system of high-rise dominants and city squares, bridges play a leading role in spatial orientation, which is a function of the distinctness of the image of the city, the elements of which, according to the terminology of K. Lynch, are paths, boundaries, nodes, landmarks, districts.

The bridge concentrates the meaning of “path”, it connects not only in territorial terms, but also in semantic terms. Not being a “border” as such in the understanding of K. Lynch, the bridge reveals its essence as a threshold space, a significant point on the border, both between real territories and between symbolic spaces. One of the defining meanings of the bridge is role as a “junction”, a crossroads, both in a literal and symbolic sense.

Кроме того, мосты успешно играют роль «ориентиров» – главных и выразительных элементов образа города. Мост является также центром притяжения, «узлом» какого-либо района, редко представляя собой район в целом.

Роль мостов при освоении человеком природного и урбанизированного ландшафта, в раскрытии качества места в пространстве, его собирании и структурировании чрезвычайно важна. Проведённый этимологический анализ глагола «мостить» (в смысле «делать и устроить») подтверждает сущность моста как «устройства», то есть приспособления, освоения места, его идентификации с внутренним миром человека.

Исключительно важная роль мостов в собирании места и возникновении городов закреплена в топонимике. Укоренённость феномена моста в культуре подтверждается также наличием в языке образно-переносных выражений – метафор в описаниях человеческих отношений.

Мосты как одни из наиболее выдающихся элементов – «фигур» на менее структурированном «фоне», по терминологии гештальт-психологии, служат объектами психологической идентификации. Они играют исключительную роль при освоении ландшафта человеком, раскрывая качество места в пространстве, собирая и структурируя его.

In addition, bridges successfully play the role of “landmarks” – the main and expressive elements of the image of the city. The bridge is also the center of attraction, the “node” of any area, rarely representing the district as a whole.

The role of bridges in the development of a natural and urbanized landscape by a person, in revealing the quality of a place in space, its collection and structuring is extremely important. The etymological analysis of the Russian verb “mostit” (‘to pave’ in the sense of “to make and arrange”) confirms the essence of the bridge as a “disposition”, that is, adaptation, development of a place, its identification with the inner world of a person.

The exceptionally important role of bridges in gathering places and the emergence of cities is enshrined in toponymy. The rootedness of the bridge phenomenon in culture is also confirmed by the presence in the language of figurative and figurative expressions – metaphors in descriptions of human relations.

Bridges, as one of the most prominent elements, “figures” on a less structured “background”, in the terminology of Gestalt psychology, serve as objects of psychological identification. They play an exceptional role in the development of the landscape by man, revealing the quality of the place in space, collecting and structuring it.

Мост часто несёт значение городского символа; постройка знаменательного моста способна придать городу новый статус. Как сильный организующий элемент в структуре ландшафта мост собирает упорядоченность окружающему пространству, в некоторых случаях являясь буквальной точкой отсчёта в городской системе координат.

Характеристики идентификации и ориентации, разделяемые в исследованиях, на самом деле существуют не изолированно, а составляют совместно структурную основу образа города и пространственной картины мира.

В исследовании предпринята попытка совмещения философского, теоретико-архитектурного и лингвистического дискурсов в изучении пространственного архетипа мостов, а также их систематического и детального описания с точки зрения выбранной методологии.

Мосты и площади как элементы образа города работают во взаимосвязи, иногда сочетаются друг с другом в одном объекте, образуя различные функционально насыщенные композиции. Прогулочные мосты дополняются видовыми платформами для обзора окружающих ландшафтов (рис. 3.24).

The bridge often carries the meaning of a city symbol; the construction of a significant bridge can give the city a new status. As a strong organizing element in the structure of the landscape, the bridge gives order to the surrounding space, in some cases being a literal reference point in the urban coordinate system.

The characteristics of identification and orientation, shared in the research, in fact, do not exist in isolation, but form a jointly structural basis for the image of the city and the spatial picture of the world.

The study attempts to combine philosophical, theoretical-architectural and linguistic discourses in the study of the spatial archetype of bridges, as well as their systematic and detailed description in terms of the chosen methodology.

Bridges and squares as elements of the city's image work in interconnection, sometimes combined with each other in one object, forming various functionally rich compositions. Pleasure bridges are complemented by viewing platforms for viewing the surrounding landscapes (fig. 3.24).

Рис. 3.24. Небесный мост Лангкави, Малайзия. Источник: <https://phototravelguide.ru/nebesnyj-most-langkavi/>

Fig. 3.24. Langkawi Sky Bridge, Malaysia. Source: <https://phototravelguide.ru/nebesnyj-most-langkavi/>

На широких городских мостах устраиваются торговые ряды, превращая пространство в ярмарочную площадь (рис. 3.25); есть мосты, изначально построенные в форме крытых торговых пассажей (рис. 3.26). Иногда пространство моста настолько широко, что само по себе становится площадью (рис. 3.27). Транспортная магистраль при закрытии автомобильного движения на время праздника способна превратиться в оживлённое пространство коммуникации горожан и гостей города (рис. 3.28).

Мосты и лестницы. Наклонные и ступенчатые пешеходные поверхности, включаемые в структуру мостов, не только способствуют обогащению композиции, но и усиливают значение моста как пути-перехода.

Trade rows are arranged on wide city bridges, turning the space into a fairground (fig. 3.25), and there are bridges that were originally built in the form of covered shopping arcades (fig. 3.26). Sometimes the space of the bridge is so wide that it becomes an area in itself (fig. 3.27). The transport highway, when the automobile traffic is closed for the duration of the holiday, can turn into a lively space for communication between citizens and guests of the city (fig. 3.28).

Bridges and stairs. Inclined and stepped pedestrian surfaces included in the structure of bridges contribute not only to the enrichment of the composition, but also enhance the significance of the bridge as a way-transition.

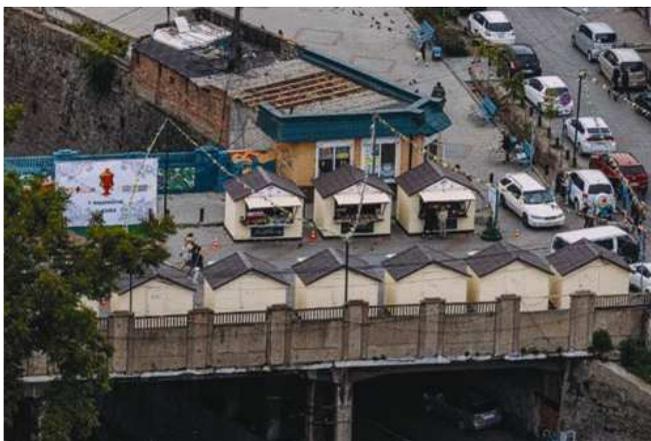

Рис. 3.25. Мост-виадук
по ул. Адмирала Фокина
во Владивостоке. Источник:
[https://primamediamts.servicecdn.
ru/f/big/3001/3000682.jpg?07f9a3
f08c362be1a76d7b5aee30ef0a](https://primamediamts.servicecdn.ru/f/big/3001/3000682.jpg?07f9a3f08c362be1a76d7b5aee30ef0a)

Fig. 3.25. Bridge-viaduct on the
street named after Admiral Fokin in
Vladivostok. Source:
[https://primamediamts.servicecdn.
/f/big/3001/3000682.jpg?07f9a3f08c3
62be1a76d7b5aee30ef0a](https://primamediamts.servicecdn.ru/f/big/3001/3000682.jpg?07f9a3f08c362be1a76d7b5aee30ef0a)

Рис. 3.26. Интерьер моста Веккьо
во Флоренции, Италия.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 3.26. Interior of the
Vecchio Bridge in Florence, Italy.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Рис. 3.27. Синий мост в Санкт-Петербурге.
Фото: Г.Г. Игнатова

Fig. 3.27. Blue bridge in St. Petersburg.
Photo: Galina G. Ignatova

Рис. 3.28. Праздничное шествие на Золотом мосту во Владивостоке.
Фото: А.Г. Гаврилов

Fig. 3.28. Festive procession on the Golden Bridge in Vladivostok.
Photo: Alexey G. Gavrilo

4. ЛЕСТНИЦЫ

как пространственный архетип
и элементы образа города

4. STAIRS

as a spatial archetype and
elements of the image of the city

Лестница на сопку Бурачка в г. Владивостоке.
Фото: О.В. Масловская

Staircase to Burachka Hill in Vladivostok.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

4.1. Форма, функция и роль лестниц в городской среде

Если высотные здания, башни, пилоны мостов – это городские вертикали, мосты – горизонталы, а площади – плоскостные элементы, то лестницы в формально-образной структуре города – это диагонали.

В зависимости от соотношения ширины марша и преодолеваемой высоты лестницу в образе города можно представить как диагональную линию или как диагональную плоскость. Узкие и длинные лестницы – связующие диагонали (рис. 4.1), зигзаги, серпантины (рис. 4.2), иногда сплетающиеся в целые лабиринты.

Лестницы, чья ширина соотносима с высотой подъёма, приобретают свойства наклонной (ступенчатой) площади (рис. 4.3). Такие лестницы часто дополняются местами для сидения в виде амфитеатров – тоже ступенчатых элементов, но большего размера (рис. 4.4).

Умберто Эко приводит пример лестницы, когда пишет о различении коммуникации и стимуляции в архитектуре: «Несомненно, какая-нибудь лестница воздействует на меня как обязывающий стимул... Лестница стимулирует подъём даже в том случае, когда, не видя в темноте первой ступеньки, я спотыкаюсь об неё» [18, с. 207].

4.1. Form, function and role of stairs in the urban environment

If high-rise buildings and towers are urban verticals, bridges are horizontals, and squares are planar elements, then stairs in the formal-shaped structure of the city are diagonals.

Depending on the ratio of the width of the march and the height to be overcome, the stairs in the image of the city can be represented as a diagonal line or as a diagonal plane. Narrow and long stairs – connecting diagonals, zigzags (fig. 4.1), serpentes (fig. 4.2), sometimes intertwining into whole labyrinths.

Stairs, whose width is correlated with the height of the rise, acquire the properties of an inclined (stepped) area (fig. 4.3). Such stairs are often complemented by seating in the form of amphitheaters – also stepped elements, but larger (fig. 4.4).

Umberto Eco gives the example of a staircase when he writes about the distinction between communication and stimulation in architecture: “Undoubtedly a stair acts on me as a compelling stimulus: the stair stimulates me to go up, even when, stumbling over the first step in the dark, I cannot see it” [31, p. 15].

Рис. 4.1. Лестница в комплексе
Мамаева кургана, г. Волгоград.
Фото: А.Г. Гаврилов

Fig. 4.1. Staircase in the Mamaev
Kurgan complex, Volgograd.
Photo: Alexey G. Gavrilo

Рис. 4.2. Чкаловская лестница
в Нижнем Новгороде.
Фото: А.Г. Гаврилов

Fig. 4.2. Chkalov Stairs
in Nizhny Novgorod.
Photo: Alexey G. Gavrilo

Рис. 4.3. Лестница перед зданием
драмтеатра им. М. Горького
во Владивостоке.
Фото: А.Г. Гаврилов

Fig. 4.3. Staircase in front of
the Gorky Drama Theater
in Vladivostok.
Photo: Alexey G. Gavrilov

Рис. 4.4. Лестница и амфитеатр
в парке Зарядье, Москва.
Фото: А.Г. Гаврилов

Fig. 4.4. Staircase and amphitheater
in Zaryadye park, Moscow.
Photo: Alexey G. Gavrilov

У. Эко подчёркивает конвенциональность кода лестницы: «С другой стороны, следует не упускать из виду две вещи: во-первых, чтобы подняться по лестнице, я должен заранее знать, что такое лестница. Ходить по лестнице *учатся* и, стало быть, учатся реагировать на стимул, иначе стимул ничего бы не стимулировал. И, во-вторых, только усвоив, что лестница понуждает меня подниматься (переходить с одного горизонтального уровня на другой), я признаю возможность такого её использования и числю за ней соответствующую функцию» [18, с. 207].

Сначала человек учится использовать лестницу как архитектурный элемент, а потом считать характеристики подобных объектов: «С того момента, как я признаю в лестнице лестницу и прописываю ее по ведомству “лестниц”, всякая встреченная лестница мне сообщает о своей функции и делает это с такой степенью подробности, что по типу лестницы (мраморная, винтовая, крутая, пожарная) я понимаю, легко или трудно будет по ней подниматься» [18, с. 207].

В итоге Умберто Эко приходит к выводу о том, что возможности, предоставляемые архитектурой (в случае с лестницей – возможности подъёма или спуска), суть не только функции, но соответствующие значения, располагающие к определённому поведению.

U. Eco emphasizes the conventionality of the staircase code: “There are, on the other hand, two factors that can not be left out of account here, concerning the fact that in all probability I would be going up the stair on the basis of knowing that that is what a stair is for. First, in going up such a structure at some time in the past, I learn to go up, and thus I learn to respond to the stimulus; otherwise, the stimulus alone might well fail to produce the expected response. Second, once I have learned that the stair stimulates me to go up (and permits me to pass from one level to another), from that moment on I recognize in a stair the stimulus presented and the possibility that is offered of fulfillment of function” [31, p. 15].

First, a person learns to use the stairs as an architectural element, and then read the characteristics of such objects: “So from the moment I recognize it as a stair and subsume it under the general concept of ‘stair’, the individual stairway communicate to me the function it permits; and it communicates this to such an extent that from the type of stair (grand marble staircase, winding stairway, steep and narrow stair, moving staircase) I see, perhaps first of all, whether it would be relatively easy to go up or an effort” [31, p. 15].

As a result, Umberto Eco comes to the conclusion that the possibilities provided by architecture (in the case of stairs, the possibilities of ascent or descent) are not only functions, but the corresponding meanings that dispose to certain conduct.

Размышляя о природе знаков в архитектуре, Умберто Эко разделяет означающее (лестницу как форму) и означаемое (денотационное значение лестницы как возможности подъёма).

То, что лестница, «обладая известными формальными характеристиками, делающими её ... означающим, ... сообщает, как надлежит ею пользоваться, это факт культуры, который я могу зафиксировать независимо от моего поведения и моих намерений. Иными словами, в той культурной ситуации, в которой мы живем, ... предполагается существование некоей структуры, описываемой так параллелепипеды, наложенные друг на друга таким образом, что их основания не совпадают, при этом их смещение в одном и том же направлении образует ряд поверхностей, последовательно уходящих вверх.

Эта структура денотирует означаемое «лестница как возможность подъёма» на основе кода, который я вырабатываю и удостоверяю всякий раз, когда вижу лестницу, хотя бы в этот миг по лестнице никто не шёл и предположительно вообще никто никогда не ходил, как если бы человечество вообще перестало пользоваться лестницами» [18, с. 211].

Reflecting on the nature of signs in architecture, Umberto Eco separates the signifier (the staircase as a form) and the signified (the denotational meaning of the staircase as the possibility of climbing).

The fact that the staircase “occurring with certain formal characteristics that determine its nature as a *sign vehicle*, the object communicates to me its possible function – this is a datum of culture, and can be established independently of apparent behavior, and even of a presumed mental reaction, on my part. In other words, in the cultural context in which we live there exists an architectural form that might be defined as ‘an inclined progression of rigid horizontal surfaces upward’ ...

And such a form denotes the meaning ‘stair as possibility of going up’ on the basis of a code that I can work out and recognize as operative even if, in fact, no one is going up that stair at present and even though, in theory, no one might ever go up it again (even if stairs are never used again by anyone)” [31, p. 18, 19].

Лестницы, предусматривающие различный характер подъёма (означаемое), различны и по форме (означающему). Есть лестницы сугобо утилитарные, деловые, есть парадные, прогулочные, просто символические, не предназначенные для ходьбы. Лестницы возводятся в соответствующих контекстах, разнятся по габаритам, форме (в том числе уклону и степени геометричности), материалам. На кампусе Дальневосточного федерального университета можно встретить несколько типов лестниц с разными уклонами, шириной и высотой подъёма, очертаниями в плане, характером ограждений: от их отсутствия до глухих массивных стен (рис. 4.5).

Кроме денотационного значения лестницы – возможности подъёма, она обладает и коннотациями, варьирующимися в зависимости от контекста и культурных интерпретаций. В концептуальном смысле лестница означает вознесение, прогресс и трансформацию; она представляет собой вертикальное путешествие, символизирующее переход с одного уровня на другой, физически или метафорически. Во многих системах верований лестницы представляют собой путь к просветлению, божественным сферам или высшему сознанию. Например, история о Лестнице Иакова в иудео-христианской традиции изображает лестницу как связующее звено между небом и землей, подчеркивая связь между смертными существами и божественным.

Stairs, which provide for a different nature of the ascent (signified), are also different in form (signifier). There are stairs that are purely utilitarian, business, there are front, walking, just symbolic, not intended for walking. Stairs are erected in the appropriate contexts, differ in size, shape (including the slope and degree of geometricity), and materials. On the campus of the Far Eastern Federal University, you can find several types of stairs with different slopes, widths and heights, outlines in plan, and the nature of the fences: from their absence to blank massive walls (fig. 4.5).

In addition to the denotational meaning of a stair as a means of climbing, it also has connotations that vary depending on context and cultural interpretations. Conceptually, the stair signifies ascension, progress and transformation, it is a vertical journey symbolizing the passage from one level to another, physically or metaphorically. In many belief systems they represent a path to enlightenment, the divine realms, or higher consciousness. For example, the story of Jacob's Ladder in the Judeo-Christian tradition portrays the ladder as a link between heaven and earth, emphasizing the connection between mortal beings and the divine.

а (a)

б (b)

в (c)

г (d)

Рис. 4.5. Лестницы на кампусе ДВФУ во Владивостоке: а – ритмичная открытая парадная; б – крутая утилитарная в глухих стенах; в – открытая пологая прогулочная; г – пересечённая прогулочная с неравномерным уклоном.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 4.5. Staircases on the FEFU campus in Vladivostok: a – rhythmic open front staircase; b – steep utilitarian staircase in blank walls; c – open gentle walking staircase; d – uneven staircase with different slopes.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Лестница может символизировать личностный рост и достижения. Подъём по лестнице предполагает настойчивость в преодолении трудностей, амбиции, стремление к успеху или самореализации. Спуск по лестнице может означать самоанализ, размышление, исследование внутреннего мира или впадение в отчаяние, в зависимости от передаваемого контекста.

Лестницы могут передавать социальную иерархию или структуру власти. Во дворцах, замках или правительственных зданиях парадные лестницы символизируют власть, престиж, элитарность, служат физическими проявлениями социального порядка, подчеркивая различия между различными классами или рангами.

Величественные, элегантные, изысканные или, наоборот, заброшенные и урюмые лестницы используются в качестве драматических элементов в кино, литературе и искусстве для создания ощущения напряжения, изображения ключевых моментов сюжета или кульминационных сцен.

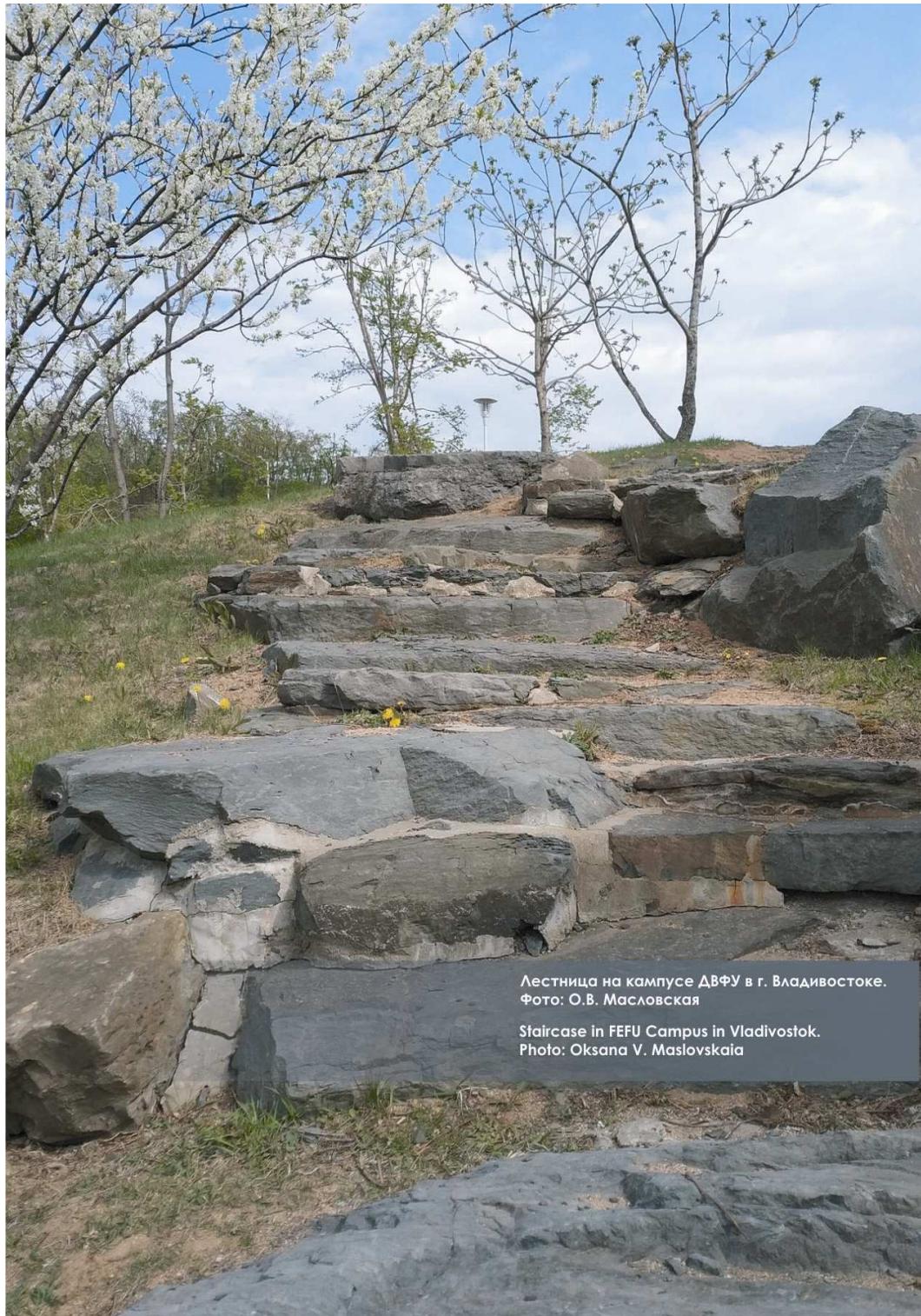
Таким образом, лестница имеет богатые культурные интерпретации и значения, символизирующие вознесение, прогресс, личностный рост, духовное просветление, социальную иерархию и многое другое. Концептуальные и символические значения лестниц различаются в разных культурах, но в совокупности они представляют собой возвышение, трансформацию и стремление к более высоким состояниям бытия.

Stairs can symbolize personal growth and achievement. Climbing the stairs implies perseverance in overcoming difficulties, ambition, the desire for success or self-realization. Descending the stairs can mean introspection, reflection, exploration of the inner world, or despair, depending on the context conveyed.

Stairs can convey social hierarchy or power structure. In palaces, castles or government buildings, grand staircases symbolize power, prestige, elitism, and serve as physical manifestations of the social order, highlighting the differences between different classes or ranks.

Majestic, elegant, sophisticated or, conversely, desolate and moody, they are used as dramatic elements in film, literature and art to create a sense of tension, depict key plot points or climactic scenes.

Thus, the staircase has rich cultural interpretations and meanings, symbolizing ascension, progress, personal growth, spiritual enlightenment, social hierarchy and much more. Their conceptual and symbolic meanings vary across cultures, but collectively they represent elevation, transformation, and the desire for higher states of being.

Лестница на кампусе ДВФУ в г. Владивостоке.
Фото: О.В. Масловская

Staircase in FEFU Campus in Vladivostok.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

4.2. Лестница как объект идентификации

Некоторые лестницы являются настолько выдающимися элементами образа города, что приобретают качества городской эмблемы. Образ города Рима во многом сформирован такими элементами, как Испанская лестница, Капитолийская лестница и находящаяся по соседству лестница, ведущая к базилике Санта-Мария (лестница Арачели) (рис 4.6, 4.7). С Парижем ассоциируются лестницы на холме Монмартр и в основании арки Дефанс (рис 4.8, 4.9).

Потёмкинская лестница, одна из достопримечательностей Одессы, построена в 1841 году по проекту архитектора Ф.К. Боффо с расширением вниз, из-за чего сверху выглядит не имеющей перспективного сокращения, а снизу кажется стремительно сужающейся. Тот же самый приём был в 1823 году применён Боффо в Каменной (Депальдовой) лестнице в Таганроге, также являющейся узнаваемым символом города-курорта. Обе эти лестницы связывают прибрежные территории с центральными частями городов, расположенными на более высоких отметках рельефа (рис. 4.10, 4.11).

4.2. Staircase as an object of identification

Some stairs are such outstanding elements of the image of the city that they acquire the qualities of a city emblem. The image of the city of Rome is largely shaped by such elements as the Spanish Steps, the Capitoline Steps and the nearby staircase leading to the Basilica of Santa Maria (Ara Cheli Stairs) (fig. 4.6, 4.7). Stairs on the Montmartre hill and the stepped base of La Arche de la Defense are associated with Paris (fig. 4.8, 4.9).

The Potemkin Stairs, one of the landmarks of Odessa, was built in 1841 according to the design of the architect F.K. Boffo, the staircase expands downward, which is why it looks like it does not have a perspective reduction from above, and from below it seems to be rapidly narrowing. The same technique was used in 1823 by Boffo in the Stone (Depaldova) staircase in Taganrog, which is also a recognizable symbol of the resort city. Both of these stairs connect coastal areas with the central parts of cities located at higher elevations (fig. 4.10, 4.11).

Рис. 4.6. Испанская лестница
в Риме, Италия.
Фото: FaceMePLS

Fig. 4.6. Spanish Steps in Rome,
Italy.
Photo: FaceMePLS

Рис. 4.7. Лестница Санта-Мария-
ин-Арачели и Капитолийская
лестница в Риме, Италия.
Фото: Arpingstone

Fig. 4.7. Stairs of Santa Maria
in Aracoeli and Capitoline Stairs
in Rome, Italy.
Photo: Arpingstone

Рис. 4.8. Улица Фуайасье
в Париже, Франция.
Фото: [https://mapio.net/pic/
p-46042853/](https://mapio.net/pic/p-46042853/)

Fig. 4.8. Rue Foyatier in Paris,
France.
Photo: [https://mapio.net/pic/
/p-46042853/](https://mapio.net/pic/p-46042853/)

Рис. 4.9. Лестница в основании
Большой арки Дефанс в Париже,
Франция.
Фото: Г.Е. Игнатов

Fig. 4.9. Stairs at the base
of the Great Arch of Defense
in Paris, France.
Photo: Grigori E. Ignatov

Рис. 4.10. Каменная
(Депальдовская) лестница
в Таганроге.

Источник:

<https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=8637602>.

Фото: ISasha

Fig. 4.10. Stone (Depaldovskaya)
stairs in Taganrog.

Source:

<https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=8637602>.

Photo: ISasha

Рис. 4.11. Потёмкинская
лестница в Одессе, Украина.

Источник:

<https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=123954898>.

Фото: O. Malyon

Fig. 4.11. Potemkin Stairs in
Odessa, Ukraine.

Source:

<https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=123954898>.

Photo: Oleksandr Malyon

Для города Владивостока, расположенного на сложно расчленённом рельефе, проблема лестниц актуальна на протяжении всей его истории. Организованные спуски устраиваются начиная с 1910-х годов при застройке Китайской (Океанский проспект), Суйфунской (Уборевича), Миссионерской (Лазо), Алеутской, Корейской (Пограничная) улиц [15, с. 61].

Благоустройство спонтанно возникшей пешеходной тропы между районом Голубиная падь и центром города было инициировано жителями в дореволюционное время [15, с. 61], а в 1960-е годы здесь построен фуникулёр. Множество менее протяжённых, но значительных лестниц связывают улицы, расположенные на разных отметках рельефа. Среди них выделяется многомаршевая гранитная лестница, ведущая к дому Юлиуса Бринера со стороны ул. Алеутской (рис. 4.12, 4.13).

Ступенчатые стилобаты, широкие лестницы перед крупными общественными зданиями подчеркивают их значительность, придают им монументальность и торжественность (рис. 4.14, 4.15).

For the city of Vladivostok, located on a complexly dissected terrain, the problem of stairs has been relevant throughout its history. Organized descents have been arranged since the 1910s during the construction of Kitaiskaya (Oceansky Prospekt), Suifunskaya (Ubovovich), Missionerskaya (Lazo), Aleutskaya, Korean (Borderline) streets [15, p. 61].

Improvement of the spontaneously arisen pedestrian path between the Golubinaya Pad area and the city center was initiated by residents in pre-revolutionary times [15, p. 61], and in the 1960s a funicular was built here. A lot of less extended, but significant staircases connect the streets located at different elevations. Among them, there is a multi-flight granite staircase leading to house of Julius Briner from the street. Aleutian (fig. 4.12, 4.13).

Stepped stylobates, wide staircases in front of large public buildings emphasize their significance, give them monumentality and solemnity (fig. 4.14, 4.15).

Рис. 4.12. Лестница к дому
Бринера во Владивостоке.
Источник: [https://care-less-angel.
livejournal.com/84942.html](https://care-less-angel.livejournal.com/84942.html)

Fig. 4.12. Staircase to Briner's
house in Vladivostok.
Source: [https://care-less-angel.
livejournal.com/84942.html](https://care-less-angel.livejournal.com/84942.html)

Рис. 4.13. Лестница вдоль
фуникулёра во Владивостоке.
Источник: [https://www.geo360.ru/
vladivostok/funikuler-vo-
vladivostoke/](https://www.geo360.ru/vladivostok/funikuler-vo-vladivostoke/)

Fig. 4.13. Stairs along the funicular
in Vladivostok.
Source: [https://www.geo360.ru/-
vladivostok/funikuler-vo-
vladivostoke/](https://www.geo360.ru/vladivostok/funikuler-vo-vladivostoke/)

Рис. 4.14. Площадь перед базиликой Санта-Мария-Маджоре в Риме, Италия.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 4.14. Square in front of the Basilica of Santa Maria Maggiore in Rome, Italy.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Рис. 4.15. Входная лестница в национальный музей естественной истории в Париже, Франция.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 4.15. Entrance staircase to the National Museum of Natural History in Paris, France.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Утилитарная функция лестниц состоит в обеспечении пешеходной связи между районами или улицами на разных отметках рельефа, доступности - различных зданий и мест, возможности динамического обзора и исследования городской среды.

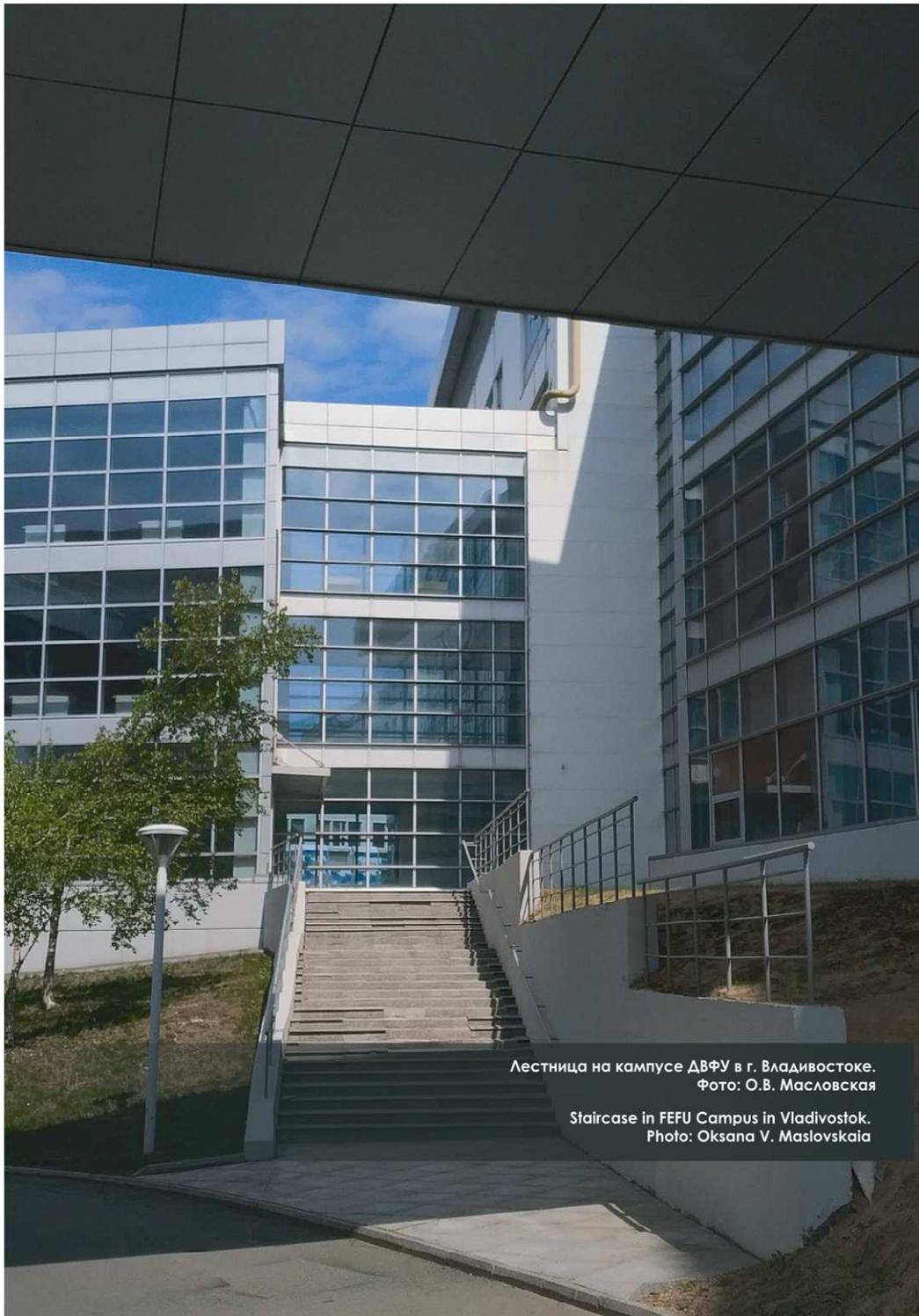
Лестницам свойственно также и социальное значение как места сбора, встреч, взаимодействия и сближения людей. В культурном отношении лестницы могут быть историческими объектами и знаковыми местами, известными туристическими достопримечательностями и популярными местами для фотографирования.

Феноменологически идентификационное значение лестниц определяется их способностью влиять на поведение людей, вызывать у них определенные ассоциации, эмоции и ощущения. Такие качества лестниц, как уникальный дизайн, символическое значение, историческая или культурная значимость, контекстуальная интеграция в окружающую среду, позволяют им стать узнаваемыми и запоминающимися символами, формирующими восприятие и представление о районе и городе в целом.

The utilitarian function of stairs is to provide pedestrian communication between areas or streets at different elevations, accessibility to various buildings and places, the possibility of a dynamic overview and exploration of the urban environment.

Stairs also have a social meaning as a place of gathering, meeting, interacting and bringing people together. Culturally, stairs can be historical sites and iconic sites, famous tourist attractions and popular photography spots.

The phenomenological and identification significance of stairs is determined by their ability to influence people's behavior, to evoke in them certain associations, emotions and sensations. The qualities of stairs such as unique design, symbolic meaning, historical or cultural significance, and contextual integration into the environment allow them to become recognizable and memorable symbols that shape the perception and understanding of the area and the city as a whole.

Лестница на кампусе ДВФУ в г. Владивостоке.
Фото: О.В. Масловская

Staircase in FEFU Campus in Vladivostok.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

4.3. Роль лестниц в ориентации на местности

Лестница как ориентир.

Горизонтальные и ступенчатые элементы лестницы – марши и площадки – опознаются как фигуры, выделяющиеся в образе окружения, и поэтому могут стать ориентирами сами по себе, но только с нижних точек обозрения. При взгляде сверху с холма, террасы или крыши лестница без ограждений становится невидимой, наличие даже самых простых лееров уже несколько исправляет ситуацию.

Парадные или парковые лестницы с выраженной эстетической функцией дополняются вертикальными элементами, такими как вазоны, скульптуры, колонны, арки, аркады (рис. 4.16–4.19), что выявляет расположение лестниц в пространстве и подчёркивает их отличный характер.

Лестница как путь и пересечение путей – узел. Основное значение лестницы как элемента образа города – это путь. Ступенчатые структуры связывают разные уровни ландшафта, этажи внутри зданий, здания и ландшафт между собой; пересечения путей получают качества узлов. Смысл лестниц как путей и узлов – это их функциональное значение (денотат). Кроме того, особенности организации лестниц несут дополнительные значения (коннотации).

4.3. The role of stairs in orientation on the ground

Staircase as a landmark.

The horizontal and stepped elements of the stairs – flights and landings – are recognized as figures that stand out in the image of the environment, and therefore can become landmarks in themselves, but only from lower points of view. When viewed from above from a hill, terrace or roof, a staircase without railings becomes invisible, the presence of even the simplest hand.

Front or park stairs with a pronounced aesthetic function are complemented by vertical elements, such as flowerpots, sculptures, columns, arches, arcades (fig. 4.16–4.19), which reveals the location of stairs in space and emphasizes their distinctive character.

Staircase as a path and intersection of paths – a node. The main meaning of the stairs as an element of the image of the city is the path. Stepped structures connect different levels of the landscape, floors inside buildings, buildings and landscape among themselves, intersections of paths receive the quality of nodes. The meaning of stairs as paths and nodes is their functional meaning (denotation). Also, the features of the organization of stairs carry additional meanings (connotations).

Рис. 4.16. Лестница в саду Родена в Париже, Франция.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 4.16. Staircase in the garden of Rodin in Paris, France.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Рис. 4.17. Парадная лестница Камероновой галереи в Пушкине.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 4.17. The main staircase of the Cameron Gallery in Pushkin.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Рис. 4.18. Каскадная лестница
в Кисловодске. Источник:
[https://yandex.ru/maps/org/
kaskadnaya_lestnitsa/
121632910266/gallery/](https://yandex.ru/maps/org/kaskadnaya_lestnitsa/121632910266/gallery/).
Фото: Basilico

Fig. 4.18. Cascading staircase in
Kislovodsk. Source:
[https://yandex.ru/maps/org/
kaskadnaya_lestnitsa/
121632910266/gallery/](https://yandex.ru/maps/org/kaskadnaya_lestnitsa/121632910266/gallery/).
Photo: Basilico

Рис. 4.19. Николаевские
триумфальные ворота во Владивостоке.
Фото: Г.Г. Игнатова

Fig. 4.19. Nicholas triumphal gates
in Vladivostok.
Photo: Galina G. Ignatova

К. Александер считал, что не только нижние, но и верхние этажи как жилых, так и общественных зданий должны иметь непосредственную связь с улицей, что может быть обеспечено устройством наружных лестниц. Исследователь считал, что «Внутренние лестницы ограничивают связи между верхними этажами и уличной жизнью до такой степени, что это может нанести огромный социальный вред» [1, с. 713].

«В традиционной культуре, когда дома строятся с постепенным приращением, наружные лестницы, ведущие на верхние этажи, – обычное явление... В противоположность этому в индустриальном авторитарном обществе большинство лестниц находятся внутри зданий... Это фундаментальное различие между свободным анархическим обществом, в котором существует свободный обмен идеями между равноправными членами общества, и чрезвычайно централизованным авторитарным обществом, в котором большинство людей подчиняются центральному правительству и различным организациям» [1, с. 714].

Во французском городе Бесансон есть реальные примеры наружных многомаршевых междуэтажных лестниц под навесами (рис. 4.20), напоминающих одновременно и идею К. Александера, и чертежи лестниц из трактата Андреа Палладио.

K. Alexander believed that not only the lower, but also the upper floors of both residential and public buildings should have a direct connection with the street, which can be provided by the installation of external stairs. The researcher believed that “Internal staircases reduce the connection between upper stories and the life of the street to such an extent that they can do enormous social damage” [21, p. 741].

“In a traditional culture where buildings are built incrementally, outdoor stairs leading to upper stories are common...

By contrast, in industrialized, authoritarian societies most stairs are indoor stairs...

It is fundamental to the difference between a free anarchical society, in which there is a voluntary exchange of ideas between equals, and a highly centralized authoritarian society, in which most individuals are subservient to large government and business organizations” [21, p. 741, 742].

In the French city of Besancon, there are real examples of outdoor multi-flight stairs between stories under canopies (fig. 4.20), reminiscent of both the idea of C. Alexander and the drawings of stairs from the treatise of Andrea Palladio.

Разнообразие возможных формальных воплощений, мифопоэтических смыслов и метафорических прочтений лестниц вдохновляют художников и архитекторов на создание фантастических образов, где лестницы выступают в роли запутанных путей, лабиринтов.

Джованни Баттиста Пиранези в XVIII в. создаёт серию офортов «Воображаемые тюрьмы» с видами монументальных пространств, прорезанных ступенчатыми диагональными плоскостями и вертикалями винтовых лестниц.

Запутанные изворачивающиеся подобно петле А.Ф. Мёбиуса лестницы без начала и конца – главные герои фантастических гравюр Мауриса Корнелиуса Эшера.

В романе Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер» лестницы Хогвартса полны сюрпризов; они соединяют различные этажи замка и могут перемещаться по собственному желанию.

Спорное, но уникальное сооружение, полностью состоящее из переплетающихся лестниц, чья символическая функция затмевает утилитарную, – 16-этажный комплекс «Вессел» (англ. Vessel – судно) в Нью-Йорке на площади Хадсон-ярдс. Архитектор комплекса Томас Хизервик проводит параллели формы Вессела с индийскими ступенчатыми колодцами [23] (рис. 4.21).

The variety of possible formal embodiments, mythopoetic meanings and metaphorical readings of stairs inspire artists and architects to create fantastic images, where stairs act as intricate paths, labyrinths.

Giovanni Battista Piranesi in the 18th century creates a series of etchings “Carceri d’Invenzione” with views of monumental spaces cut through by stepped diagonal planes and verticals of spiral staircases.

Tangled twisting, like a noose A.F. Möbius, stairs without beginning or end are the main heroes of fantastic engravings by Maurits Cornelius Escher.

In J.K. Rowling “Harry Potter” Hogwarts stairs are full of surprises, they connect different floors of the castle and can move at will.

Controversial, but unique structure, consisting entirely of intertwining staircases, whose symbolic function overshadows the utilitarian one – the 16-story Vessel complex on Hudson Yards Square in New York (Eng. Vessel – ship). The architect of the complex, Thomas Heatherwick, draws parallels in the Vessel form with Indian stepwells [23] (fig. 4.21).

Рис. 4.20. Наружная лестница на Гранд Рю, 110 в Безансоне, Франция. Фото: JGS25, Wikimedia Commons

Fig. 4.20. Outdoor staircase at 110 Grand Rue in Besancon, France. Photo: JGS25, Wikimedia Commons

Рис. 4.21. Ступенчатый колодец Чанд-Баори в г. Абанери, Индия. Источник: <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=2761923> Фото: Doron, CC BY-SA 3.0

Fig. 4.21. Chand-Baori step well in Abaneri, India. Source: <https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=2761923>. Photo: Doron, CC BY-SA 3.0

Лестница как граница.

Вертикальный или диагональный путь, прокладываемый с помощью лестниц, чаще связан с преодолением трудностей, постепенным восхождением по вертикали по сравнению с более лёгким горизонтальным путём. Смысл преодоления высоты отражён в мифопоэтической символике различных народов, где лестница является вариантом особо трудного и опасного участка пути или «границы».

В мифопоэтическом пространстве, по определению В.Н. Топорова, путь «полон неопределённостей, незапланированных препятствий, импровизированных угроз, неожиданностей разного рода». Кульминационный момент приходится на границу-переход между «подпространствами», где лестница может выступать вариантом границы [12, с. 263].

Депальдовская лестница в Таганроге во время Крымской войны стала линией обороны города, когда 22 мая 1855 года после артобстрела города английский отряд в сто человек попытался высадиться и подняться вверх. Отряд был остановлен сотней донских казаков, спешившихся и открывших огонь.

Staircase as an edge.

A vertical or diagonal path organized with ladders is more often associated with overcoming difficulties, a gradual vertical ascent compared to an easier horizontal path. The meaning of overcoming the height is reflected in the mythopoetic symbolism of various peoples, where the ladder is a variant of a particularly difficult and dangerous section of the path or “border”.

In the mythopoetic space, according to the definition of V.N. Toporov, the path is “full of uncertainties, unplanned obstacles, impromptu threats, all sorts of surprises”. The culminating moment falls on the border-transition between “subspaces”, where the staircase can act as a variant of the border [12, p. 263].

The Depaldovskaia stairs in Taganrog during the Crimean War became the line of defense of the city, when on May 22, 1855, after shelling the city, an English detachment of one hundred people tried to land and climb up. The detachment was stopped by a hundred Don Cossacks, who dismounted and opened fire.

В фильме «Броненосец Потёмкин» (1925) Приморская (после Великой Отечественной войны за ней закрепилось название Потемкинская) лестница в Одессе становится местом расправы над восставшими и сочувствующими им.

Подобно мосту, тоже пороговому элементу, лестница одновременно и воплощение границы-перехода, и элемент, преодолевающий границы: она связывает разные уровни пространств, естественные или искусственные террасы, вершины гор и башен, стилобаты и этажи зданий. Ступенчатые перепады уровней площади, разграничивая функциональные зоны, одновременно являются и обозначениями границ, и связующими элементами (рис. 4.22, 4.23).

К. Александер предлагает устраивать ступени вдоль границ любых общественных мест, где обычно задерживаются люди: «Когда где-то что-то происходит, людям больше всего хочется оказаться в таком месте, которое находится на некотором возвышении, чтобы была возможность наблюдения, но в то же время это место должно располагаться достаточно низко, чтобы можно было самим принять участие в происходящем» [1, с. 590] (рис. 4.24–4.26).

Широкие и высокие лестницы служат тем же целям, но являются более крупными наклонными элементами площадей (рис. 4.27–4.29).

In the film “Battleship Potemkin” in 1925, the Primorskaya (after the Great Patriotic War, the name Potemkinskaya was assigned to it) stairs in Odessa becomes the place of reprisal against the rebels and their sympathizers.

Like a bridge, also a threshold element, stairs are both the embodiment of a boundary-transition and an element that overcomes boundaries: it connects different levels of spaces, natural or artificial terraces, mountain tops and towers, stylobates and floors of buildings. Stepwise differences in the levels of the area, delimiting functional zones, are both designations of boundaries and connecting elements (fig. 4.22, 4.23).

K. Alexander proposes to arrange steps along the borders of any public places where people usually linger: “Wherever there is action in a place, the spots which are the most inviting, are those high enough to give people a vantage point, and low enough to put them in action” [21, p. 604] (fig. 4.24–4.26).

Wide and high stairs serve the same purposes but are larger sloping elements of the squares (fig. 4.27–4.29).

Рис. 4.22. Спортивная
набережная во Владивостоке.
Фото: А.Г. Гаврилов

Fig. 4.22. Sports embankment
in Vladivostok.
Photo: Alexey G. Gavrilov

Рис. 4.23. Спуск к бассейну Такис
в Париже, Франция.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 4.23. Descent to the Takis
pool in Paris, France.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Отсутствие лестниц, лифтов и пандусов при перепадах высот в городской среде ограничивает передвижение людей, препятствует их спуску или восхождению на разные уровни городского пространства.

Предоставляя людям возможность перемещения по вертикали, лестница в то же время «диктует» правила поведения на ней: задаёт траекторию движения и скорость, накладывает ограничения на количество одновременно находящихся на ней людей. Нарушение правил использования лестниц, например поспешный или неосторожный спуск или подъём, столпотворение и неравномерное движение, может привести к несчастным случаям, а некачественное строительство, обветшалость, наличие воды, снега или льда на поверхностях лестницы – к падениям и травмам.

Лестница представляет собой непреодолимый или тяжело проходимый барьер для имеющих трудности с передвижением маломобильных групп населения (МГН): инвалидов, пожилых людей, родителей с колясками и т.д. Поэтому в современной городской среде всегда должны быть организованы альтернативные подходы к общественно значимым объектам: пандусы и/или лифты.

The absence of stairs, elevators and ramps in the case of height differences in the urban environment limits the movement of people, prevents them from descending or ascending to different levels of the urban space.

Providing people with the opportunity to move vertically, the staircase at the same time “dictates” the rules of behavior on it: it sets the trajectory and speed, imposes restrictions on the number of people on it at the same time. Violation of the rules for using stairs, for example, hasty or careless ascent or descent, crowding and uneven movement, can lead to accidents, and poor construction, dilapidation, the presence of water, snow or ice on the surfaces of the stairs can lead to falls and injuries.

Stairs are an impenetrable or difficult to pass barrier for people with limited mobility who have difficulties with movement: the disabled, the elderly, parents with strollers, etc. Therefore, in a modern urban environment, alternative approaches to socially significant objects should always be organized: ramps and / or elevators.

Рис. 4.24. Площадь Республики
в Париже, Франция.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 4.24. Republic Square
in Paris, France.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Рис. 4.25. Лестница Казанского
государственного института
культуры мира в Казани.
Фото: А.Г. Гаврилов

Fig. 4.25. Stairs of the Kazan
State Institute for the Culture of
Peace in Kazan.
Photo: Alexey G. Gavrilov

Рис. 4.26. Ступенчатое основание Оперы Гарнье в Париже, Франция.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 4.26. Stepped base of the Opera Garnier in Paris, France.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Рис. 4.27. Парадная лестница Оперы Бастилии в Париже, Франция.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 4.27. The main staircase of the Bastille Opera in Paris, France.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Рис. 4.28. Латонская лестница
в Садах Версаля, Франция.
Фото: Г.Е. Игнатов

Fig. 4.28. Latona stairs
in the Gardens of Versailles, France.
Photo: Grigori E. Ignatov

Рис. 4.29. Главная лестница,
ведущая к собору Сакре-Кёр
в Париже, Франция.
Фото: О.В. Масловская

Fig. 4.29. The main staircase
leading to the Sacré-Coeur
in Paris, France.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

Пандусы в несколько раз длиннее лестниц, требуют большего количества свободного пространства и времени, затрачиваемого на подъём. Но такие элементы делают территорию доступной для МГН. Помимо этого, по пандусам удобно прогуливаться в неспешном ритме и всем остальным людям.

Лестница как центр района. Самая протяжённая и широкая лестница или даже целый комплекс лестниц, как, например, многоуровневый мемориальный сад Авадзи Юмебутай (Лестница Мечтаний) в г. Кобе, Япония (рис. 4.30), не могут приобрести значимость района.

Тем не менее благодаря своей связующей функции крупная лестница может стать центром притяжения, узлом какого-либо района, если находится в значимой точке города, на оживлённом пути или пересечении путей.

Например, культурный центр Плассен в г. Молде, Норвегия, – популярное место встреч и общения для горожан и гостей города (рис. 4.31).

Другой пример – комплекс Вессел в Нью-Йорке, который благодаря своей необычной форме, конструкции и метафоричности собирает площадь Хадсон-ярдс в единое пространство, превращает территорию в значимое место в районе и городе (рис. 4.32).

Ramps are several times longer than stairs, require more space and time to climb. But such elements make the territory accessible to the people with limited mobility. In addition, it is convenient for all other people to walk along the ramps at a leisurely pace.

Staircase as the center of the district. The longest and widest staircase, or even a whole set of stairs, such as the multi-level Awaji Yumebutai Memorial Garden (Staircase of Dreams) in Kobe, Japan (fig. 4.30), cannot acquire the significance of a district.

However, thanks to its connecting function, a large staircase can become a center of attraction, a hub of any area, if it is located at a significant point in the city, on a busy path or intersection of paths. For example, the Plassen cultural center in Molde, Norway is a popular meeting and communication place for citizens and visitors to the city (fig. 4.31).

Another example is the Wessel complex in New York, which, thanks to its unusual shape, design and metaphor, collects Hudson Yards into a meaningful space, turning the territory into a significant place in the area and in the city (fig. 4.32).

Рис. 4.30. Мемориальный сад
Авадзи Юмебутай (Лестница
Мечтаний) в г. Кобе, Япония.
Источник:
<https://omyworld.ru/10206>

Fig. 4.30. Awaji Yumebutai Memorial
Garden (Staircase of Dreams) in
Kobe, Japan. Source:
<https://omyworld.ru/10206>

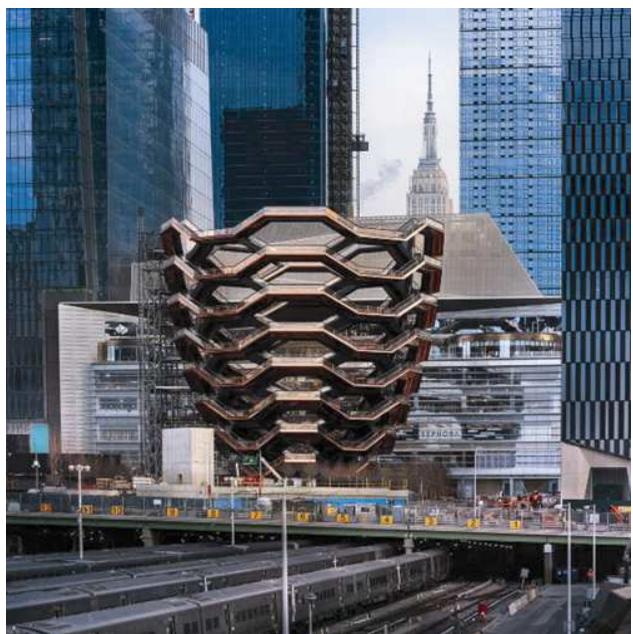

Рис. 4.31. Культурный центр
Плассен в г. Молде, Норвегия.
Источник:
<https://www.designboom.com/architecture/3xn-cultural-center-plassen>.
Фото: Адам Морк

Fig. 4.31. Plassen cultural center in
Molde, Norway. Source:
<https://www.designboom.com/architecture/3xn-cultural-center-plassen>.
Photo: Adam Mork

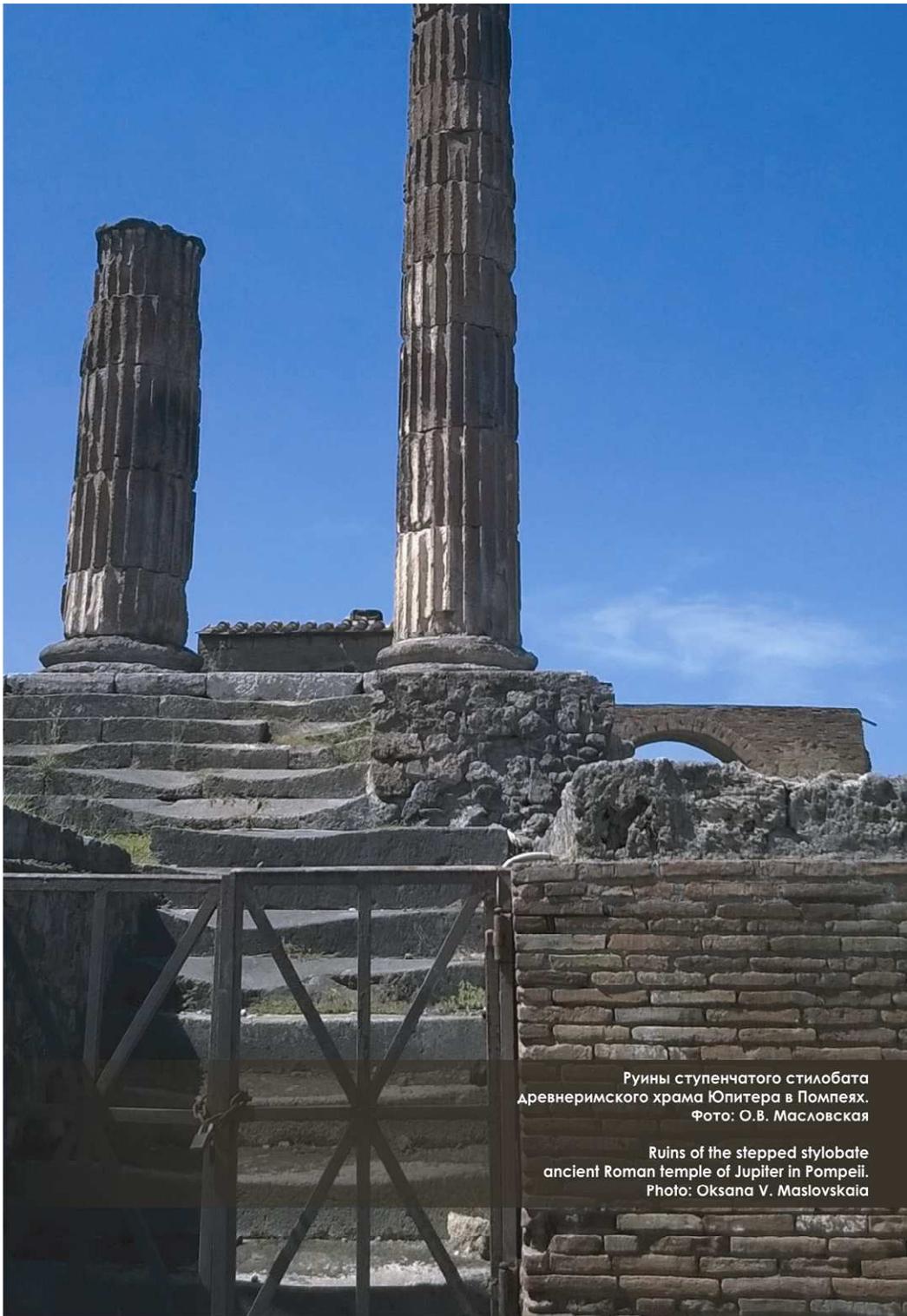
а (a)

б (b)

Рис. 4.32. Комплекс «Вессел» в Нью-Йорке, США:
а – интерьер; б – общий вид.
Источник:
https://www.architime.ru/news/heatherwick_studio_/vessel.htm#6.jpg.
Фото: Caroline Spivack, Michael Moran

Fig. 4.32. The “Vessel” complex in New York, USA:
a – interior;
b – general view. Source:
https://www.architime.ru/news/heatherwick_studio_/vessel.htm#6.jpg.
Photo: Caroline Spivack, Michael Moran

Руины ступенчатого стилобата
древнеримского храма Юпитера в Помпеях.
Фото: О.В. Масловская

Ruins of the stepped stylobate
ancient Roman temple of Jupiter in Pompeii.
Photo: Oksana V. Maslovskaja

4.4. Лестница как пространственный архетип и элемент образа города

По своей роли в процессе пространственной *ориентации* лестницы, подобно мостам, функционируют как *пути* (в случае их пересечений как *узлы*), поскольку они выступают связующими элементами между различными подпространствами или средами.

Лестницы, как и мосты, – важные, в образных интерпретациях часто кульминационные моменты пути, где они служат пороговым элементом, *границей-переходом*.

Акцентированные вертикальные элементы ограждений парадных и парковых лестниц – вазонов, скульптур, колонн, арок, аркад – могут стать хорошими *ориентирами* – выразительными элементами в воспринимаемом образе окружения.

Объединённые значениями пути, узла, границы и ориентира лестницы – потенциально сильный центр притяжения *района*.

С позиции человеческой *идентификации* (отождествления с местом) лестницы как сильные фигуры на фоне окружающего ландшафта могут становиться эмблемами-символами города, представленными в рекламе, путеводителях, художественных произведениях.

4.4. Stair as a spatial archetype and element of the image of the city

In terms of their role in the process of spatial orientation, stairs, like bridges, function as paths (in the case of their intersection, as nodes), since they act as connecting elements between different subspaces or environments.

Stairs, like bridges, are important, in figurative interpretations, often the climax of the path, where they serve as a threshold element, a border-transition.

The accentuated vertical elements of the railings of the front and park stairs – flowerpots, sculptures, columns, arches, arcades – can become good landmarks – expressive elements in the perceived image of the environment.

Combined with path, node, boundary, and landmark values, stairs are a potentially strong center of attraction for a neighborhood.

From the standpoint of human identification (identification with a place), stairs, as strong figures against the background of the surrounding landscape, can become emblems-symbols of the city, presented in advertising, guidebooks, and works of art.

Приподнимая архитектурные и ландшафтные объекты на высоту, лестницы усиливают фигуративные качества образа зданий и монументов, придавая им эффект парадности и величественности.

Организуя доступ к высоким видовым площадкам, лестницы создают возможность обзора окружающих ландшафтов, вызывая ощущение свободы над повседневностью, чувство «мышечной радости» (по определению И.П. Павлова) от преодоления обусловленных перепадами высот физических препятствий.

К. Александер отмечает важность совершения физических усилий при восхождении на возвышенные формы рельефа, башни, крыши высотных зданий: «свежесть восприятия и приятное возбуждение при посещении высотных мест исчезнут, если отправиться наверх на автомобиле или подъёмнике. Чтобы полностью проникнуться величественным видом, следует потрудиться – выйти из автомобиля или лифта, взобраться туда самостоятельно. Такое восхождение, даже если это всего несколько ступенек, проясняет голову и подготавливает тело» [1, с. 338].

Raising architectural and landscape objects to a height, stairs enhance the figurative qualities of the image of buildings and monuments, giving them the effect of splendor and majesty.

Organizing access to high-rise observation platforms, stairs create an opportunity to view the surrounding landscapes, causing a feeling of freedom over everyday life, a feeling of “muscular joy” (as I.P. Pavlov defined) from overcoming physical obstacles caused by elevation changes.

Chr. Alexander notes the importance of making physical efforts when climbing high places, such as natural part of the topography, or towers, or part of the roofs of the highest local building: “the freshness or exhilaration if there is a ride to the top in a car or elevator. To get a full sense of the magnificence of the view, it seems necessary to work for it, to leave the car or elevator, and to climb. The act of climbing, even if only for a few steps, clears the mind and prepares the body” [21, p. 317].

Включаясь в структуру образа города, лестницы функционируют не изолированно; они активно взаимодействуют с другими элементами среды: придают динамичность площадям (см. рис. 4.6, 4.7, 4.9, 4.27–4.29), объединяют площади с общественными пространствами на крышах (см. рис. 2.23–2.26), усиливают драматизм мостов (рис. 4.33–4.37), формируют и индивидуализируют облик ландшафта, делают место выразительным, узнаваемым и запоминающимся.

Being included in the structure of the image of the city, stairs do not function in isolation, they actively interact with other elements of the environment: they give dynamism to the squares (see fig. 4.6, 4.7, 4.9, 4.27–4.29), combine squares with public spaces on the roofs (see fig. 2.23–2.26), enhance the drama of bridges (fig. 4.33–4.37), form and individualize the appearance of the landscape, make the place expressive, recognizable and memorable.

Рис. 4.33. Лестница «Карманный парк» на Лондонском мосту в Лондоне, Великобритания.
Источник:
<https://bere.co.uk/architecture/london-bridge-staircase/>.
Фото: Питер Кук

Fig. 4.33. London Bridge Staircase “pocket park” in London, Great Britain. Source:
<https://bere.co.uk/architecture/london-bridge-staircase/>.
Photo: Peter Cook

Рис. 4.34 / Fig. 4.34.
Мост Риальто в Венеции /
Rialto Bridge in Venice.
Источник: / Source:
<https://myloview.com/sticker-rialto-bridge-stairs-no-4CB33C6>.
Фото / Photo: Rialto Danhelle

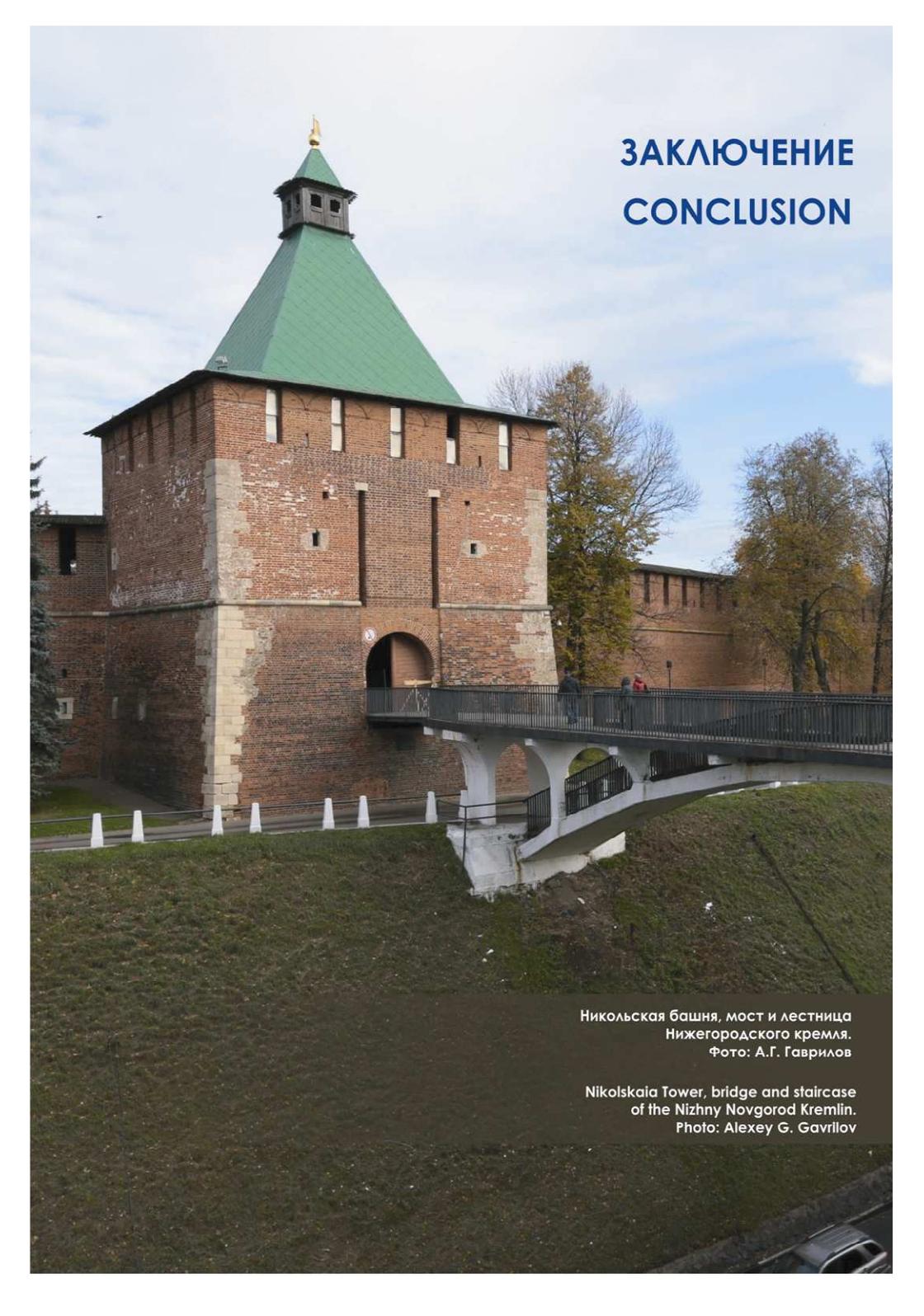
Рис. 4.35 / Fig. 4.35.
Мост Конституции в Венеции
/ Constitution Bridge in Venice.
Источник: / Source:
<https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=40160447>.
Фото: / Photo: Cristoph Radtke

Рис. 4.36 / Fig. 4.36. Лестница-мост
над ущельем Виамала, Швейцария /
Staircase-bridge over the Viamala
Gorge, Switzerland. Источник: /
Source: https://www.architime.ru/search/top_10_stairs/stairs.htm

Рис. 4.37 / Fig. 4.37. Мост Харбор
в Сиднее, Австралия / Sydney Harbor
Bridge, Australia. Источник: / Source:
<https://www.theintrepidguide.com/sydney-harbor-bridge-climb-review>

A photograph of the Nikolskaya Tower of the Nizhny Novgorod Kremlin. The tower is a large, multi-story brick structure with a prominent green, conical roof topped with a golden spire. A modern concrete bridge with a black metal railing spans across the base of the tower, leading to an arched entrance. The scene is set against a cloudy sky with some trees in the background.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ CONCLUSION

Никольская башня, мост и лестница
Нижегородского кремля.
Фото: А.Г. Гаврилов

Nikolskaia Tower, bridge and staircase
of the Nizhny Novgorod Kremlin.
Photo: Alexey G. Gavrilov

Согласно теории Кристиана Норберга-Шульца, средствами архитектуры визуализируется и поддерживается структура человеческого бытия-в-мире [48, с. 29]. В формально-образной структуре города высотные здания, башни, пилоны мостов – это вертикальные элементы, мосты – горизонтальные, площади – плоскостные, а лестницы – диагональные линии и плоскости, которые связывают разные уровни пространства между собой.

Визуализируя и овеществляя образ окружения, делая его легко читаемым, вообразимым и запоминающимся, то есть являясь сильной фигурой на фоне окружающего ландшафта, каждый из рассмотренных архетипов способен стать знаком, эмблемой-символом города, участвующим как в личностной идентификации с местом (формирование территориальной идентичности), так и в пространственной ориентации человека, понимании им своего местонахождения для того, чтобы жить и действовать.

Процессы идентификации и ориентации участвуют в повседневной жизни, служа для выполнения утилитарных целей, но одновременно способны наполнить жизнь экзистенциальными переживаниями.

According to the theory of Christian Norberg-Schulz, the structure of human being-in-the-world is visualized and maintained by means of architecture [48, p. 29]. In the formal-figurative structure of the city, high-rise buildings, towers, pylons of bridges are vertical elements, bridges are horizontal, squares are planar, and stairs are diagonal lines and planes that connect different levels of space with each other.

Visualizing and materializing the image of the environment, making it easy to read, imaginable and memorable, that is, being strong figures against the background of the surrounding landscape, each of the considered archetypes is able to become a sign, emblem-symbol of the city, participating both in personal identification with the place (the formation of territorial identity), and in the spatial orientation of a person, his understanding of his location in order to live and act.

The processes of identification and orientation are involved in everyday life, serving to fulfill utilitarian purposes, but at the same time they are able to fill life with existential experiences meanings.

Рассмотренные архитектурные архетипы, каждый по-своему, влияют на эмоциональное состояние, самоощущение и самосознание человека. Своей высотой и монументальностью небоскрёб притягивает внимание, вызывает чувство величия и мощи. Он может символизировать городскую силу, современность, экономическое развитие, технологический прогресс. Небоскрёб также может вызывать чувство экстаза или тревоги, в зависимости от индивидуального восприятия.

Основным смыслом небоскрёба является понятие высоты и вертикальности. Его возвышающаяся форма символизирует утверждающий жест, созидательную активность и силу. Высотные здания, башни, вышки как вертикальные элементы в структуре образа города сохраняют своё традиционное значение ориентиров, в качестве доминирующих центров собирают окружающее пространство, как значительные фигуры берут на себя значение символов городов.

Основной феноменологический смысл городской площади заключается в том, что она является центром общественной жизни, ограждающим культурные, исторические и социальные аспекты города, местом, воплощающим его идентичность.

The considered architectural archetypes, each in their own way, influence the emotional state, self-awareness and self-understanding of a person. With its height and monumentality, the skyscraper attracts attention and evokes a feeling of grandeur and power. It can symbolize urban strength, modernity, economic development, technological progress. A skyscraper can also evoke feelings of ecstasy or anxiety, depending on individual perception.

The main meaning of a skyscraper is the concept of height and verticality. Its towering form symbolizes an affirming gesture, creative activity and strength. High-rise buildings and towers as vertical elements in the structure of the image of the city retain their traditional meaning of landmarks, as dominant centers collect the surrounding space, as significant figures take on the meaning of symbols of cities.

The main phenomenological meaning of the city square is that it is the center of public life, reflecting the cultural, historical and social aspects of the city, a place that embodies its identity.

Главным содержательным аспектом площади является человеческая коммуникация – это традиционно место встреч, свиданий, проведения мероприятий, выражения общественных и политических идей, обмена информацией и социальной коммуникации.

Площадь концентрирует в себе значение «узла», соединяя пути, людей и пространства. Подобно «просеке» Хайдеггера, открывающей тайну сущего и делающей его понятным, площади – «широкие пути» – выявляют качество места в пространстве, структурируют и упорядочивают его. Площади – это ещё и точки отсчёта в городской системе координат; в особых случаях они получают звание центра не только города, но и мира.

Основной феноменологический смысл моста заключается в его способности связывать пространственные разрывы, он концентрирует в себе значение «путь», соединяя не только в территориальном отношении, но и в смысловом.

Мост является символом перехода между различными пространствами, временами или состояниями. Феноменологически, мост может олицетворять преодоление преград, преодоление различий, объединение или слияние различных аспектов опыта.

The main content aspect of the square is human communication – it is traditionally a place of meetings, rendezvous, events, expression of social and political ideas, exchange of information and social communication.

The square concentrates the meaning of the “node”, connecting paths, people and spaces. Like Heidegger's “clearing” that reveals the mystery of existence of what exists and makes it understandable, squares – “wide paths” – reveal the quality of a place in space, structure and order it.

Squares are also reference points in the city coordinate system, in special cases they receive the title of the center not only of the city, but also of the world.

The main phenomenological meaning of the bridge lies in its ability to connect spatial gaps; it concentrates the meaning of the “path”, connecting not only territorially, but also semantically.

A bridge is a symbol of transition between different spaces, times or states. Phenomenologically, a bridge can represent the overcoming of barriers, the bridging of differences, the unification or merging of different aspects of experience.

Мосты играют исключительную роль при освоении ландшафта, раскрывая качество места в пространстве, собирая и структурируя его.

Как сильная фигура и организующий элемент в структуре ландшафта мост часто несёт значение городского символа; постройка знаменательного моста способна придать городу новый статус.

Для лестниц характерно объединение ролей «путь», «узел» и «граница». Значимые лестницы могут приобретать роль символов городов, менее значимые служат для усиления и драматизации других элементов образа города: связывают различные уровни пространства между собой, усиливают фигуративные качества зданий и монументов, приподнимая их на высоту, придают динамизм перспективам, создают необходимый контраст между требующим физических усилий подъёмом на высоту и ощущением свободы, близким к катарсису, при взгляде на окрестности сверху.

Основной феноменологический смысл лестницы заключается в предоставлении ею возможностей перехода от одного уровня или состояния к другому: лестница может олицетворять стремление к достижению целей, личностный рост, преодоление преград или эволюцию в различных аспектах жизни, символизировать идею движения, прогресса и постепенного развития.

Bridges play an exceptional role in human development of the landscape, revealing the quality of place in space, collecting and structuring it.

As a strong figure and an organizing element in the structure of the landscape, the bridge often carries the meaning of an urban symbol, the construction of a significant bridge can give the city a new status.

Stairs are characterized by combining the roles of “path”, “node”, and “boundary”. Significant staircases can acquire the role of symbols of cities, less significant ones serve to enhance and dramatize other elements of the city’s image: they connect different levels of space with each other, enhance the figurative qualities of buildings and monuments, raising them to a height, give dynamism to perspectives, create the necessary contrast between demanding physical efforts rise to heights and a feeling of freedom, close to catharsis, when looking at the surroundings from above.

The main phenomenological meaning of a staircase is that it provides opportunities for transition from one level or state to another: a staircase can represent the desire to achieve goals, personal growth, overcoming obstacles or evolution in various aspects of life, symbolize the idea of movement, progress and gradual development.

Лестницы и мостики Александровского сада в Москве,
вдалеке – Кутафья (Предмостная) башня.
Фото: А.Г. Гаврилов

Stairs and bridges of the Alexander Garden in Moscow,
in the distance – Kutafya (Bridge) tower.
Photo: Alexey G. Gavrilov

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

BIBLIOGRAPHY

1. Александер, К. Язык шаблонов. Города. Здания. Строительство / К. Александер, С. Исикава, М. Силверстайн; пер. с англ. И. Сыровой. – 2-е изд. – Москва: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2020. – 1096 с.
2. Бринкман, А.Э. Площадь и монумент как проблема художественной формы / А.Э. Бринкман; пер. с нем. И. Хвойника. – Москва: Изд. Всесоюзной академии архитектуры, 1935. – 296 с.
3. Гуревич, П.С. Психоанализ. Т. 2. Современная глубинная психология: учебник для магистров / П.С. Гуревич. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2015. – 564 с.
4. Кондратович, А. Метафоры в переговорах – это мосты / А. Кондратович // Деловой мир [сайт]. – URL: <https://delovoymir.biz/metafory-v-peregovorah-eto-mosty.html> (дата обращения: 25.02.2023).
5. Линч, К. Образ города / К. Линч; пер. с англ. В.Л. Глазычева. – Москва: Стройиздат, 1982. – 328 с.
6. Линч, К. Совершенная форма в градостроительстве / К. Линч; пер. с англ. В.Л. Глазычева; под ред. А.В. Иконникова. – Москва: Стройиздат, 1986. – 264 с.
7. Масловская, О.В. Центральная площадь г. Владивостока как пространственный феномен и место социальной коммуникации / О.В. Масловская // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2014. – № 4(31). – С. 80–89. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22829908>
8. Норберг-Шульц, К. Жизнь имеет место / К. Норберг-Шульц; пер. с англ. В. Иовлева // Известия высших учебных заведений. Architecton. – 1995. – № 1-2. – С. 24–31.
9. Палладио, А. Четыре книги об архитектуре / А. Палладио; пер. с итал. И.В. Жолтовского. – Москва: Стройиздат, 1989 (репринтное издание). – 352 с.
10. Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699. – Москва: Наука, 1992. – 387 с.

11. Самаркин, В.В. Историческая география Западной Европы в средние века: учеб. пособие. – Москва: Высшая школа, 1976. – 248 с.

12. Топоров, В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения и балканистики; отв. ред. Т.В. Цивьян // Текст: семантика и структура. – Москва, 1983. – С. 227–284.

13. Фрейденберг, О.М. Миф и литература древности / О.М. Фрейденберг. – 2-е изд. – Москва: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 800 с.

14. Хайдеггер, М. Искусство и пространство // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. – Москва: Республика, 1993. – С. 312–316.

15. Чернявина, Л.А. Безопасность лестниц в городской среде г. Владивостока / Л.А. Чернявина, О.В. Масловская // Современные наукоемкие технологии. – 2017. – № 3. – С. 61–67. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28926274>

16. Шимко, В.Т. Архитектурно-дизайнерское проектирование городской среды: учебник / В.Т. Шимко. – Москва: Архитектура-С, 2006. – 384 с.

17. Шуази, Огюст. Всеобщая история архитектуры / Огюст Шуази; пер. с фр. Н.С. Курдюков, Е.Г. Денисова. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва: Эксмо, 2017. – 575 с.

18. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

19. 11th street bridge park // Building Bridges Across the River [сайт]. – URL: <https://bbardc.org/park/> (дата обращения: 25.02.2023).

20. Abu-Ghazalah, S. Le Royal in Amman: A new architectural symbol for the 21st century / S. Abu-Ghazalah // Cities Journal. – 2006. – Vol. 23, no. 2. – P. 149–159.

21. Alexander, Chr. A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction / Chr. Alexander, S. Ishikawa, and M. Silverstein. – New York: Oxford University Press, 1977. – 1166 p.

22. Attoe, W. Skylines: understanding and molding urban silhouettes / W. Attoe. – Chichester, New York: Wiley, 1981. – XIV. – 128 p.

23. Azzarello, Nina. Thomas Heatherwick unveils 'Vessel' for NY's Hudson Yards". DesignBoom (September 14, 2016). 15.03.2023. URL: <https://www.designboom.com/architecture/thomas-heatherwick-vessel-hudson-yards-new-york-09-14-2016/>

24. Barnhart, Robert K. [editor] & Steinmetz, Sol [managing editor]. The Barnhart dictionary of etymology. – Bronx, N.Y.: H.W. Wilson Co., 1988. – XXVII. – 1284 p.
25. Barthes, R. Rhetoric of the Image / Image, Music, Text. – London: Fontana Press, 1977. – 220 p.
26. Bishop, P. Bridges / P. Bishop. – London: Reaktion, 2008. – 240 p.
27. Boake, T.M. It's Not About the Skyline, It's About the Base Condition / T.M. Boake // Global Interchanges: Resurgence of the Skyscraper City, CTBUH 2015 New York Conference, 2015. – P. 494–501.
28. Bridge Park for Washington, DC // Topos [сайт]. – URL: <https://topomagazine.com/bridge-park-washington-dc/> (дата обращения: 22.03.2023).
29. Dupre, Judith. Introduction by Frank O. Gehry; Bridges: A History of the World's Most Famous and Important Spans / J. Dupre; designed by Alleycat. – New York: Black Dog & Leventhal, 1997. – 128 p.
30. Dupre, Judith. Introductory interview with Philip Johnson; Skyscrapers. – New York: Black Dog & Leventhal, 1996. – 127 p.
31. Eco U. Function and Sign: Semiotic of Architecture / Broadbent, Bunt, Jencks, eds., Signs, Symbols, and Architecture. – New York, John Wiley, 1980. – P. 11–70.
32. Emporis (Skyline-Ranking of International Skylines) // Emporis [сайт]. – URL: <http://www.emporis.com/statistics/skyline-ranking> (дата обращения: 22.12.2022).
33. Ford, L.R. The Urban Skyline As A City Classification System / L.R. Ford // Journal of Geography. – 1976. – 75.3. – P. 154–164.
34. Heidegger, M. Art and Space / M. Heidegger // Man and World. – 1973. – № 6. – P. 3–8.
35. Heidegger, Martin. Poetry, Language, Thought. – New York: Harper and Row, 1971 (1935). – 256 p.
36. Huxtable, A.L. The tall building artistically reconsidered: the search for a skyscraper style / A.L. Huxtable. – New York: Pantheon Books, 1984. – 128 p.
37. Jencks, Charles. Skyscrapers-Skyprickers-Skycities. – New York: Rizzoli, 1980. – 80 p.
38. Joe, Rita. Poems of Rita Joe. – Halifax, N.S.: Abanaki Press, 1978. – 26 leaves.
39. Korom, J.J. The American Skyscraper, 1850–1940: A Celebration of Height / J.J. Korom. – Boston: Branden Books, 2008. – 540 p.

40. Leeuwen, T.A.P.van. The skyward trend of thought: the metaphysics of the American skyscraper / T.A.P.van. Leeuwen. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988. – viii. – 176 p.

41. LeRoy Buffington // Minnesota Inventors Hall of Fame [сайт]. – URL: <https://www.mninventor.org/copy-20-of-2011-richard-thorud> (дата обращения: 30.03.2023).

42. Lynch, K. A Theory of Good City Form / K. Lynch. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1981. – 524 p.

43. Lynch, K. The Image of the City. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1960. – 196 p.

44. Maslovskaja, O. Conceptions of Height and Verticality in the History of Skyscrapers and Skylines / O. Maslovskaja, G. Ignatov // E3S Web of Conferences. – 2018. – № 33. – P. 01005.

45. Mizutani, K. Construction of a 300-Meter Vertical City: Abeno Harukas / K. Mizutani, K. Hirakawa and M. Nakashima // International Journal of High-Rise Buildings. – 2015. – № 4.3. – P. 199–207.

46. Multi-way bridge // Wikipedia [сайт]. – URL: Multi-way bridge - Wikipedia (дата обращения: 23.02.2023).

47. Nobel, P. The Future of the Skyscraper / Philip Nobel, Tom Vanderbilt, Matthew Yglesias, Diana Lind, Will Self, Emily Badger, Dickson D. Despommier, Michael Govan. – New York: Metropolis Books, 2015. – 127 p.

48. Norberg-Schulz, Chr. The concept of dwelling / Chr. Norberg-Schulz. – New York: Rizzoli International Publications, 1993. – 140 p.

49. Norberg-Schulz, Chr. Phenomenon of Place / Chr. Norberg-Schulz // Architectural Association Quarterly. – 1976. – № 4. – P. 3–10.

50. Norberg-Schulz, Chr. Genius Loci, Towards a Phenomenology of Architecture. – New York: Rizzoli, 1979. – 216 p.

51. Norberg-Schulz, Chr. Life Take Place // Oslo-School of Architecture. Research Magazine. – 1991. – № 1 (Ed. by H. Dunin-Woyseth, Y. Solheim, E. Urheim). – P. 24–26.

52. Palladio, A. The Four Books of Architecture / A. Palladio. – New York: Dover Publication, 1965. – 356 p.

53. Pallasmaa, J. The Geometry of Feeling: a Look at the Phenomenology of Architecture (1986) / J. Pallasmaa // Theorizing a new agenda for architecture: an anthology of architectural theory 1965–1995, Nesbitt, Kate (ed.). – New York: Princeton Architectural Press, 1996. – P. 447–453.

54. Riley, D. The London Bridge station area // D. Riley, J.B. Burland, J.R. Standing, F.M. Jardine // Building Response to Tunneling: Case Stud-

ies from Construction of the Jubilee line Extension, London. Vol. 1. – London: ICE Publishing, 2001. – P. 103–114.

55. Rowe, Colin; Koetter, Fred, Collage city. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1978. – 185 p.

56. Simpson, J.A., and Weiner, E.S.C. [prepared by]. The Oxford English dictionary; 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1989. – Vol. 15. – 1013 p.

57. Skyscraper Dictionary // Skyscraper City [сайт]. – URL: <https://www.skyscraper-city.com/threads/skyscraper-dictionary.1602064/page-7#post-107353657> (дата обращения: 30.03.2023).

58. Sullivan, Louis. The tall office building artistically considered (1896) / The public papers, Robert Twombly (ed.). – Chicago, London: University of Chicago Press, 1988. – P. 103–113.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН INDEX OF NAMES

- Александр, К., 77, 170, 174, 186
Барт, Р., 33
Баффингтон, Л., 22-23
Бишоф, П., 118
Боак, Т., 26
Боффо, Ф.К., 157
Брейгель Старший, П. 31
Бринер, Ю., 161, 162
Бринкман, А.Э., 8
Дженкс, Ч., 22-24, 30
Джо, Р., 13
Дюпре, Дж. 9, 10,
Кором, Дж.Дж., 32
Ладовский, Н.А., 54
Леувен, Т., 30, 33, 38
Лец, С., 104
Линч, К., 7, 52, 54, 69, 72, 81,
111, 112, 116, 120, 129, 133, 139
Мёбиус, А.Ф., 171
Можаев, А.В., 62
Нобель, Ф., 37
Норберг-Шульц, К., 7, 52, 94,
102, 104, 191
Павлов, И.П., 186
Палладио, А., 121, 123, 170
Палласмаа, Ю., 7, 52
Пиранези, Дж., 171
Alexander, K., 77, 170, 174, 186
Barthes, R., 30
Bishop, P., 118
Boake, T., 26
Boffo, F.K., 157
Brinkman, A.E., 8
Brueghel the Elder, P., 31
Bryner Ju., 161, 162
Buffington, LeRoy, 22-23
Dupre, J., 9, 10,
Eco, U., 130-132, 147, 150, 151
Escher, M.C., 171
Field, E.S., 30, 31
Freidenberg, O.M., 17
Heatherwick, T., 171
Heidegger, M., 59, 60, 101, 102,
104, 193
Huxtable, A.L., 37
Jencks, Ch., 22-24, 30
Joe, Rita, 13
Korom, J.J., 32
Ladovskiy, N.A., 54
Lec, S., 104
Leeuwen, T., 30, 33, 38
Lynch, K., 7, 52, 54, 69, 72, 81,
111, 112, 116, 120, 129, 133, 139
Möbius, A.F. 171
Mozhaev, A.V., 62

Роулинг, Дж.К., 171
Салакьюз, Дж., 104
Салливен, Л., 29
Толстой, П.А., 133
Топоров, В.Н., 116, 130, 173
Филд, Э.С., 30, 31
Фрейденберг, О.М., 17
Хайдеггер, М., 59, 60, 101, 102,
104, 193
Хакстейбл, А.Л., 37
Хизервик, Т., 171
Шоу, Дж.Б., 18
Эко, У., 130-132, 147, 150, 151
Эшер, М. К., 171
Nobel, P., 37
Norberg-Schulz, Chr., 7, 52, 94,
102, 104, 191
Palladio, A., 121, 123, 170
Pallasmaa, Ju., 7, 52
Pavlov, I.P., 186
Piranesi, G., 171
Rowling, J.K., 171
Salacuse, J., 104
Shaw, G.B., 18
Sullivan, L., 29
Tolstoy, P.A., 133
Toporov, V.N., 116, 130, 173

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ

INDEX OF PLACES

Абанери, Индия, 172
Амман, Иордания, 27, 28, 31
Барнаул, Россия 64
Бартлесвилль, США, 35
Безансон, Франция, 170, 172
Бухарест, Румыния, 63
Вашингтон, США, 122, 123
Венеция, Италия, 80, 121, 123,
130, 132, 133, 188
Версаль, Франция, 179
Виамала, Швейцария, 188
Владивосток, Россия, 24, 25, 34,
40, 49, 55, 59-62, 65, 66, 71-76, 78,
80-82, 86, 87, 91, 99, 100, 105, 107,
108, 113, 126-128, 137, 143-145,
149, 153, 155, 161, 162, 165, 169,
175
Волгоград, Россия, 148
Гонконг, Китай, 19, 20
Даньян-Куньшаньский виадук,
Китай, 114
Девинская Кобыла, Словакия, 88
Дубай, ОАЭ, 19, 21
Екатеринбург, Россия, 11
Занесвилль, США, 117
Казань, Россия, 71, 177
Кисловодск, Россия, 169
Кобе, Япония, 180, 181
Копенгаген, Дания, 90
Лангкави, Малайзия, 142
Лондон, Великобритания, 102,
103, 187

Abaneri, India, 172
Amman, Jordan, 27, 28, 31
Barnaul, Russia, 64
Bartlesville, USA 35
Besançon, France, 170, 172
Bucharest, Romania, 63
Changsha, China, 119
Chicago, USA, 19, 21, 27, 114
Copenhagen, Denmark, 90
Danyang-Kunshan Viaduct,
China, 114
Devinska Kobyla, Slovakia, 88
Dubai, UAE, 19, 21
Florence, Italy, 83, 143
Hong Kong, China, 19, 20
Kazan, Russia, 71, 177
Kislovodsk, Russia, 169
Kobe, Japan, 180, 181
Langkawi, Malaysia, 142
London, UK, 102, 103, 187
Minneapolis, USA, 20
Molde, Norway, 180, 181
Montevideo, Uruguay, 63
Moscow, Russia, 5, 62, 64, 149, 195
Mosty, Belarus, 120
New York, USA, 19, 20, 41, 88,
89, 135, 171, 180, 182
Niagara Falls, Canada 132
Niagara Falls, USA 132

Миннеаполис, США, 20
 Молде, Норвегия, 180, 181
 Монтевидео, Уругвай, 63
 Москва, Россия 5, 62, 64, 149, 195
 Мосты, Беларусь, 120
 Ниагара-Фолс, Канада, 132
 Ниагара-Фолс, США, 132
 Нижний Новгород, Россия 148, 189
 Нью-Йорк, США, 19, 20, 41, 88, 89, 135, 171, 180, 182
 Одесса, Украина, 157, 160, 174
 Оренбург, Россия, 131
 Осака, Япония, 26
 Панямуне, Литва, 131
 Париж, Франция, 47, 48, 70, 79, 89, 159, 157, 159, 163, 168, 175, 177-179
 Пиза, Италия, 57
 Помпеи, Италия, 183
 Прага, Чехия, 126, 135, 136
 Пушкин, Россия, 168
 Рим, Италия, 62, 65, 157, 158, 163
 Роттердам, Нидерланды, 90
 Санкт-Петербург, Россия, 97, 109, 144
 Сан-Франциско, США, 15
 Сараево, Босния и Герцеговина, 119
 Сидней, Австралия, 105, 106, 108
 Сиена, Италия, 67
 Сингапур, Сингапур, 19, 21
 Скукуза, ЮАР, 116
 Советск, Россия, 131
 Страсбург, Франция, 31
 Таганрог, Россия, 157, 160, 173
 Флоренция, Италия, 83, 143
 Чанша, Китай, 119
 Чикаго, США, 19, 21, 27, 114
 Nizhny Novgorod, Russia, 148, 189
 Odessa, Ukraine, 157, 160, 174
 Orenburg, Russia, 131
 Osaka, Japan, 26
 Panemunė, Lithuania, 131
 Paris, France, 47, 48, 70, 79, 89, 159, 157, 159, 163, 168, 175, 177-179
 Pisa, Italy, 57
 Pompeii, Italy, 183
 Prague, Czech Republic, 126, 135, 136
 Pushkin, Russia, 168
 Rome, Italy, 62, 65, 157, 158, 163
 Rotterdam, Netherlands, 90
 San Francisco, USA, 15
 Sarajevo, Bosnia and Herzegovina, 119
 Siena, Italy, 67
 Singapore, Singapore, 19, 21
 Skukuza, South Africa, 116
 Sovetsk, Russia, 131
 St. Petersburg, Russia, 97, 109, 144
 Strasbourg, France, 31
 Sydney, Australia 105, 106, 108
 Taganrog, Russia, 157, 160, 173
 Venice, Italy, 80, 121, 123, 130, 132, 133, 188
 Versailles, France, 179
 Viamala, Switzerland, 188
 Vladivostok, Russia, 24, 25, 34, 40, 49, 55, 59-62, 65, 66, 71-76, 78, 80-82, 86, 87, 91, 99, 100, 105, 107, 108, 113, 126-128, 137, 143-145, 149, 153, 155, 161, 162, 165, 169, 175
 Volgograd, Russia, 148
 Washington, USA, 122, 123
 Yekaterinburg, Russia, 11
 Zanesville, USA 117

Научное издание

Масловская Оксана Владимировна
Копьёва Алла Васильевна
Иванова Ольга Гениевна

СЕМИОТИКА АРХИТЕКТУРЫ

Редактор И.Г. Шабунина
Компьютерная верстка М.А. Портновой
Перевод на английский О.В. Масловской

Подписано в печать 15.05.2024. Формат 60×84/16
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,85.
Уч.-изд. л. 10,75. Тираж 500 экз. Заказ 267

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Scientific publication

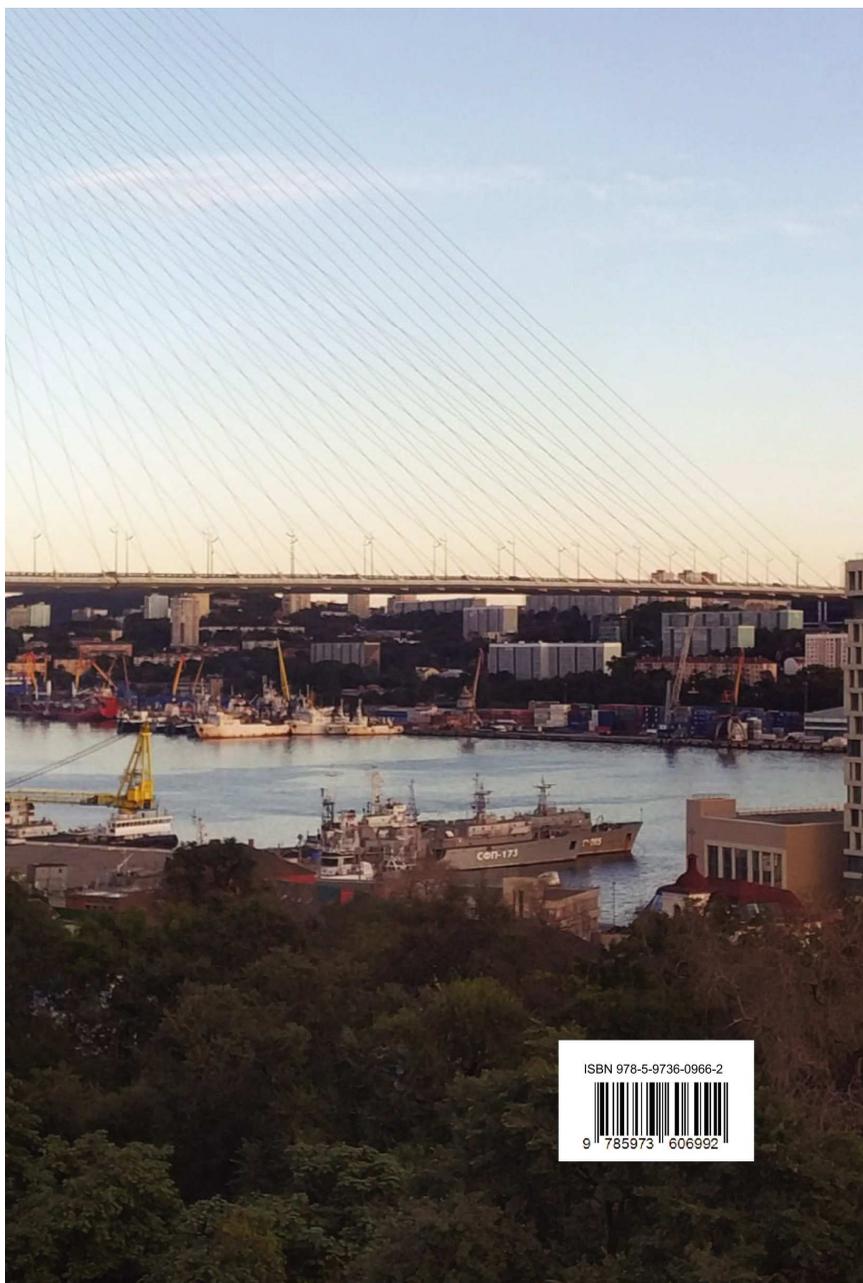
Maslovskaia Oksana Vladimirovna
Kopieva Alla Vasilievna
Ivanova Olga Genievna

SEMIOTIC OF ARCHITECTURE

Editor I.G. Shabunina
Computer layout M.A. Portnova
Translated into English by O.V. Maslovskaia

Signed for publication on 15.05.2024. Format 60×84/16.
Writing paper. Offset printing. Conventional print sheet 11.85.
Circulation 500 copies. Order 267

Vladivostok State University Publishing House
690014, Vladivostok, st. Gogol, 41

ISBN 978-5-9736-0966-2

9 785973 606992